

БОРЬБА ЗА ЛЕНИНГРАД

Один из 100
выпущенных экзем-
пляров дарим папе,
тестю и дедушке
Тамара, Олег, Лариса
От Ароси

ИЗДАНО В ЛЕНИНГРАДЕ
В ДНИ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

FIGHT FOR LENINGRAD

PILOTS

DRAWINGS BY
ANATOL JAR-KRAVTSCHENKO
VICTOR MOROZOFF

TEXT BY
BOR. BRODYANSKY

1944

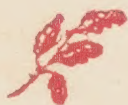
STATE EDITION

«ART»

Leningrad — Moscow

БОРЬБА ЗА ЛЕНИНГРАД

ЛЕТЧИКИ

РИСУНКИ
АНАТОЛИЯ ЯР-КРАВЧЕНКО
ВИКТОРА МОРОЗОВА

ТЕКСТ
БОР. БРОДЯНСКОГО

1944
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСКУССТВО»
Ленинград—Москва

ЗИм. 237/18

Под редакцией

полковника

Д. Г. ШАНШАШВИЛИ

Художественная и техническая

редакция

М. Н. АНИСИМОВА

А. Яр-Кравченко *Акварель*

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза

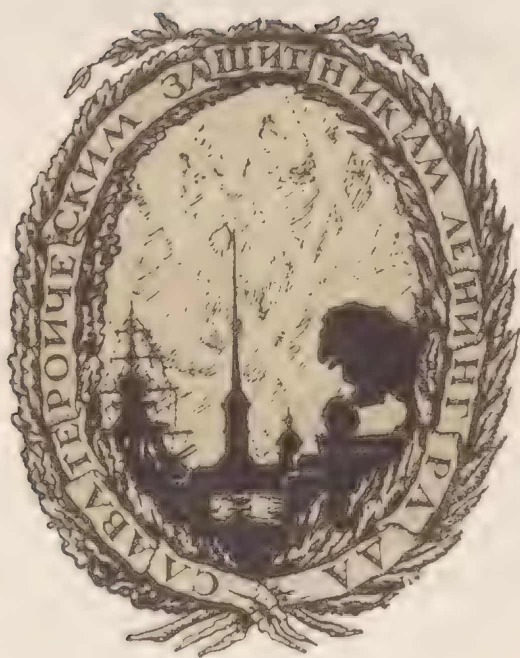
Иосиф Виссарионович
СТАЛИН

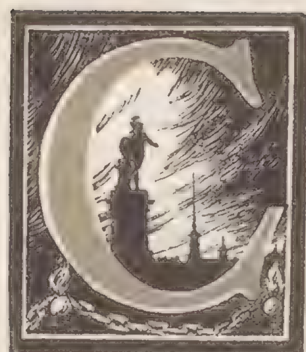
А. Яр-Кравченко *Акварель*

Член Военного Совета Ленинградского фронта
генерал-полковник

Андрей Александрович
ЖДАНОВ

СЛАВА ГЕРОИЧЕСКИМ ЗАЩИТНИКАМ ЛЕНИНГРАДА

ЛАВНАЯ защита Ленинграда от немецких полчищ войдет в историю Отечественной войны как одна из самых ярких страниц мужества и героизма, стойкости и отваги, самоотверженности и храбрости советского народа. Героическая защита Ленинграда является образцом любви и преданности советских людей к своей Отчизне, своему народу, социалистическому государству, большевистской партии и любимому вождю советского народа товарищу Сталину.

Под стенами Ленинграда победили русское оружие, русский дух, выносливость, безграничная любовь к Родине и русская лютая ненависть к врагу. На северо-западе нашей необъятной Родины древнейшее Чудское озеро снова стало свидетелем того, как «русские прусских всегда бивали». Под стенами исторического города на Неве бойцы и офицеры вспоминали героические подвиги своих предков, светлый образ которых призывал к мести фашистским захватчикам за поругание нашей священной земли. Потомки показали себя достойными своих предков.

Всё население, без различия возраста, встало на защиту города, носящего имя великого вождя нашего народа и пламенного патриота земли русской — Владимира Ильича Ленина. Защитники города, на груди которых красуется теперь медаль «За оборону Ленинграда», умножили его славу.

Организатором и душой обороны Ленинграда, так же как и организатором ликвидации блокады, был несгибаемый большевик, ученик и соратник великого

Сталина, Андрей Александрович Жданов. По его призыву почти все коммунисты и комсомольцы пошли на фронт, чтобы грудью отстоять свой родной город, город русской славы, и своим примером подымать дух войск, защищавших Ленинград.

Невероятные трудности и лишения пережили жители города, но устояли, не дали лютому врагу проникнуть на ленинградские улицы. Чего только ни предпринимали фашистские звери, чтобы овладеть Ленинградом? И штурм, и блокаду, и бомбардировки с воздуха, и жестокие артобстрелы из дальнобойных орудий. Двадцать девять месяцев город был в осаде и из них семнадцать месяцев — в полной блокаде, поддерживая связь со страной только по воздуху и через Ладожское озеро, зимой по льду, а остальное время года — водой. Фашистские изверги за весь период осады выпустили по Ленинграду свыше 150 тысяч тяжелых снарядов. Во время бомбардировок и артобстрелов было убито и ранено свыше 32 тысяч человек, бо́льшая часть из них — женщины и дети. Но город-богатырь стоял непоколебимо, как вся Русь, как все наше Советское государство. Стоял неприступным утесом, о который разбивались все попытки врага ворваться на сказочно-красивые проспекты.

Великий вождь и полководец товарищ Сталин в своем приказе № 16 от 23 февраля 1944 года разгром гитлеровцев, державших город в осаде, отнес к ряду таких побед русского воинства, как Ледовое побоище, Куликовская битва, Полтавская битва, Бородино, разгром немцев под Москвой в 1941 году, оборона Сталинграда 1942 года, Орловско-Курская битва 1943 года.

«Великая победа одержана советскими войсками под Ленинградом» *(Сталин)*. Среди многочисленных побед нашего оружия в истории борьбы за независимость Родины немногие победы прозваны народом великими. Так народ величал только те выигранные баталии, окончательный исход которых имел решающую роль в борьбе за самостоятельное существование нашей страны. И вот к подобным битвам приравнена победа Красной Армии под стенами Ленинграда. Честь и хвала тем, кто в ее рядах сражался не на жизнь, а на смерть — и победил! Вечная память тем, кто отдал свою жизнь за освобождение великого советского города от вражеской осады и прославил победоносную армию страны социализма!

Уже имеется немало попыток писателей, поэтов, художников, историков показать невиданный и доселе неслыханный героизм осажденного города, но всё это лишь отдельные штрихи грандиозной битвы за Ленинград. Нет сомнения, что русский народ даст в будущем такого гения, который воспроизведет для потомства полностью величайшую эпопею русской славы.

В защиту Ленинграда большую лепту внесли советские летчики — Сталинские соколы. Они овеяны славой победы под его стенами.

Летчики Ленинграда одними из первых встретили чудовищную военную машину фашистской Германии и преградили ей путь. Именно ленинградские летчики положили начало воздушному тарану, которого немецкие воздушные пираты боялись как огня, принявшему такой широкий ра́змах на всех фронтах Отечественной войны. Воздушные тараны — сродни истребительному движению, начатому ленинградскими бойцами и быстро распространившемуся на всех направлениях советско-германского фронта. Первый воздушный таран совершили комсомольцы Петр Харитонов и Степан Здоровцев. Президиум Верховного Совета присвоил им звание

Героя Советского Союза. Это были первые Герои Советского Союза за время Великой Отечественной войны. Ленинградские летчики первыми же подхватили благородный пример огненного тарана легендарного капитана Гастелло. Коммунист И. С. Черных и комсомольцы С. К. Косинов и Н. П. Губин буквально на третий день после подвига Гастелло повторили огненный таран. Когда их машина была подбита, они предпочли геройскую смерть позорному плену. Огненный таран на Ленинградском фронте стал массовым явлением, летчики шли на него всегда, когда вставал вопрос: быть ли в плену у немцев, или умереть со славой во имя Родины?

Летчики Ленинградского фронта с начала Отечественной войны до времени полного снятия осады нанесли врагу огромные потери. Они сбили в воздушных боях и уничтожили на земле 3510 самолетов, сожгли и разбили более 1800 танков, 6000 автомашин, 1500 вагонов и паровозов, около 4500 артиллерийских и зенитных орудий, 300 разных складов и много разной техники. Авиация истребила до 10 пехотных дивизий. Эти, на первый взгляд, голые цифры являются лучшей боевой характеристикой Сталинских соколов города Ленина. За славные боевые дела Правительство щедро наградило крылатых бойцов Ленинграда. Шестьдесят шесть лучших из лучших удостоены звания Героя Советского Союза! Тысячи награждены орденами и медалями СССР, и сотни из них награждены от трех до шести раз. Две трети авиачастей преобразованы в гвардейские, почти всем присвоены собственные наименования: Ленинградский, Невский, Пушкинский, Красносельский. Многие соединения и части награждены орденом Красного Знамени.

Ленинградским летчикам посвящен этот альбом-книга. Авторы поставили перед собой скромную задачу — показать некоторые эпизоды героических подвигов летчиков Ленинградского фронта и, по нашему мнению, эта попытка авторам удалась.

Львиная доля содержания книги посвящена летчикам-штурмовикам, что естественно, так как основной ударной силой среди летчиков были штурмовики. Одновременно авторам удалось не плохо показать и летчиков-бомбардировщиков и, особенно, истребителей.

Настоящее произведение — не повесть и, тем более, не роман. Напрасно тут искать какого-то главного героя. Главный герой альбома-книги — город Ленинград, люди, отстаивавшие его от средневековых варваров, а затем гнавшие их от стен нашей второй столицы. Здесь показаны простые советские люди—русские, украинцы, белоруссы, осетины, лезгины... Всем им одинаково дорога северная столица нашей страны — колыбель Великой Октябрьской Социалистической революции.

Альбом-книга, авторами которого являются офицеры наших частей — старшие лейтенанты Анатолий Никифорович Яр-Кравченко, Виктор Васильевич Морозов и Борис Львович Бродянский, помимо его художественного уровня, ценен еще тем, что сделан в дни, самые тяжелые для Ленинграда — в дни блокады. Причем в создании альбома принимали участие сами летчики, штурманы, механики, офицеры и сержанты, ибо он создавался в основном на аэродроме, на лётном поле, в общежитии летчиков, в землянке. Поэтому альбом этот по сути дела является подлинным документом. Будущие историки и литераторы смогут пользоваться альбомом как документом — первоисточником: на каждом портретном рисунке воздушных бойцов

Ленинграда имеется автограф, а в тексте не найдется ни одного вымышленного образа или фамилии.

В подвигах летчиков, чей образ запечатлен на этих страницах, выражена их любовь к Ленинграду, преданность Советской Отчизне, родной большевистской партии, отцу и полководцу Советского народа товарищу Сталину.

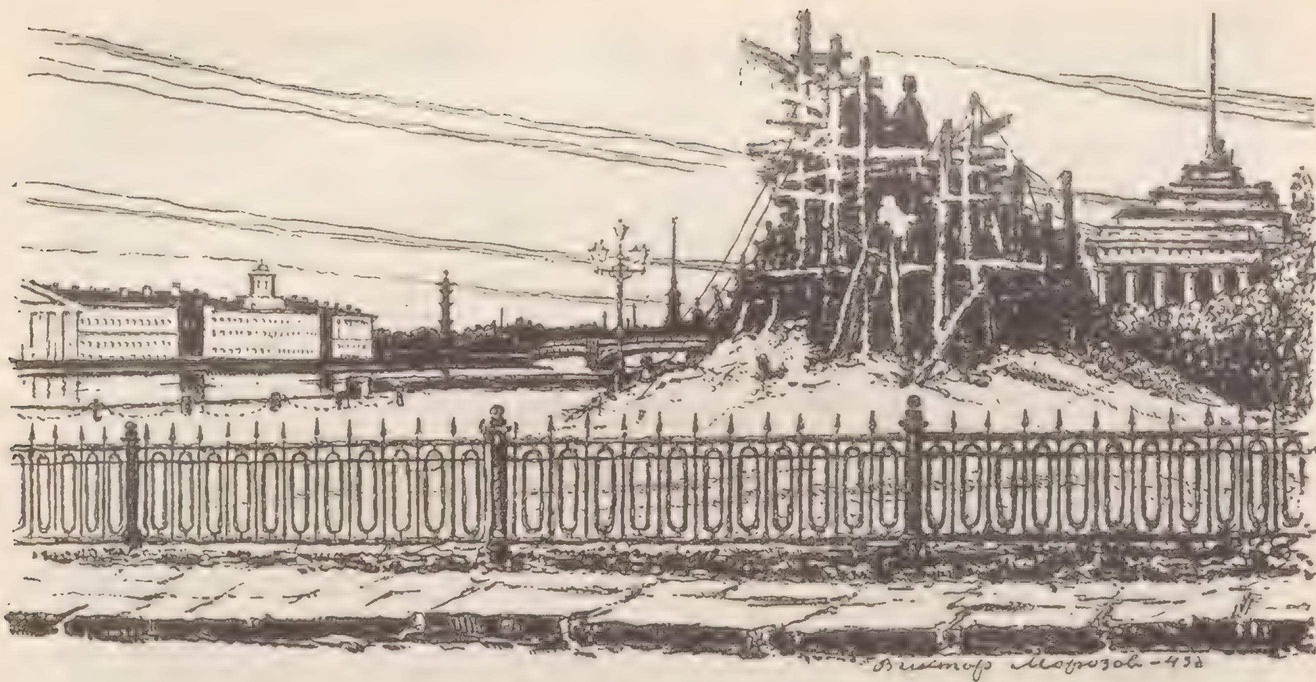
Мы надеемся, что альбом с удовлетворением будут смотреть и читать не только люди авиации, но и все, кому близок и дорог Ленинград.

Полковник Д. Г. ШАНШАШВИЛИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.
А. Пушкин

ЕТР заложил первые камни города Петербурга на берегах Невы, и город вознесся, подобный прекрасному видению. Озаренные полунощным солнцем воды залива отразили задумчивую листву садов, золотые шпили и разноцветный мрамор величественных зданий. Петр-полководец воздвиг город в тех краях, где некогда его давний предок Александр, прозванный в народе Невским, побеждал врагов Отчизны.

Памятник Петру Первому—Медный Всадник—стал символом Петербурга, подобно тому, как сам Петербург превратился в живое и грозное для врагов воплощение мощи и силы Русской державы.

Знаменательную роль в истории России сыграл великий город на Неве.

В нем творили Ломоносов, Пушкин, Гоголь, Белинский, Глинка, Чайковский, Репин, Горький, Павлов и другие гиганты мысли и духа русского народа. Петербург, впоследствии Ленинград, — колыбель наиболее прогрессивных, окрыляющих человечество, благородных идей и высоких образов.

В Петербурге Ленин основал великую партию большевиков. В октябре 1917 года большевики повели за собой петроградских рабочих, балтийских моряков и революционных солдат на штурм капитализма. Ленин и Сталин возглавили победоносный штурм. В Петрограде родилась новая эпоха!

В канун войны

Как награду Родины, по решению Второго съезда Советов, городу присвоено имя Ленина. В годы социалистического строительства Ленинград превратился в крупнейший центр промышленности, культуры и искусства. Соратники Сталина — Сергей Миронович Киров и Андрей Александрович Жданов воспитали в Ленинграде кадры государственных деятелей сталинского типа, бесстрашных воинов, талантливых инженеров и рабочих социалистических предприятий, ученых, летчиков, изобретателей, мастеров искусства.

Машины и станки, военные корабли и танки, поэмы и кинокартины, созданные в Ленинграде, умножали славу города.

Великая эпоха, родившаяся в Петербурге в буре Октябрьских дней семнадцатого года, неразрывными нитями связана с историческим прошлым.

История, как тень, встает над каждым из священных камней Ленинграда.

Вот дворец подле Невы, окруженный старыми деревьями. В стенах Летнего дворца Петр начертал первые строки статута ордена Александра Невского,

Город насторожился

учрежденного государем-полководцем в честь храбрейших. Вот дом на набережной Мойки, в котором умер Пушкин. С какой силой сказал поэт в стихотворении «Клеветникам России»:

«. . . . в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир».

Вот здание на круглой площади перед дворцом, украшенное лепными штандартами. На фасаде — мраморная доска. Золотые буквы, врезанные в полированный камень, напоминают человечеству о событии, происшедшем в этих стенах. Отсюда в дни девятого, десятого и одиннадцатого ноября тысяча девятьсот семнадцатого года В. И. Ленин, совместно с И. В. Сталиным, непосредственно руководили

Один из многих немецких самолетов, сбитых под Ленинградом

боевыми действиями против контрреволюционных войск Керенского и Краснова, наступавших на Петроград.

В дни Отечественной войны краткая и торжественная надпись эта, навеки запечатленная в мраморе, говорила ленинградцам о том, какие славные рубежи они обороняют.

Двадцать первое июня 1941 года — последний день мирной жизни. В этот день закончилась сессия Института литературы Академии Наук СССР, посвященная пятилетию со дня смерти Алексея Максимовича Горького.

Физкультурники тренировались на стадионах. Яхты с косыми белыми крыльями парусов уходили на взморье. Солнечные блики играли на волнах.

В разные концы страны отправлялись в научные экспедиции геологи, ботаники, собиратели фольклора.

В два часа пополудни у одной из невских пристаней затрубили приятным баритоном гудки нового теплохода, отходившего в первый рейс на Север.

Ослепительно горела ярко начищенная медь, и матросы в новых, топорщившихся, белых рубашках с синими воротниками суетились на палубах. Пассажиры-туристы заранее предвкушали красоту пейзажей Карелии. На набережной собралась оживленная толпа провожающих. Корабль отошел от пристани под музыку.

Белая ночь над городом Ленина

Ленинградские заводы-гиганты выдали новые плавки качественной стали, а фабрика «Скороход» в этот день сняла с конвейера полумиллионную пару модельной обуви сверх плана.

В то памятное лето особенно прекрасными казались творения ленинградской архитектуры, точеными силуэтами застывшие на фоне бледного неба. Легкие шпили,

...Говорит штаб местной противовоздушной обороны. Воздушная тревога!

ажур решоток над каналами, пилястры старинных зданий, купола листвы в Летнем саду таили в себе необычайную, волнующую прелесть, неповторимое очарование.

Оживленно было в магазинах: из Пассажа, из-под сводчатых галлерей Гостиного двора выходили люди, обвешанные ворохами свертков. Веселые, смеющиеся дети несли только что купленные для них, еще пахнущие лаком, игрушки. В центре города пестрым человеческим потоком, будто вторая большая река, тек Невский проспект.

В саду Аничкова дворца — Дворца пионеров — играла музыка. Мимо клодтовских коней проносились троллейбусы. В витринах книжных магазинов пестрели яркие, как флаги, обложки только что вышедших книг. В людском потоке мелькали улыбающиеся девичьи лица.

Летчик-истребитель Г. Антонов, — один из первых сбивший немецкий самолет под Ленинградом

Подполковник С. Голицын и капитан П. Одинцов, сбившие в групповом бою фашистского аса Лигнеца

Вечером на проспектах зажглись молочно-розовые витрины. Зарево городских огней растворялось в отблесках белой ночи. Вспыхнули рекламы: в тонких трубках заполыхал прозрачный светлокрасный и темноголубой газ.

А. Яр-Кравченко — *Сангина, уголь*

Пленение фашистского асса капитана Лигнеца безоружными ленинградками

На улице города-фронта

В эту ночь огни в витринах погасли, чтобы долго не зажигаться вновь. День войны встал над Ленинградом. Смолкли смех и говор на улицах. Воцарилась напряженная тишина. Население стояло перед репродукторами в ожидании чрезвычайного сообщения. Никто не проронил ни звука.

Раздались слова речи Вячеслава Михайловича Молотова. Сильно и уверенно прозвучало: «Победа будет за нами!».

Вздрогнули старые ленинградцы, уже однажды слышавшие это же самое много лет назад из уст Владимира Ильича. 17 октября 1919 года Ленин говорил: «...решается судьба Петрограда, решается судьба одной из твердынь Советской власти в России».

Дворец пионеров. Сюда попали зажигательные бомбы!

«Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! победа будет за нами!».

На Ленинград упали суровые тени приближающихся испытаний. Город стал по-военному подтянутым, настороженным. Вышли патрули. Промчался по направлению к Смольному запыленный мотоциклист. Тяжелый меч войны рассек дни двадцать первого и двадцать второго июня.

Фашистские полчища перекатились через границу. Враг бомбил наши мирные города, жег колхозные деревни. Двигалась лавина бронированных машин. Под тяжестью гусениц содрогалась земля. Немцы густыми колоннами шли по дорогам... Один из своих основных ударов фашисты направляли на Ленинград. Опасность приближалась к городу с каждым часом.

Немцы стягивали к Ленинграду более четырех десятков пехотных дивизий и до полутора тысяч самолетов, входивших в восьмой и тридцать девятый авиационные корпуса Первого германского воздушного флота. «Коршуны» Рихтгофена, самые отъявленные фашистские пираты, летели на Ленинград в авангарде наступавшей орды.

Переменились в одно мгновение судьбы людей, их дела и планы, намерения и мечты. Город изобретателей и стахановцев, рабочих и ученых, новаторов науки и искусства становился отныне городом воинов.

На борьбу шли ветераны четырех войн и трех революций. На борьбу выступала ленинградская молодежь.

На страже родного города

Менялся городской пейзаж. Над Медным Всадником — бессмертной статуей Фальконета — возвысилась надежно защитившая его пирамида. Бережно укрыли памятник Владимиру Ильичу подле Финляндского вокзала: над ним вырос целый холм, вскоре успевший порасти травой. Шли работы и на площади у Исаакиевского собора.

На рубежах за городскими стенами появились ленинградские женщины. Дачные поезда везли их на оборонную стройку, на головах горожанок пестрели цветные платочки. Женщины Ленинграда воздвигали противотанковые препятствия. Искусанные до красноты свирепыми комарами, они орудовали заступами, настилали гати на болотах, рыли стрелковые окопы полного профиля.

Оборонные стройки велись и внутри города, причем особенно интенсивно — на фабричных окраинах. Город сооружал хитрую сеть баррикад. Тракторы везли стальные фермы, платформы подвозили каменные плиты и рельсы. В куполообразных серых кюветах готовился бетон. Баррикады — сложные современные укрепления — перерезали улицы и переулки Ленинграда. Продумали защиту каждого метра. Врага поджидали ловушки, засады, огонь с флангов, орудия кинжального действия на перекрестках и пулеметные точки на чердаках и в верхних этажах каждого здания. Город вооружался, готовился к длительному сопротивлению врагу.

По улицам шагали, печатая ногу, красноармейские колонны. Полки, взвод за взводом, пересекали круглую площадь Зимнего дворца.

На призывных пунктах происходило столпотворение: сотни людей добивались призыва в армию.

Начало формироваться ленинградское Народное ополчение. В ополчение шли рабочие, инженеры, служащие, писатели, художники, музыканты, актеры. Одна рота состояла сплошь из студентов Ленинградской консерватории. Лучшие мастера искусства выступали перед добровольцами. Играл квартет имени Глазунова, пела Софья Преображенская, читали Народные артисты Константин Скоробогатов и Николай Черкасов.

В строю ополченцев можно было встретить людей в шляпах и кепках, в пиджаках, в комбинезонах и толстовках.

Герой Советского Союза Степан Здоровцев

Добровольцам выдали форму и оружие. Они приобрели воинский вид. Ополченцы настойчиво учились в парках и скверах военному делу. На аллеях Летнего сада, уже закрытого для публики, переползали по-пластунски и бросали деревянные учебные гранаты. Седой бородатый старик-путиловец, как святыню, проносил по улицам Ленинграда ополченское знамя. Встречные снимали шапки. В Эрмитаже убирали со стен полотна Рубенса и Рембрандта. В ящики с опилками укладывали мрамор, фарфор, хрусталь и яшму — изделия прошлых веков. Публичная библиотека отправляла в тыл редчайшие рукописные книги, пергаментные свитки, украшенные киноварью и золотом.

Ночью по проспектам шли танки. Командиры, стоя в открытых люках башен, размахивали сигнальными фонарями. Население выходило на посты к воротам домов. В ожидании воздушных нападений горожане поднимались на крыши и чердаки, становились в дозор. Днем крыши от солнца накалялись так, что по ним было горячо ступать. Ночью листы кровли становились скользкими, влажными от капелек осевшего тумана, и тогда легко было упасть в колодец темного двора. Но дежурить стало необходимым: городу угрожали зажигательные бомбы.

В ночь на двадцать третье июня прозвучал сигнал первой воздушной тревоги. Знакомый голос диктора произнес поздно вечером фразу, которую ни один

Герой Советского Союза Михаил Жуков

ленинградец никогда не забудет: «Говорит штаб местной противовоздушной обороны. Воздушная тревога! Воздушная тревога!..». Репродукторы назойливо повторяли оповещение. Протяжным, заунывным, щемящим душу воем завывали сирены...

Сколько воздушных тревог пережили с той ночи ленинградцы! Но первая никогда не сотрется из памяти! Механически воспроизводимый, записанный на пленку, голос с одной и той же стандартной интонацией произносил слова, получившие живой, драматический смысл. Воздушная тревога была уже не тренировкой, не маневрами, во время которых терпеливые управдомы долго уговаривали граждан затемнить окна.

В комнатах с незажженным светом, у окон стояли ленинградцы. Они получали первый боевой урок. Горожане прислушивались к разрывам зениток, учились отличать гул немецкого авиационного мотора от нашего.

Первая тревога!

Глухо били зенитные орудия. Голубые рапиры прожекторов упорно сходились в одном из квадратов ленинградского неба: здесь была черная точка — враг!

Мы часто говорили о будущей войне, еще чаще думали о ней. Ее постоянно изображали в спектаклях и на полотне кино. Сколько пьес и кинофильмов советских

Герой Советского Союза Петр Харитонов

режиссеров рисовали именно первую ночь войны! И вот эта ночь наступила! Воздушный противник был над нами — в небе нашего родного города!

Стрелки часов на квадратной башне Палаты мер и весов показывали 1 час 35 минут. Город не смыкал глаз. Фашистский бомбардировщик приближался к Ленинграду. Немца встретила огнем батарея лейтенанта Пимченкова. Фашистский самолет повернул — и скрылся.

Прогрохотал отдаленный взрыв: бомбы разорвались за пределами города. Но враг, сбросивший смертоносный груз впустую, возвращался для расправы с батареей, помешавшей его преступлению.

Спокойствие! Батарея лейтенанта Пимченкова принимает удар! Четыре раза заряжали пушки бойцы Семенов и Поклюев. Четыре раза брали прицел наводчики Башкатов и Усенко. Четвертый залп решил всё. Лейтенант с удовольствием занес в свою записную книжку: «23 июня 1 час 40 минут сбит вражеский бомбардировщик».

Батарея и ее командир в этой схватке действовали решительно, сосредоточенно и инициативно.

За сутки войны горожане возмужали, уже пережив воздушную тревогу. Совсем иными очами глянули ленинградцы утром на свой город. Тут ходили они по широким проспектам в школу. Тут началась и сложилась их трудовая жизнь.

Подвиг истребителя Петра Харитонова

В этом городе впервые любили они, назначая свидания на аллеях Кировских островов, у Стрелки. В этом городе создавались их семьи, рождались дети...

Крылья с паучьими крестами нависли над зданиями, воздвигнутыми Воронихиным, Захаровым, Растрелли, Стасовым, Росси, Баженовым, удивлявшими мир своей гармонией. Машины фашистов несли смерть детям, милым детям Ленинграда: авиамоделистам, ученикам ремесленных училищ в черных аккуратных шинелях, маленьким танцорам из Дворца пионеров, будущим географам, пытливым юннатам из кружков Зоологического сада. Детям — гражданам будущего!

Эвакуация детей началась в первые дни войны. Дети со всех концов города стекались к Московскому вокзалу. Их везли сюда в специальных поездах трамвая. Подъезжали автобусы и грузовики, переполненные детьми. Несли детские баулы и сундучки. Дети прижимали к себе любимых мишек и кукол, шли парами. Взрослые провожали их. Длинные цепи людей, взявшихся за руки, оберегали детей на мостовой.

Ночные истребители на дежурстве

В вагонах заботливые руки повесили светлые занавески, поставили корзины с булками и ящики с яблоками.

Но когда вагоны тронулись, увозя десятки тысяч малышей, игрушки и яблоки не помогли — брызнули слезы! Это были первые в жизни не детские слезы — соленые слезы разлуки... Война омрачила детство...

Поезда уходили на Восток.

Вслед поездам летели на бреющем полете истребители — эскорт сопровождения. Детские руки махали летчикам красными флажками. Лучшие летчики фронта, в их числе Сергей Литаврин, прикрывали с воздуха отъезд ленинградских ребят.

Продолжал меняться городской ландшафт. Пейзажем из фантастического романа казался Ленинград, когда по ночам над шпилями и куполами зданий поднимались серебряные сигары аэростатов воздушного заграждения. Они висели над городскими кварталами, прикрепленные тросами, качаясь, как водоросли на стеблях.

Днем по улицам проплывали продолговатые баллоны с газом. Девушки в гимнастерках с трудом удерживали их за канаты. Газовые баллоны проходили под полукружья каменных арок Чернышевой площади, Сената и Главного штаба.

А. Яр-Кравченко *Акварель*

Ночной таран над Таврическим садом
Героя Советского Союза
Алексея
СЕВАСТЬЯНОВА

Медный Всадник в лесах

На ряду с зенитчиками приняли бой за Ленинград летчики-истребители. Среди истребителей вскоре отличился Петр Покрышев. Этот человек небольшого роста, смуглый, с черными, блестящими волосами, своеобразной походкой и энергией в движениях, был известен в авиации еще с дней войны с белофиннами.

Прошла первая неделя Отечественной войны! Уже сбили в воздушных поединках вражеские машины. На самолете Петра Покрышева нарисовали первую звезду, означающую победу над противником в воздушной схватке: под ударом Покрышева рухнул на землю самолет врага.

Четвертого июля лейтенант Пидтыкан сбил «Хейнкеля»: победа послужила славным началом пути летчика-истребителя. У Ивана Пидтыкана скоро сложился свой стиль боя, основанный на незыблемом принципе: понять, чего хочет враг, вырвать прием из его рук, бить немца им же придуманной уловкой.

Счет множился. Седьмого июля 1941 года летчик-истребитель Дмитрий Титоренко поджег «Юнкерс-87» и наблюдал с великой радостью, как немец валится в отвесное пике.

Как и многие советские патриоты, в ответ на нападение фашистских орд, Дмитрий Титоренко подал заявление о вступлении в партию. Родина — в смертельной опасности. Это обстоятельство и послужило толчком к давно выношенному решению.

На аэродроме, подле замаскированных, покрытых прозрачными сетками машин, собрались летчики — товарищи Титоренко, чтобы провести партийное собрание. Волнуясь значительно больше, чем во время воздушных схваток, Дмитрий Титоренко поднялся с места, оглядел серьезные и дружеские лица боевых товарищей, хотел заговорить...

Прием в партию Героя Советского Союза Алексея Севастьянова

Казалось, ничто не могло помешать юноше поведать друзьям простую и ясную повесть своей жизни, судьбу, похожую на тысячи судеб молодых советских людей поколения сороковых годов двадцатого века. Но Титоренко молчал, не разжимал губ. Мешало смущение... «Вот, — думал он, — ребята столько успели, а я... Что я сделал, чтоб быть принятым в партию?»

Раздался сигнал боевой тревоги: собрание должно было прерваться. Летчики поднялись с мест. Титоренко вздохнул с явным облегчением: сражаться в воздухе казалось ему неизмеримо более легким делом.

Истребители спешили к машинам. Скоростной самолет Титоренко замкнул группу.

Воздушный поединок напряжен до предела и обычно бывает краток. Иногда он должен быть разрешен в считанные секунды...

Пикирующий немецкий бомбардировщик в тот день упорно рвался к Ленинграду. Фашисту преградил дорогу Титоренко. Истребитель зашел со стороны солнца и скрылся в его лучах. Военное счастье сопутствовало нашему летчику. Немецкий самолет, подбитый Титоренко, загорелся.

Потом Титоренко сделал круг над поверженным противником, убедился в гибели немца и вернулся на свой аэродром. Партийное собрание продолжалось. Истекшие четверть часа дополнили биографию героя новым подвигом. Летчику опять предоставили слово...

С кем же довелось скрестить оружие воздушным защитникам Ленинграда? Первыми были сбиты Ганс Тюрмайер из Франкфурта и низенький, плотный, с бегающими глазками сын бочара из Кельна — Ганс Леммер. Это были рядовые убийцы, попавшие в манивший их русский город, правда, не совсем так, как они рассчитывали. За Леммером — посредственным пилотом — последовало продолжение: немецкие ассы.

Познакомимся. Ведомство Геббельса об одном из них выпустило фильм «Лучший асс мира». Однако и он был сбит под Ленинградом. Судьбу этого асса разделили командир авиационного отряда Карл Мюнценберг, фон Тюр, капитан Лоевский, штурман Отто Вернер — «король бомбометания», сбрасывавший бомбы на Дюнкерк, Варшаву, Роттердам и Лондон.

Победителями из столкновений с матерыми пиратами выходили в ту пору юные по боевому опыту советские летчики, такие, как Георгий Жидов или Алексей Шевченко, впервые нажимавший кнопку бомбосбрасывателя.

Фашистского пилота, полного представительного мужчину со многими орденами на груди, привели на допрос. Немец держался вызывающе, а в конце сказал, что хочет сделать «одно заявление господам советским офицерам». Пилот получил разрешение.

— Я считаю, — злобно выкрикнул фашист, — свою катастрофу чистой случайностью. Славяне ничего не понимают в авиации. Ничего. Авиация доступна только нам, людям арийской крови, она есть чисто германская форма боя.

Майор, который вел допрос, обратился к немцу:

— Это что, ваше личное мнение?

— О... нет! Я повторил слова самого фюрера! — Немец встал, вытянув руки по швам.

— По в таком случае необходимо срочно поставить «фюрера» в известность о том, что вы сбиты как раз русским летчиком, славянином, вдобавок совсем молодым летчиком... Как видите, «германская форма боя» доступна и другим народам! Не присваивайте себе чужого... Впрочем, у вас в немецкой армии все краденое. Танки украдены у англичан, парашютные десанты — у нас. Модели самолетов — у французов и американцев.

Фашистский пилот не нашел ответа. У него в боковом кармане обнаружили приказ Гитлера: «взять Ленинград с воздуха, если не удастся овладеть городом с земли».

Однако, на пути к «осуществлению» этого приказа, перед «тузами» из немецких авиакорпусов встали непреодолимые препятствия.

Самолет врага догорает в Таврическом саду после тарана Алексея Севастьянова

Неподалеку от сбитой машины асса Лигнеца было найдено неотправленное немецким летчиком письмо. Обрывок бумаги, запачканный тиной и кровью, внушал омерзение... «Дорогая Амалия, — начинал свое письмо пруссак, — мы хорошо позавтракали в советской деревне. Фельдфебель, со свойственным ему умением, открутил головы поддюжине упитанных курочек. Хозяйку, отказавшуюся приготовить обед, пришлось пристрелить...»

Письмо, подобранное у самолета,— всего лишь беглый штрих, деталь, «нормальное» письмо для немца, отнюдь не самое чудовищное из тех, которые находили.

Немецкий летчик капитан Лигнец — наглый, спокойный и самоуверенный пират, не раз появлявшийся над мирными кварталами Лондона, греческими городами, испанскими деревушками. Лигнец обладал своеобразной отчаянностью головореза, дерзостью профессионального бреттера и дуэлянта, воспитанного на драках в пивных.

В памятный для себя день он выбрал наименее защищенный, с его точки зрения, участок Ленинграда — один из рынков, — нащупал цель, опустился над нею и прошел бреющим полетом, расстреливая пулеметным огнем толпу женщин у лотков с грибами, капустой, картофелем, привезенными для продажи из окрестных колхозов.

А. Яр-Кравченко *Карандаш*

Герой Советского Союза
Алексей
СЕВАСТЬЯНОВ

Летчик-истребитель П. Покрышев

Довольный собой, Лигнец зашел для вторичного удара, но тут, абсолютно неожиданно, оказался сбитым.

Капитан никак не мог понять, откуда, с какой точки поразили его машину. Полоса зениток? Но огонь русских зенитных орудий Лигнец миновал на большой высоте. Капитан не видел вблизи русского истребителя. Рассуждать было, однако, поздно — оставалось прыгать с парашютом. Капитан рванул кольцо, стропы натянулись, и ветер понес немца в сторону деревянных домиков, лепившихся на берегу реки. Лигнец сманеврировал и приземлился на огороде около кирпичного здания...

Немцу в начале казалось, что падение осталось никем незамеченным. Коснувшись земли, асс не устоял на ногах. Он с трудом поднялся и вытащил автоматический пистолет.

Фашист увидал женщину с широко раскрытыми, полными ярости глазами. Лигнец успел заметить и вьющиеся волосы, и рот, перекошенный от ненависти. Асс выстрелил, не целясь. Тотчас возникли перед ним другие лица: старуха в черном платке, сползающем с плеч, молодая девушка с грустными морщинками у глаз, еще одна — с резко выраженными чертами усталости и лишений... Лигнец сообразил, что его окружают женщины, которых он только что расстреливал на рынке. Он увидел раненых, окровавленных.

— Нет, вы не прикоснетесь к немецкому офицеру!

Фашист беспорядочно стрелял во все стороны. Вставив последнюю обойму, стрелял снова. Однако женщины не бросились врассыпную. Положив на гряды свои кошолки и сетки с продуктами, они всё плотнее окружали немецкого пилота. Самым страшным казалось их молчание. Женщины наступали молча, лишь пригибаясь от пуль. Немец видел сжатые кулаки, следы слез на лицах, пятна крови, проступавшие на платьях. То были ленинградки и среди них первые вдовы Отечественной войны, матери детей, погибших при бомбежках, невесты, разлученные со своими любимыми, сестры, потерявшие братьев. Кавалер двух Железных крестов не выдержал и закричал истеричным бабьим криком. Поднял пистолет — еще раз нажал спуск... Чорт! Мимо!.. Пожилая женщина приблизилась к немцу вплотную и плюнула в сытое, холеное лицо. Лигнец

Архитектурные шедевры Ленинграда стали мишенями

замахнулся кулаком... Капитана схватили, повалили на землю, и женщины, вероятно, растерзали бы фашиста, но тут подоспела милиция. Сержант милиции вежливо оттеснил горожанок. Пленного с трудом вырвали из рук толпы и отвели к военным властям.

Так позорно был пленен в районе Новой Деревни немецкий асс, пленен безоружными ленинградками. Вскоре он стоял на допросе. Былая самоуверенность оставила головореза.

— Всё? Или имеете что добавить?

— Господин советский офицер, я бы очень хотел узнать, кто именно и главное при помощи какого оружия меня сбил? Последняя проблема — немец искал выражения — ... не дает мне спокойствия.

— Ну, если только это вас беспокоит, — мы вам скажем. Вас сбили советские летчики при помощи нового советского оружия. Немцев ожидает в нашей стране еще много сюрпризов. Уведите военнопленного!..

Асса сбили летчики Голицын и Одинцов. Сбили в групповом бою с самолетов, обновивших и усиливших свое вооружение благодаря одному изобретению.

Близкое знакомство с врагом, коварным и жестоким, усиливало отпор. Разгорались воздушные сражения. На Ленинградском фронте с первых же дней Отечественной

Набережная Мойки. Подле дома, в котором жил Пушкин, рвались снаряды

войны прославили себя многие авиационные подразделения. Расскажем об одном из них — части Николая Свитенко. В действиях этой эскадрильи, имевшей за два первых месяца Отечественной войны более пятисот боевых вылетов, отразились черты, характерные для ленинградских летчиков того периода.

Война застала Николая Свитенко и его летчиков на аэродроме М. — песчаном пятаке, окруженном сосновым лесом. Эскадрилья летала на красивых самолетах, носивших поэтическое название «Чаек».

Был чудесный день. Золотисто желтели дюны. Веяло душистой сосновой смолой. Многие из офицеров вечером уехали в город к своим семьям; оставался дежурный наряд летчиков. Оставшиеся слегка завидовали уехавшим на побывку. Чтобы скоротать время дежурства, лётчики играли в домино. Стучали костяшки. Играли на «кабальных» условиях, как шутили ребята: проигравший должен был следующий тур играть стоя.

Начало ночи прошло совершенно спокойно. Николай Свитенко и его друг, политрук Сердюков, попрощавшись с товарищами, пошли отдохнуть.

— Я скоро в ту ночь крепко заснул, — вспоминает Свитенко, — и проснулся лишь

Герой Советского Союза Иван Пидтыкан

на рассвете, услышав шум авиационных моторов, долетавший в раскрытое окно. Чужие — понял я... Светящиеся стрелки часов показывали три часа сорок минут утра.

Свитенко и Сердюков соскочили с походных коек. На ходу застегивали комбинезоны, натягивали шлемы, надевали оружие. Подбежав к аэродрому, Свитенко сразу же оценил обстановку:

— Немцы! «Мессеры» сто десять над нашим аэродромом!—крикнул он.

Действительно, четырнадцать «Мессершмиттов» кружились над полем. Из строя могли быть выведены советские самолеты, стоящие на старте. Но подкравшийся внезапно враг не учел возможности отпора: семь «Чаек» поднялись под огнем. На одной из них летел Свитенко. «Чайки» приняли бой: семь «Чаек» сражались

В. Морозов *Перо, Акварель*

Угроза нависла над Петроградской стороной

Ночной истребитель Ф. Скрипченко

против четырнадцати «Мессершмиттов» — машин, обладавших по сравнению с ними преимуществом в скорости и мощи огня. Этот первый бой — бой в неравных условиях — был выигран. Немцев отогнали от аэродрома.

Вскоре фашисты еще раз крепко почувствовали, с каким противником пришлось им столкнуться. К одному крупному населенному пункту на подступах к Ленинграду вели шоссе и расположенная северо-западнее его проселочная дорога. Над шоссе появились «Чайки». За штурвалом головной машины сидел Свитенко. Длинная асфальтовая лента шоссе была пустынна, она казалась выметенной гигантской метлой.

Воздушный таран

Командир эскадрильи повернул в сторону проселка. За ним пошли ведомые.

— Мое правило, — говорит Свитенко, — контролировать каждую коммуникацию врага.

По проселочной дороге двигалась к Ленинграду немецкая дальнобойная артиллерия на конной тяге.

Каждое громоздкое орудие с трудом волокли пять парных лошадиных запряжек цугом. Кони, надрываясь, тащили эти махины.

Летчик покачал крыльями самолета. Сигнал означал: «В атаку!». Свитенко перешел на бреющий. Он летел низко, ему казалось, что плоскости сейчас заденут круп лошади или ударят по каске немца, уцепившегося за поручни зарядного ящика.

Свитенко выпустил снаряды. Дым разрывов застлал дорогу непроницаемой черной тучей. Карьером понеслись обезумевшие от боли и страха лошади. Уцелевшие тащили в постромках туши убитых. Головную запряжку сбили с ног сразу. На нее наскочила с размаху вторая гаубица. Образовался хаос лошадиных и человеческих тел. Гигантские орудия вздыбились от удара. Немецкие солдаты метались, охваченные ужасом. Их пронизывали пулеметные очереди, поражали осколки снарядов, топтали лошадиные копыта...

Летчики из эскадрильи Николая Свитенко в Отечественную войну начали воевать с ее первого мгновения и сражались, как говорится, со взлета: офицер всегда ведь готов к войне, подобно безукоризненному, нержавеющему оружию. Сам Свитенко жил предчувствием грядущих схваток. И полетел к ним навстречу он необычайно просто, смело и открыто.

События первых дней Отечественной войны рисуют нам волевого командира, человека боевого темперамента, стремительного порыва. Он весь, точно свернутая стальная пружина. Но горячий темперамент бойца сочетается у Свитенко с расчетливым рассудком тактика. Летчик анализирует каждую проведенную им операцию, трезво взвешивает успехи и промахи, учит подчиненных на ошибках и погрешностях.

Стихия воздушного боя захватывает Свитенко целиком; но после боя в воздухе — на земле для него наступают часы математической проверки совершенного.

Летчик-истребитель П. Жуйков

В начале Отечественной войны фашистская авиация под Ленинградом обладала численным превосходством. Однако существовало другое превосходство, и оно было в нашу пользу!

Русские летчики неизмеримо превосходили немецких и финских пилотов силой духа, личным бесстрашием, мастерством вождения боевых машин и ведения воздушного

Зенитчики на набережной Невы

боя. Летчик Антонов на самолете, уступавшем машине противника в скорости и маневренности, сбил фашиста над Ленинградом. Германский самолет, сбитый Антоновым, выставили на показ в центре Кировского района. Нужно было видеть, какой напряженный интерес и какую ярость вызывал у ленинградцев этот трофей. У каната, окружавшего машину, всегда толпился народ.

Неизмеримое превосходство над врагом ленинградских летчиков сказалось во всем величии в той новой форме боя, которая получила название «воздушный таран».

Много есть сложных приемов воздушного боя, требующих отваги и мастерства. Но один из них — воздушный таран, изобретенный русскими летчиками, — занимает совсем особое место. Каждый воздушный таран — это подвиг, связанный с самопожертвованием, необыкновенной храбростью, удивительной силой духа, неслыханным мужеством людей, презирающих смерть, готовых отдать жизнь за Родину.

В первых же воздушных сражениях, разыгравшихся в небе Ленинграда, наши летчики таранили врагов. Чувство мести вело их самолеты; тяжесть боевого корабля помножалась на бешеную скорость. Винт рубил рули и плоскости, меченные крестами. Вспыхивало жадное пламя. Фюзеляж разваливался на куски. Обломки размозженной, объятой черным дымом фашистской машины падали с высоты. В таране соединялись:

Танки у Адмиралтейства

молниеносный расчет, редкое самообладание летчика и то упоение боем, о котором сказал поэт.

Впервые за время Отечественной войны звание Героя Советского Союза Родина присвоила летчикам-ленинградцам, пионерам тарана. Среди них был истребитель младший лейтенант Петр Харитонов, скромный юноша с кудрявыми черными волосами. В самом начале своей лётной жизни Харитонов дважды совершил таран. Первый раз — в первом же боевом вылете. Второй — 25 августа 1941 года.

Слава о таранах ленинградских летчиков облетела все фронты...

Перед защитниками города Ленина вырос могучий пример отваги их соратников, волнующий пример, доходивший до каждого солдатского сердца, толкавший на благородное подражание. Конкретные боевые факты становились легендой, переходившей от блиндажа к блиндажу, от землянки к землянке...

Невиданные в мире подвиги русских летчиков порождали в стане фашистов смятение. Защитники города на Неве, летчики-ленинградцы подхватывали все лучшее, наиболее смелое, что давал боевой опыт других участков великой борьбы с фашизмом.

Донеслась до Ленинграда слава подвига капитана Гастелло: и ленинградцы многократно повторили этот подвиг — огненный таран.

Когда-нибудь среди многих других памятников храбрецам воздушных сражений будет воздвигнут под Ленинградом памятник трем Героям Советского Союза — Ивану Черных, Семену Косинову, Назару Губину — летчикам-бомбардировщикам. Трое гордых юношей встанут вокруг трехгранного обелиска. В пьедестал скульпторы врежут барельеф, запечатлевающий их великолепный подвиг: самолет комсомольского экипажа, подбитый снарядами врага, запылал; юноши перевели машину в последнее пике и, обрушив ее в самую гущу немецкой колонны, погребли под горящими обломками десятки фашистских солдат.

Наши летчики навязывали бой и принимали бой при любом количестве встреченных в воздухе немцев или финнов.

Однажды летчика Ивана Грачева, победителя в неравном бою, попросили рассказать подробности подвига.

— Чего там рассказывать,— ответил Иван Грачев, разводя большими руками.— Попали в переделку, ну и выбрались из нее, выходит, неплохо. Кругом нас немцы просто кишели, как шмели... Мы крутились в месиве фашистских самолетов волчками, атаковали, били, увертывались от ударов и снова били...

В том же бою летчик Новиков сбил одну за другой три машины и получил тяжелое ранение правой руки: истекая кровью, он повел самолет одной левой... Это не помешало Новикову помочь своему боевому товарищу Грачеву отбиться от наседавшего «Мессершмитта».

Октябрь сорок первого года. Пришли злые, железные ночи осени, а с ними ветры, и темень, и низкие тучи — всё на пользу врагу. Зарницы далеких разрывов на мгновение освещают небо. Появится на тучах белесое пятно от прожектора и пропадет в рыхлой вате облаков. И снова мрак ложится на город погашенных огней. Прохожие тенями выходят из тьмы, чтобы тотчас же в ней раствориться. И снова только оклики патрулей прорезают тишину.

Участились налеты. Ночи становились все тревожнее. Город не знал сна. Невидимые репродукторы поднимали население. Воздушные тревоги следовали одна за другой. Самолеты врага летели волнами.

С вечера до утра на неосвещенных лестницах городских домов раздавалось шарканье ног. Усталые, измученные пыткой бессонных ночей люди по нескольку раз за ночь спускались в бомбоубежища, сносили туда узлы со скарбом и маленьких детей. Тускло горели под сводами подвалов лампочки. Плакали разбуженные среди ночи ребята. Фундаменты содрогались от взрывов. Под гранитными плитами одного из самых старинных соборов Ленинграда, в лабиринте вентиляционных каналов, напоминающих штреки шахт, ютились целые семьи.

Нужно было видеть, какая радость охватывала всех этих утомленных людей, когда во время воздушной тревоги кто-нибудь прибегал сверху, чтобы сообщить:

Летчики-истребители на вечере памяти С. М. Кирова

«Пошли наши самолеты». То были «истребители-ночники», действовавшие в обстановке, которую можно было назвать сверхсложной.

Истребители-ночники лишены дневных ориентиров:

— Мы — совы, — шутит один из лучших ночников Мациевич, — летаем наощупь!

Василий Мациевич — наследственный летчик-ленинградец, командир ночных патрулей. Он вырастил целое поколение учеников, талантливых птенцов соколиной хватки: Дмитрия Оскаленко, Цыганенко, Скрипченко, Молтенинова. Исключительная зоркость нужна ночникам, особая и малопонятная человеку, обладающему нормальным средним зрением.

Однажды ночью Мациевич вел воздушный патруль на высоте 600 метров. Он заметил на земле слабые отблески: блестели железнодорожные рельсы. «Там, где отблески

Комсомольский экипаж: Герои Советского Союза И. Черных, С. Косинов, Н. Губин

прерываются, — безошибочно решил Мациевич, — идет состав». Летчик выпустил очередь, и ленинградская ночь осветилась заревом пожара: вражеский состав, груженный зажигательными бомбами, запылал.

Чем ближе придвигалась дата всенародного праздника — Октябрьской годовщины 1941 года, тем настойчивее становился натиск врага. У немцев созрел дьявольский план — нанести Ленинграду удар сокрушающей силы в самый день седьмого ноября или в его канун. Фашисты мечтали о расправах в праздничном Ленинграде, о десятках тысяч жертв из числа мирного населения, о грандиозных пожарах.

Немцы подтягивали авиацию. На тыловых аэродромах врага опускались машины, переброшенные из Франции. Всё было с немецкой методичностью подготовлено и... всё сорвалось. Сорвался немецкий план полностью! Накануне двадцать четвертой годовщины рождения советской власти наши летчики разгромили германские тыловые аэродромы.

А. Яр-Кравченко *Автолитография*

Ленинградцы — Герои Советского Союза

И. ЧЕРНЫХ, С. КОСИНОВ и Н. ГУБИН,

повторившие подвиг капитана Гастелло

Сперва немцы нагло налетали днем. Потерпев поражение в дневных налетах, фашисты решили использовать ночное время. Под покровом темноты нескольким машинам удалось в предоктябрьскую ночь прорваться к Ленинграду. Над городом их встретили истребители-ночники — их встретил грозный воин Алексей Севастьянов. Это был широкий в плечах, светлоглазый русский парень, могучий в каждом жесте и вместе с тем очень добродушный, а в быту даже слегка наивный, человек с простым, открытым сердцем, верный боевой товарищ. С точки зрения самого летчика подвиг, им совершенный, ничего исключительного собой не представлял. Вот как это произошло.

Есть лететь на перехват!

. . . Землянка на аэродроме. Ночь... Тепло. Пока тихо. Телефонист не отрывается от трубки. Летчики ожидают «в готовности номер 2». Они одеты, при оружии, их машины заправлены, бомбы подвешены, пулеметы заряжены. Как только будет дан приказ командованием — самолеты поднимутся мгновенно.

Сегодня особенное дежурство, ведь чувствуется приближение праздника. Вечером шестого ноября к летчикам приехала делегация рабочих и работниц одного ленинградского завода. Разговор зашел, естественно, о ночных полетах... Гости расспрашивали. Пожилой слесарь с орденом Ленина на отвороте спецовки подсел к Севастьянову. Тот немного смутился и все поправлял рукой непокорный клок волос. Этот гигант был робок в обращении с людьми и страшно застенчив. В том же глубоком интересе, который проявили гости, в скромных подарках, ими привезенных, ощущалась любовь к летчикам, гордость за них — коренных ленинградцев.

В землянке воцарилась атмосфера взаимного понимания и симпатии: казалось, что все очень давно и хорошо знают друг друга — с такой веселостью и непринужденностью шла беседа друзей. Разговор вскоре прервался: боевая тревога неумолимо звала в воздух. Последним из землянки вышел Севастьянов. Досада охватила парня: не дали немцы поговорить с рабочими. Севастьянов, наклонившись в дверях землянки — иначе этому гиганту было не выйти, — обернулся...

Над Невой

Гости ласково глядели вслед.

— Счастливого пути! Желаем удачи!

Дверь землянки захлопнулась. Сразу стало темно.

Ракета огненной кривой прочертила темноту. Взлет! Стрелка на приборе показала скоро высоту 4000 метров. Темень стояла за стеклами кабины. Самолет летел над западными районами города. Вспыхнули и метнулись прожекторы, пронизали кабину — и погасли. Стало еще темнее. Прожекторы зажглись снова, лучи соединились: там, где заплясал их голубой огонь, на острие лучей оказалась пришпиленной цель — «Хейнкель».

Немецкую машину вела, видимо, опытная и упорная рука. Алексей Севастьянов это понял по звериной хитрости маневра. Немец увертывался несколько раз от щупалец прожекторов, исчезал, точно растворяясь в темноте, появлялся на секунду, пропадал вновь. Жгучее беспокойство пронизало душу: неужели он, Севастьянов, упустит вражескую машину? Всё сосредоточилось на мысли догнать, сбить... Летчик подумал:

«Внизу, среди жилых домов Ленинграда, в эту минуту рвутся бомбы, сброшенные движением пальца немецкого пилота!

Небо Ленинграда разделили на квадраты

Бомбы летят туда, где, может быть, собрались за скромным угощением семьи ленинградцев? Может, там чьи-то руки любовно и бережно украшают в эту минуту Красный уголок октябрьскими лозунгами?».

Луна выглянула из-за туч. Поединок Севастьянова заметили с земли... Остановились на панелях редкие прохожие. Люди, дежурившие на крышах и чердаках, с замиранием сердца наблюдали схватку... Купол боя приближался к Таврическому саду.

Ночной город с молчаливыми пустынными улицами, безлюдными переулками, круглой башней Дома Красной Армии, зубцами Суворовского музея стал фоном этой борьбы, грандиозной рамкой подвига ленинградца.

Прожекторы вновь поймали «Хейнкеля». Немец оказался на этот раз ниже и левее Севастьянова... «Хейнкель» огрызнулся. Тогда Севастьянов решил сам выйти под фюзеляж врага. В темноте не рассчитал — обогнал... «Хейнкель» сделал отчаянную попытку ускользнуть, но Севастьянов уже не отпускал его, шел в хвосте... Немец сбросил оставшиеся бомбы, пытаясь уйти.

Севастьянов подбирался всё ближе и ближе. Наконец, прижимая свой самолет к машине противника, он дал полный газ... Страшный удар! Вспышка огня... Летчика выбросило из кабины, свалились унты.

Удар для фашиста оказался смертельным. «Хейнкель» загорелся, потерял управление. Экипаж спускался на парашютах. Вихрь понес парашюты вниз, к темным переулкам. Там спрыгнувших фашистов ловили прохожие. Одного схватили на улице Маяковского, другого, раненного, где-то поблизости.

«Хейнкель», объятый огнем, продолжал падать. На крышах аплодировали, кричали. Самолет врага рухнул между деревьями Таврического сада, еще недавно бывшего местом развлечения ленинградцев. Подле замерзших прудов и заколоченных аттракционов догорал «Хейнкель». Косматый костер пылал за решоткой, освещая своим заревом верхушки деревьев, дорожки, покрытые ранним снегом, стены дальних зданий и мозаику Суворовского музея.

Но где сам герой ночного тарана?

Он падал, падал, раскрыв парашют. Падал в одних чулках. Что же было под ним? Какие-то корпуса, склады, крыши заводских сараев, высокая труба... Не налететь бы на прут громоотвода... Алексей Севастьянов опустился на крышу сарая, не удержался на ней, скатившись, очутился на земле, покрытой шлаком... Алексея Севастьянова, по ошибке, приняли за сбитого им же немецкого пилота. Летчика окружила толпа.

Недоразумение скоро разъяснилось. По странному совпадению оказалось, что Севастьянов упал на территорию именно того завода, делегация которого была в эту ночь в гостях у истребителей-ночников. Рабочие, явившиеся свидетелями подвига Севастьянова, с волнением и восхищением глядели на отважного юношу.

В эту предоктябрьскую ночь истребитель Алексей Севастьянов, богатырь Ленинграда, озаренный пламенем ночного тарана, стал воплощением воли и бесстрашия. Подвиг ленинградского витязя вошел в эпопею борьбы за город Ленина страницей славы.

Имена простых и скромных русских людей — Петра Харитонова, Алексея Севастьянова сохранятся в истории так же, как сохранились в ней имена Ивана Сусанина, старостихи Василисы, партизана Дениса Давыдова, матроса Кошки и других героев, выдвинутых из гущи народных масс.

Смерть немецким захватчикам!

В подвиге Севастьянова слиты черты готовности к самопожертвованию с абсолютным бесстрашием, черты личной отваги с незаурядным мастерством пилотажа.

Слава Алексея Севастьянова, совершившего ночной таран, разнеслась по стране, будто на крыльях. В десятках тысяч репродукций разошелся портрет ленинградского богатыря. Поэты воспевали легендарный подвиг в стихах, акыны слагали песни, художники писали картины.

Минуло три года напряженной борьбы. Ленинградцы-победители создали выставку героической обороны своего города.

На одном из самых почетных мест этой большой выставки внимание посетителей привлекает красочное панно, напоминающее о тревожной осенней ночи сорок первого года, о горящем самолете врага, рухнувшем между деревьями Таврического сада, и о подвиге русского юноши.

Тараны воздушных защитников города были предзнаменованием грядущей гибели немцев. Пылающие машины врагов чертили на фоне ленинградского неба огненные библейские слова, предвещающие неизбежную расплату.

Враги рано торжествовали победу: «войти в Ленинград с воздуха» оказалось так же трудно, как взять город штурмом. Точно высокий, непреодолимый барьер воздвигли вокруг Ленинграда истребители: о невидимую эту преграду разбивали свои машины фашисты в истерической злобе и неистовом бешенстве одну за другой, одну за другой...

Даже временное преимущество фашистов в воздухе оказалось фикцией. Крупно просчитались немцы. Наглости и ухарству пруссака противостояла железная стена

мужества наших летчиков-героев, подобных Петру Покрышеву, Петру Харитонову, Алексею Севастьянову.

В огне напряженной битвы закалялись молодые пилоты, накапливали грозный, боевой опыт и в короткий срок становились из новичков зрелыми мастерами сражений в воздухе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЕНИНГРАДСКИЕ городские окраины сказочно преобразились в предвоенные годы. Полностью исчезли кривые переулки с покосившимися хибарками, деревянные пожарные каланчи, подслеповатые фонари, зыбкие дощатые тротуары. Ветер больших перемен сдул с кварталов пыль и копоть.

За Нарвской заставой выросли новые дома, целые ансамбли новых домов, соединенных между собой высокими воздушными арками. Стены украшали терракотовые медальоны, и особенно красивы в зданиях были цветные ниши крытых балконов — темноголубые и карминные. Солнечные лучи щедрыми потоками вливались в огромные, сияющие трехстворчатые окна квартир. Дома эти строили как подарок рабочему населению заставы за годы труда, за десятилетия, прожитые дедами в тесных и затхлых клетушках прошлого.

Молодой город ширился, рос по направлению к морю, к пригородным паркам, шумящим листвой стрельнинских дубов и всплесками петергофских струй.

Баллоны аэростатов воздушного заграждения на Садовой улице

Война все нарушила, смяла, перевернула в чудесных новых районах Ленинграда. Повсюду появились нанесенные войною раны. Чернели зияющие амбразуры проломов, трещины, рухнувшие перекрытия...

Воронки изрыли залитые асфальтом площади дворов. Разрывы спалили газоны. На конечном пункте маршрута надолго застыли трамвайные вагоны. Вагоны завалили мешками, их окна стали бойницами, трамваи — укреплениями. Снаряд подсек ажурную металлическую мачту высоковольтной передачи: мачта легла поперек шоссе. Кругом асфальт посыпало, как снегом, осколками фарфора разбитых изоляторов.

Неподалеку от новых домов, в одном из предместий, сохранилось тенистое старое кладбище. Густо разрослись на нем деревья. Качали ветвями березы, и гроздья рябины свисали над холмиками надгробий, над крестами и овальными плитами из белого камня.

На старом кладбище хоронили питерских рабочих — литейщиков и сталеваров, прокатчиков и слесарей. Здесь лежали семьи — по нескольку поколений — целые пролетарские династии.

Кладбище чтили. Заботливые руки пололи траву и посыпали песком дорожки. А в праздники — так было положено по обычаю — приходили на могилки поминать родителей.

Война превратила кладбище в один из рубежей обороны. Окоп с пулеметными гнездами прошел глубокой черной бороздой по краю ограды, задев дальние могилы. Рота ленинградского народного ополчения, состоявшая из добровольцев-краснопутиловцев, долго держала этот рубеж, один из последних перед Ленинградом. Сыны дрались на земле, в которой был схоронен прах их отцов и дедов. Сыны не дали гусеницам фашистских танков нарушить вечный покой стариков.

Герой Советского Союза Алексей Севастьянов

За кладбищем, на откосе холма, уже находились немцы. Пехотинцы в грязно-зеленых шинелях и тяжелых касках выползали украдкой на осеннюю траву, чтобы тотчас скрыться: били наши снайперы. Немцы показывались всё реже. Только самолеты врага продолжали стремиться к Ленинграду. Немцы слали на город группы «Хейнкелей» и «Юнкерсов».

Бойцы-ополченцы с ненавистью следили из окопов за тем, как над их головами, на высоте, недосягаемой для винтовки или пулемета, летели немцы к родному городу. Нужно понять душу пехотинца в подобную минуту, силу страстного ожидания появления своих самолетов. Храбро дерется пехота, но вздох облегчения вырывается из солдатской груди, когда в небе над полем боя начинают мелькать красные звезды на плоскостях наших «ястребков»... Громкое ура гремит из траншей при виде загоревшейся немецкой машины, подбитой советским истребителем.

Вот характерная картина, восстановленная по показаниям пленных.

Всё глубже зарывались в землю немцы под Ленинградом. В одной норе, в которую вели десять скользких ступенек, помещались на грязной соломе немецкие солдаты. Усталость брала свое, большинство дремало, бормоча в забытье какие-то проклятья. Но несколько человек не могли после пережитого за день притти в себя. Они сидели, качаясь от усталости, и прислушивались к простуженному голосу рядового.

Резервист при мерцающем свете огарка рассказывал соседям о необыкновенном самолете русских. Он только недавно прибыл с пополнением, переброшенным под Ленинград с другого участка. Солдаты слушали его со страхом и сомнением.

— Самолеты русских, — а я в первый раз в жизни видел такие машины с острыми черными носами, — напали на нашу колонну утром, когда мы приближались

Ленинград в октябре 1941 года

к городу, название которого я не могу повторить... Русские летели низко, над самыми нашими головами. Честное слово, мне казалось, что их винты могут сбить каски... На этих самолетах имеются пушки, и они — я свидетель — подбивают танки. Мы стреляли из автоматов и пулеметов, но Иваны не обращали на огонь никакого внимания: пули будто отскакивали от них. В нашей роте находился новобранец маменькин сынок. Бедняга спятил от страха: он выбежал с криком на самое опасное место, и его сразу же подшибло.

— Под Ленинградом мы еще этаких штук не встречали, — вразумительно возразил обер-ефрейтор, — и вообще советую тебе перестать скулить во избежание неприятностей... Понятно?

Обер-ефрейтор ночью сбегал к командиру роты. Утром рядового вызвали к офицеру. Солдат терпеливо дожидался конца бритья капитана. Не оборачиваясь и рассматривая щеку в зеркало, капитан сказал:

— Рядовой, вы очень скоро попадете в штрафной батальон!.. Кто научил вас распространять небылицы о новом русском самолете? Откуда у вас данные об этой модели, если я их еще не имею и не желаю иметь? Вам должны быть известны приказы фюрера: советская авиация давно уничтожена нашими ассами, она больше не существует. Ну, пошел вон!..

Солдат поднял руку к козырьку каски, повернулся, щелкнув каблуками, и вышел из офицерского блиндажа. За порогом он с унынием поглядел на чужое, незнакомое, страшное небо.

А. Яр-Кравченко *Карандаш*

Герой Советского Союза

Иван

ГРАЧЕВ

Летчик-истребитель М. Шевелев

Пруссаки настойчиво рвались к Ленинграду, ценой любых потерь, не считаясь ни с какими жертвами.

К вечеру батальону передали приказ о перегруппировке: его перекидывали на левый фланг, ближе к морю. Немецкие солдаты приняли это известие с отчаянием: они знали, что на морском берегу им неминуемо предстояло встретить десант балтийских матросов, свирепых людей в полосатых фуфайках, не бравших немцев в плен. Опасения оказались, однако, напрасными: немцев ждала иная судьба.

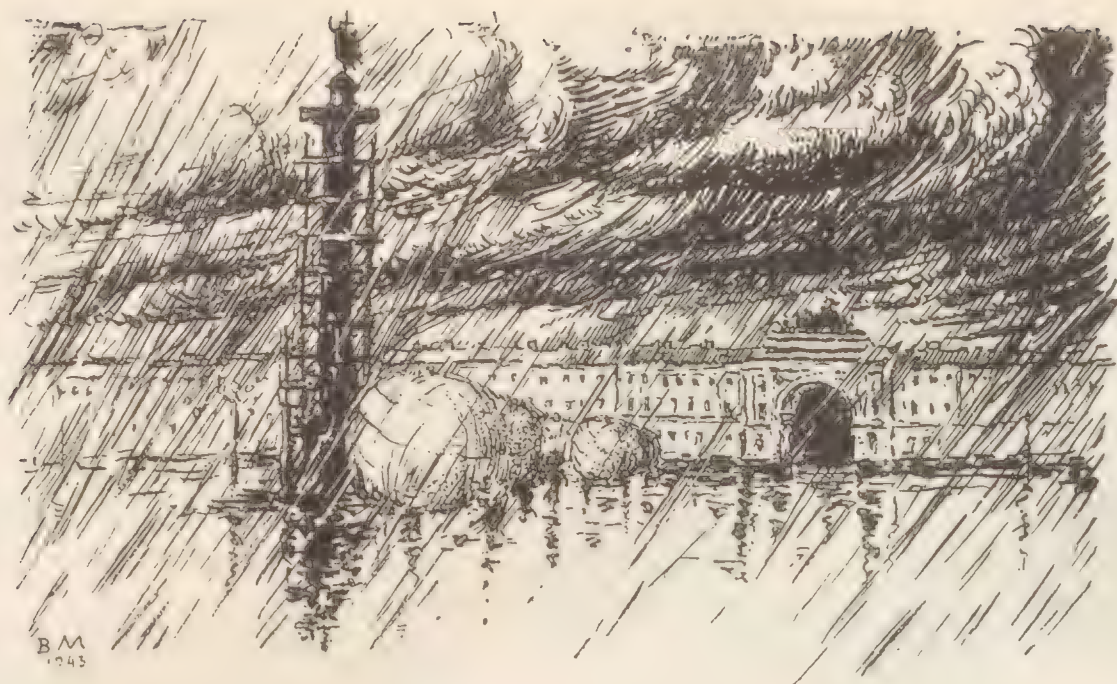
Роту вывели на шоссе. В ту пору немцы продвигались исключительно по дорогам, нагло — густыми колоннами. Предупреждения о воздушной тревоге почти никто из солдат, двигавшихся в колонне, не успел расслышать...

Шоссе, заполненное солдатами, мотоциклами автоматчиков и танкетками, было атаковано внезапно. Взрывы бомб смешались с разрывами снарядов и с резким щелканьем пулеметных струй... Машины с остроконечными черно-зелеными корпусами проносились на бреющем полете, точно ныряя до самой земли, чтобы так же мгновенно унестись с места расправы, скрыться и вернуться для повторного удара, сея смятение и ужас.

— «Черная смерть!» — закричал в страшной тоске рядовой, сразу узнавший новый самолет русских. — «Черная смерть»... — одними губами повторил он вместе с проступившей на них розовой пеной и не мог уже докончить фразу, обращенную к капитану: — Будьте прокляты! Я же говорил...

Впрочем, капитан и не услышал бы слов солдата. Капитана убило осколком, пробившим борт мундира возле Железного креста, — так показали пленные, содрогавшиеся от перенесенного ужаса и случайно уцелевшие от разгрома.

Маниак — германский «фюрер» — пытался выдать свой мираж об истреблении русской авиации за действительность. Но правда была не в готических, аккуратных буквах приказов «фюрера», расклеенных на развалинах временно захваченных им европейских городов; правда была написана на асфальте пригородного ленинградского

Приближалась блокадная зима

шоссе темною кровью немецкого солдата, одного из десятков тысяч немцев, уничтоженных советской авиацией под стенами Ленинграда.

Слух о «черной смерти» быстро облетел немецкие окопы. С нею соприкоснулись вплотную многие фашистские офицеры и солдаты... «Черная смерть» оказалась уже не измышлением напуганного воображения пехотинцев, а подлинной реальностью. Над каждой фашистской колонной, морским транспортом, баржей, группой танков, батареей, обстреливающей Ленинград, нависала отныне тень «черной смерти».

Что же произошло? Какие перемены в авиации обернулись новой грозой против немцев?

Наклонившись над огромной картой, маршал Советского Союза Климентий Ефремович Ворошилов слушал доклад начальника штаба воздушных сил Ленинградского фронта С. Д. Рыбальченко. Обстоятелен и точен был доклад начальника штаба, человека с очерченным твердыми линиями лицом, крепкими скулами и волевым подбородком. Большая жизнь лежала за плечами офицера, шестнадцатилетним подростком вступившего в Красную Армию и в рядах легендарной Шестой дивизии некогда бравшего Чонгар.

На собственном боевом опыте были знакомы начальнику штаба все рода войск от пехоты до излюбленной им авиации включительно. «Взаимодействие» считал он своим коньком!

Остро отточенный карандаш в руках начальника штаба коснулся точек на карте — «Новое Лисино», «Тосно»...

— Товарищ маршал, штурмовики пройдут указанные пункты в назначенный приказом срок. Их нужно ожидать в установленное время и на аэродроме. Получено донесение — вот здесь, на пути, пролетая, они атаковали колонну немецких автомашин и без особых задержек продолжали свой путь.

Маршал, не отрываясь, вглядывался в карту, на которой были обозначены кварталы Ленинграда и ближние и дальние подступы к городу. Климент Ефремович, выслушав начальника штаба, заметил:

— Товарищ Сталин направляет Ленинградскому фронту штурмовые авиационные части! В такой напряженный и трудный момент, это — неоценимая помощь для Ленинграда. Штурмовая авиация многое изменит в обстановке... Нужно в полной мере воспользоваться этим средством. Встречайте же друзей!

Встреча состоялась на аэродроме в К. Аэродром — широкое, просторное поле — был отделен от ленинградских застав несколькими минутами полета.

Густо, несмотря на осень, на земляных крышах ангаров зеленел сочный травяной покров. В буйной заросли рассыпались яркожелтые точки — махровые венчики одуванчика, простого, непритязательного цветка, милого нам с детства. Велико поле — уходит оно под гряду туч. В этот поздний жаркий день медленно плыли над ним большие и легкие облака, причудливые, напоминающие башни и крепостные, зубчатые стены сказочных дворцов.

Полотно шоссе, круто изгибаясь на повороте, отделяло аэродром от домиков и палисадников деревни, растянувшейся вдоль серой асфальтовой ленты на несколько километров. Недалеко от околицы стоял домик с потемневшей вывеской. Сюда еще недавно сбегались светловолосые колхозные ребятишки. Здесь была сельская школа. Теперь в ней разместились летчики.

Лужайку перед школой обступили березы, шелестящие нежной, свежей листвой. Летит ветер, напоенный медвяным запахом трав, и колеблет листья...

Русское поле! Сколько образов и чувств рождает его ширь! В раздольях блещут — сквозь дымку времени — булатные мечи богатырей. Сверкают штыки петровских полков... В говор листвы, подхваченный летящим ветром, вплетаются напевы народных песен, то протяжные, полные щемящей грусти, то удалые, задорные.

Ветер усилил порывы, и ветви зарокотали, подобно струнам. В шелесте ветра шуршали складки суворовских, кутузовских и чапаевских, покрытых пороховой гарью, изодранных в бою, знамен. Ветер летел над полем.

Поле, точно старый солдат, видало виды! Если бы земля имела дар речи, сколько бы тогда она о себе могла рассказать густым и гулким, подобно ударам вечевого колокола, языком...

Шумят березы. В шум листвы врывается гортанный, прерывистый, стреляющий звук авиационных моторов. В утренних и вечерних зорях поднимаются с поля крылатые защитники города над Невой. Не раз храбрецы, возвращаясь с боевого вылета, тяжело прижимали к земле колеса своих подбитых машин. Раненные, они последним усилием приводили самолеты на родной аэродром.

Обагрено кровью русское поле! Одетое венком из цветов и трав, увитое гирляндами белых, как пена, пушистых и легких облаков, русское поле — лётное поле воплощает в себе светлый лик Родины.

С прибытием на аэродром в К. штурмовых машин открывалась в летописи авиации Ленинградского фронта новая страница.

В тот день изменилась по-осеннему капризная погода. Со всех сторон нахлынули тучи, побежали тени. Горизонт заволок дым пожара.

Прилета ждали с возрастающим нетерпением. Появился блестевший лаком штабной «зис». Из машины вышли Командующий военно-воздушными силами Ленинградского фронта генерал-майор А. А. Новиков, полковой комиссар Иванов, Герой Советского Союза полковник Данилов.

Народ прибывал.

Свободные от полетов летчики и техники пришли на аэродром встретить боевых товарищей. Интерес вызывал новый тип самолета, о котором столько говорили и которого многие еще не видели.

Атмосфера подъема, царившая на аэродроме, свидетельствовала о значении происходившего: прибывала значительная группа самолетов-штурмовиков «Ильюшин-2», названных так по имени конструктора.

— Идут!.. Идут! — послышались возгласы в группе встречавших.

В разрыве туч показались долгожданные самолеты. Оживление прошло по рядам встречавших. Кто-то сорвал с головы шлем и взмахнул приветственно над головой. Но это еще были не штурмовики, а истребители сопровождения — эскорт, сопутствовавший и прикрывавший перелет. Истребители замкнули круг на высоте: они теперь прикрывали посадку.

Нетерпение усилилось. Минуты ожидания казались удивительно долгими. Наконец, появились в воздухе штурмовики с характерными, выступающими над фюзеляжем кабинами. Штурмовиков приветствовали криками «ура» и горячими аплодисментами.

«Илы» рулили, поднимая пыль над полем, остроносые, с трехлопастными винтами. Своеобразное впечатление производили эти самолеты. На аэродроме уже называли прилетевших ласковым и шутливым прозвищем «горбатые». Из кабин, стеклянные покрытия которых с шумом отодвигались в сторону, выходили летчики. Летчики снимали очки, вытирали разгоряченные лица.

К Командующему воздушными силами фронта подошли майор Богачев и батальонный комиссар Трофимов.

Коротко отрапортовал Богачев. Прибывшим крепко пожали руки. Трофимов огляделся по сторонам, — всё было в порядке, долетели благополучно, можно приниматься за дело.

Комиссар Трофимов пересчитал прибывших, убедился в том, что долетели все, кто был направлен в Ленинград. Он с любовью поглядел на своих «братков». Под покровом требовательности комиссар тщательно скрывал теплое, глубоко запрятанное чувство.

Много энергии потратил Трофимов на сплочение боевого товарищества, много преодолел трудностей. Летали ведь на абсолютно новой для нашей авиации материальной части, на еще мало изведанных, очень сложных по своему поведению в воздухе тяжелых самолетах, которые нужно было распознать до глубины их существа, как узнают людей, с которыми сражаются плечо к плечу.

А. Яр-Кравченко *Акварель*

Член Военного Совета Ленинградского Фронта
генерал-лейтенант
Алексей Александрович
КУЗНЕЦОВ

Студент Академии художеств В. Лойко, ставший летчиком-истребителем

— У самолета, — шутил Трофимов, — своя душа есть, ты ее пойми.

Но главное было не в этом. Эскадрильи комплектовались молодежью, рвавшейся в бой, честной и смелой, но необстрелянной, незрелой с точки зрения лётного мастерства. А ждать постепенного накопления опыта было некогда: на Западном фронте штурмовики успели уже попасть в самое пекло войны, в самое ее горнило.

Сколько раз Трофимов вместе с командиром части выводил своих людей из-под ударов врага, сберегая летчиков и самолеты! И вот теперь летчики, проверенные

и испытанные, опаленные огнем первых сражений на Западе, стояли на ленинградской земле.

Прилетели: Манохин, Мыльников, Емельянов, Хорзов, Брагин, молодой, но уже зарекомендовавший себя в боях летчик Панфилов и их боевые друзья.

Впечатления последних минут перелета не оставляли их. Одно из городских ленинградских предместий, над которым пролетали штурмовики, было объято облаками густого дыма. Пришлось подняться выше: дым мешал видеть горизонт. Летчики поняли: там, внизу, кострами пылали пригородные поселки. Бушующее пламя вырывалось из чердаков...

Через несколько дней на аэродроме в К., в промежутке между боевыми вылетами, штурмовиков обступили истребители. Завязался оживленный разговор.

Лобовой таран Героя Советского Союза Сергея Титовка

Летчик-штурмовик Григорий Мыльников сказал:

— Дело наше, в общем, несложное, если уметь, конечно... Мы — «пехотинцы воздуха». Так нас и назвал Герой Советского Союза Байдуков — лучше не выразишь!.. На Западном, до прилета в Ленинград, был у нас такой летчик Поппе, он врезался с бреющего в колонны немцев, чуть ли не винтом рубил это зверье, врукопашную...

Мыльников остановился, посмотрел на окружающих своими светлыми глазами и добавил:

— Штурмовики в авиации ниже всех летают, — нам разрушения виднее...

Прозвучала команда. Летчики разошлись по своим самолетам.

Сергей Поляков был истребителем по авиационной профессии и храбрецом по духу. Его назначили командиром штурмовой части.

Раз штурмовики собрались в своем штабе поговорить о только что проведенной ими операции. Поляков проанализировал операцию, отметил каждую ошибку, ничего не пропустил. Удивились подчиненные несказанно: ведь, кажется, не было с ними в воздухе командира части?

— Как так не было! Я летел на «Ильюшине» последним и с вами же штурмовал... — расхохотался командир.

Летчик-истребитель Н. Цесаренко

Синяя пилотка выглядела на Полякове молодцевато и даже кокетливо. Веселая улыбка открывала ослепительные зубы. Глаза щурились от смеха, и морщинки разбегались к вискам.

— Эх, братки, что же, и не приметили, как ваш командир на «горбатом» по секрету от вас выучился летать, штурмовиком стал?..

Пошло по Ленинградскому фронту в ту пору словечко — «поляковцы», сказанное в похвалу.

Летчик-истребитель А. Евсеев

Среди имен лучших «поляковцев» первым всегда называли имя летчика Владимира Шалимова. Сергей Поляков и Владимир Шалимов получили звание Героя Советского Союза. Шалимов и Поляков походили друг на друга многими чертами характера, в том числе народной хитрецой, свойственной им обоим. Шалимов старался каждый раз перехитрить врага. Рассказывали про него такой случай: на железнодорожной станции Мга стоял под парами огромный воинский состав, растянувшийся до семафора. Немцы куда-то отправляли этот состав, причем в большой спешке. На платформы вкатывали орудия, в вагоны грузили ящики с патронами.

А. Яр-Кравченко *Карандаш*

Встреча штурмовиков Командующим В. В. С. Ленинградского фронта генерал-майором авиации

Александром Александровичем
НОВИКОВЫМ

У ворот аэродрома

Внезапно столбы огня вздыбились над крышами вагонов. Грянули оглушительные взрывы! Взлетело на воздух несколько платформ. Послышались стоны раненых. Врассыпную побежали солдаты... Немецкие зенитки начали стрелять с явным опозданием: цель уже скрылась. Самолеты Шалимова, неожиданно появившись над станцией, неожиданно и исчезли...

Шалимов атаковал станцию Мга со стороны немецкого тыла, откуда ждать нападения могли меньше всего. Он сначала увел своих летчиков в сторону от намеченной точки удара, потом, резко меняя курс, вышел на цель, налетел стремительно, подобно шквалу в ясную погоду.

А вот другой вариант шалимовского маневра. От станции Сиверской продвигалась немецкая колонна. Тягачи тянули тупорылые пушки; тускло поблескивали плоские штыки пехоты. Дивизию недавно перебросили под Ленинград. Это была еще хорошо сохранившаяся, сытая, раздобревшая под теплым небом Франции, кадровая дивизия, типичная для начала «восточного похода» фашистов. Передний край и связанная с ним опасность казались немцам далекими.

Герой Советского Союза Александр Еремин

Колонна шла, будто не встречая препон. В ее рядах стальные каски, шинели, пушки и автомобили сливались, окрашенные в один и тот же мутнозеленый цвет. Червяки свастики извивались на нарукавных повязках. Краснели ободки круглых солдатских кокард.

Штурмовка вражеских танков

Точно удары молотка, стучали об асфальт шоссе солдатские ноги, обутые в грубые, тяжелые ботинки, зашнурованные проволокой. Многопудовые гусеницы оставляли ребристые следы. Над колонной стоял железный лязг.

Если бы немцы могли подозревать, что к ним приближается возмездие! Штурмовиков вел за собой всё тот же неукротимый Владимир Шалимов. Шлем скрывал его темные, зачесанные назад, волосы. На широком лице выделялись резко прочерченные брови — вразлет, точно два крыла.

«Лётный домик»

Самолет шел по заданному курсу. Линию фронта Шалимов миновал на большой высоте и, только пролетев изрядное пространство над расположением врага, начал снижаться. Указатель высоты остановился на делении 1000...

Немцы заметили наши машины. В колонне возникла паника, ряды расстроились, солдаты и офицеры, стараясь спастись, в панике соскакивали в придорожные канавы. Поднялась бесцельная стрельба из автоматов. Среди немецких артиллеристов пробежало пугающее слово — «черная смерть». Это слово, как искра, перелетало из одной немецкой части в другую.

Но опасность налета для пруссаков как будто бы скоро миновала: штурмовики вслед за ведущим сделали в воздухе поворот на 90 градусов — и скрылись. Тогда солдаты вылезли из канав на шоссе и продолжали свой марш. Пройти колонне пришлось, однако, немного. С противоположной стороны на цель возвращался Владимир Шалимов и вел за собой опять всю группу штурмовых самолетов. Над головами

А. Яр-Кравченко *Карандаш*

Летчик-штурмовик
Ф. ПАВЛЮЧЕНКО

Штурмовка железнодорожного эшелона

немцев засвистели выпущенные снаряды. Посыпались на них и бомбы. Шалимов всё учел заранее, перед вылетом в бомбах установили взрыватели замедленного действия.

Через двадцать две секунды столбы дыма поднялись над местами, где был сброшен смертоносный груз.

Трижды появлялись над немецкой колонной самолеты «Ильюшин-2». Немецкие солдаты были рассеяны или уничтожены. Техника фашистов превратилась в груды

Летчик-истребитель В. Плавский перед боевым вылетом

исковерканного, сплющенного, бесформенного металла. Накренившись, стояли недвижимые более танки и самоходные пушки. Колонна не дошла...

В предоктябрьскую ночь сорок первого года немцы готовили воздушное нападение на праздничный Ленинград. Об этой попытке нападения уже говорилось.

Разгром немецкого аэродрома в канун 7 ноября 1941 года

Летчики Ленинградского фронта сорвали ее. Слава подвига принадлежит Владимиру Шалимову.

Из Бельгии, Италии и Чехословакии, с территории многих стран, в ту пору захваченных фашистами, стягивались под Ленинград, на аэродромы Сиверской и Гатчины, машины. Штурмовики сделали всё, чтобы ни одна из них никогда не поднялась больше над советской землей. То была воздушная операция исключительного размаха и значения.

Штурмовики на бреющем полете по многу раз возвращались на цель. Их прикрывали лучшие истребители. Группы «Ильюшиных», ведомые летчиками Шалимовым и Поляковым, сопровождали истребители под командой Голицына, Старкова, Одинцова...

Не менее семидесяти немецких машин погибло на аэродромах. Возникли грандиозные пожары в немецком тылу. Взрывались цистерны с горючим, запасы бомб, предназначенных немцами для разрушения Ленинграда в день праздника советского народа. Немцы получили на Ленинградском фронте в канун Октябрьской годовщины 1941 года один из очень серьезных ударов.

Существенным было политическое значение этого разгрома врага. В осажденном Ленинграде удалось провести традиционный праздник. Ленинградцы услышали историческую речь великого Сталина, влившую новую струю бодрости в их души. Ленинградцы узнали о параде на Красной Площади 7 ноября 1941 года, о параде, факт которого потряс мир! Немцы в то время ведь находились на подступах к столице Советского Союза — Москве...

Великий Сталин принимал парад на Красной Площади, как и в прежние годы, торжественно и спокойно.

Радостью этого праздника ленинградцы целиком обязаны своим защитникам-летчикам. В первую очередь — летчикам штурмовикам и истребителям, разбомбившим вражеские аэродромы, сорвавшим кровавый и коварный план фашистов.

С особым чувством восприняли весть о московском параде те ленинградские летчики, которые сами не раз летали в Столицу, принимая непосредственное участие в Октябрьских торжествах. Седьмого ноября безукоризненно точный воздушный строй проносился над левым крылом Мавзолея.

В сердцах ленинградцев речь великого Сталина на Красной Площади вызвала волну воспоминаний.

Вспомнились им праздники, проведенные на исторической площади Зимнего Дворца, толпы веселых людей, осененные алым шелком знамен, медный гул оркестров, песни, подхваченные на ветру тысячами голосов, приветственные клики, трибуна, украшенная стягами.

Вставали в памяти и дни физкультурных празднеств, загорелые тела, трепещущие треугольные флаги...

А с каким размахом ежегодно проводил Ленинград традиционный «День авиации». С самого утра, потоки разодетых зрителей спешили к аэродрому. С замиранием сердца собравшиеся следили за фигурами высшего пилотажа и групповыми прыжками смельчаков парашютистов. Распускались шелковые голубые и алые, полные воздуха, парашюты... Парашютисты приземлялись с оружием, в противогазах, готовые к бою: на земле их встречали аплодисментами!

В то время весь город проявлял особую любовь и интерес к авиации: пионер был моделистом, юноша мечтал о поступлении в лётную школу, ленинградский старожил вспоминал зарю русского лётного искусства и первые полеты под Петроградом, в Коломягах.

В дни подобных всенародных торжеств счастливая жизнь советских людей ощущалась особенно ярко.

На борьбу за эту полную радости жизнь, нарушенную нападением ненавистных врагов, звала пламенная речь Великого полководца.

Короток был момент праздничной передышки в сорок первом году. Суровое время властно напоминало о себе. Штурмовики, возвратившиеся с боевых полетов, рассказывали в немногих словах об опасности, угрожавшей городу Ленина в канун Октябрьского праздника. Величину опасности можно было учесть только после разгрома вражеских сил, брошенных для нападения на Ленинград.

Подводился один из первых итогов деятельности штурмовой авиации на Ленинградском фронте. Итог расширялся повторными штурмовками немецких баз: к ним

А. Яр-Кравченко *Уголь, мелок*

Штурмовики немецкого аэродрома в канун Октябрьской годовщины
1941 года.

вновь и вновь возвращалась «черная смерть».

И вновь «Ильюшины» обрушивали на остатки уничтожаемых фашистских эскадрилий град раскаленного металла. То был огонь мести.

На аэродроме К. из прилетевших штурмовых машин выходили летчики. Их лица были усталые, но удовлетворенные.

Штурмовые действия советских летчиков продолжались. Однажды самолет Шалимова, возвращавшийся с боевого вылета подбило снарядом немецкой зенитки.

Осколки разворотили водяной и масляный радиаторы, повредили воздушную систему и шасси. Шалимов довел машину до своего аэродрома и, ковыляя на одном колесе, совершил посадку.

Гвардии подполковник Н. Трофимов

Летчики Борис Брагин и Емельянов привели машины, сильно задетые снарядами врага. Долететь до своего лётного поля вопреки всему стало традицией части. Емельянов долетел, раненный в правую руку, кровь оставалась на ручке штурвала. Борис Брагин долетел, раненный в руку и голову, самолет получил триста пробоин. Летчика, потерявшего сознание, вынесли из кабины.

Так мужественно и бесстрашно сражались на подступах к Ленинграду летчики-штурмовики!

Осенью 1941 года врага под Ленинградом остановили, но кольцо вокруг города не разжималось.

Через старый пригородный парк проходил оборонный рубеж. На аллеях сохранились мраморные статуи. Садовые скамьи лежали опрокинутыми. Снаряд расщепил киоск минеральных вод. Бойцы, защищавшие этот рубеж, изнемогали: бой продолжался уже десятые сутки.

Трупы немецких солдат валялись на гравии дорожек. Защитники рубежа знали, что податься назад им нельзя ни на метр.

Командиры наземных частей вызвали на помощь авиацию. «Пехотинцы воздуха» должны были облегчить положение пехоты. Прилетели две группы самолетов «Ильюшин-2», одну из них привел Шалимов. Штурмовики дрались в воздухе бок о бок с защитниками рубежа. Бомбы, сброшенные штурмовиками, подавили орудийные точки врага. Замолкли немецкие пушки, бившие с левого фланга, особенно опасные по тактической обстановке. Несколько раз возвращались штурмовики к месту

боя, висели над ним. В траншеях немцев рвались снаряды, жужжали проносившиеся пули.

Часть парка захватили немцы. Фашисты здесь укрепились. Вековые деревья скрывали траншеи. Штурмовые самолеты раз за разом проходили над этими местами. Летели на бреющем... Ветки хлестали по фюзеляжам, казалось, — вот-вот самолеты заденут макушки своими плоскостями...

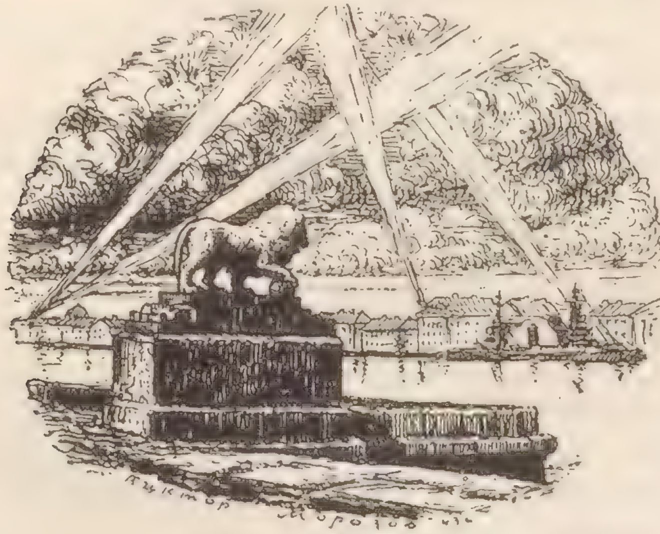
Натиск врага начал слабеть. Рубеж остался за его защитниками.

Этот рубеж был незыблемым все последующие двадцать восемь долгих месяцев осады. Скрытые брустверами, бойцы следили за врагом днем и ночью. Из бойниц вырывались молнии снайперских выстрелов. Пригородный парк долго оставался ареной сражения. Град минных осколков разбил мраморные статуи.

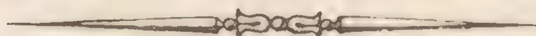
Огненный пояс окружал Ленинград. Борьба кипела вплотную у самых городских ворот, в рабочих поселках, в загородных садах.

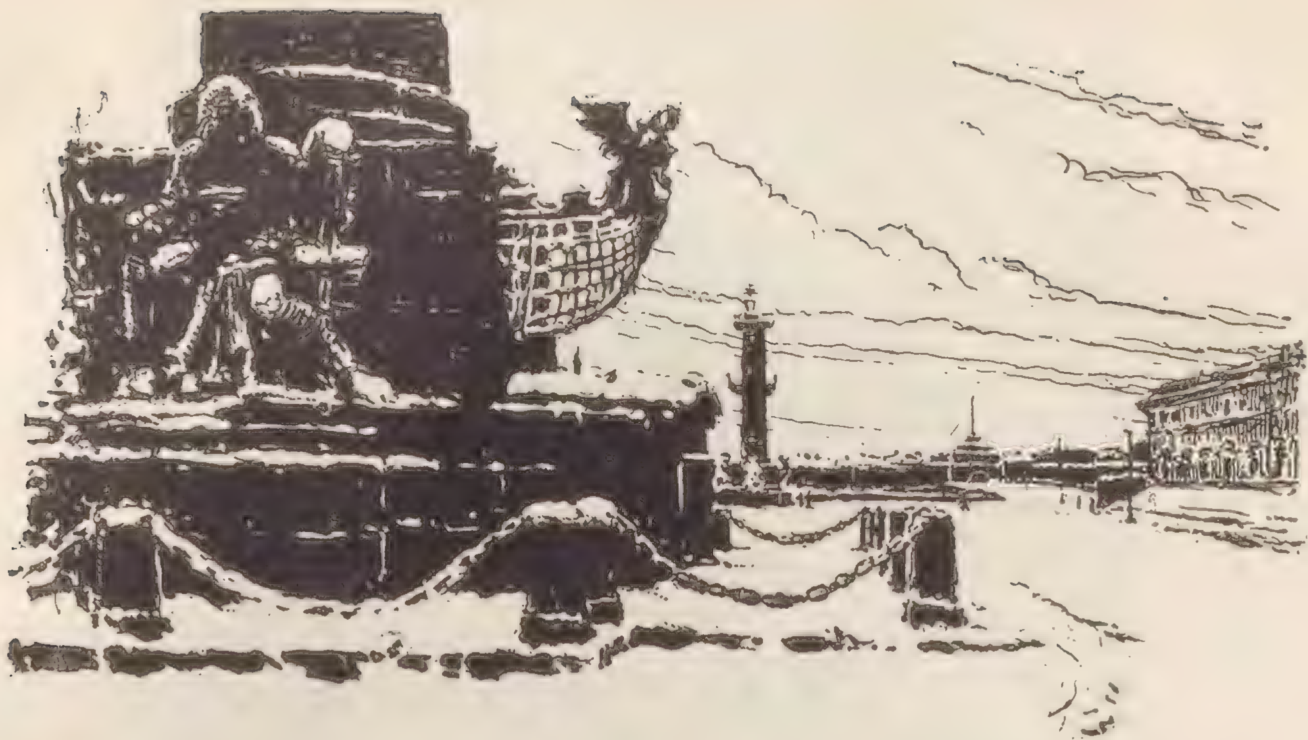
Но несмотря ни на что, природа совершала положенный ей круговорот. В парках оголились деревья. Необычным был листопад в сорок первом году. Листья, не успевшие принять желтых, золотистых, янтарных и пурпурных оттенков русской осени, подсек преждевременный мороз: они отрывались от ветвей зелеными. По народным сказаниям зеленый листопад предвещает годину горестных утрат и тяжких испытаний.

Надвигалась блокадная зима.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КАЗАЛОСЬ, что от стужи замерзает человеческое дыхание. Шла зима сорок первого года. Ленинград заносили снега. Сугробы поднимались во дворах до подоконников первого этажа. Снег лежал на крышах зданий, на кузовах троллейбусов, надолго остановивших свой бесшумный ход.

Снег лежал на кровлях дворцов, на мертвых трамвайных путях, нависал над карнизами домов; с карнизов время от времени срывались глыбы — тогда в снежной пыли звенели куски льда, смерзшиеся, твердые, как кость. Снег налипал на отростки оборванных проводов, на остовы погасших фонарей. Чернели силуэты кораблей и подводных лодок, впаянных в лед Невы. Невский ветер шевелил легкие полотнища морских флагов, окаймленных голубой полосой. Лязгали лебедочные цепи. Из корабельных корпусов, обросших ледяной коркой, вырывались белые шипящие струи пара. На капитанском мостике стыла фигура краснофлотца-часового в овчинном тулупе.

Дома Ленинграда, охваченные пронзительной стужей, сами казались кораблями, затертыми во льдах. Фанера закрывала глазницы выбитых окон. Торчали жестяные трубы печурок, дым, тяжело поднимавшийся вдоль фасадов, оседал на них полосами копоти. Сумрачными тенями вставали развалины — то были целые ущелья из разбитых

Перед рейдом в глубокий тыл врага. За проработкой маршрута...

стен. Под проломами крыш торчали балки, змеями вились рельсы перекрытий, согнутые ударом взрыва; в обугленных кирпичных коробках высились курганы битого камня, известки, колючих осколков стекла.

Порой взрыв бомбы, сброшенной фашистами, срезал лишь часть дома — фундаментальные стены исчезали, как поднятый театральный занавес, за ними обнажалась, точно на подмостках сцены, внутренность человеческого жилья.

Тусклый свет «летучей мыши» заменял в блокадные ночи долго отсутствовавшее электричество

В комнатах со снесенными перегородками оставались предметы обихода, портреты в овальных рамах, домашняя утварь...

Снаряды врага разрушили подземные артерии водопровода. Бурлящие потоки вырывались наружу, похожие на ключи; потом эти родники сковывал мороз, и на их месте вырастали прозрачные ледяные глыбы. Город остался без воды!

Горожанам пришлось пробивать проруби во льду Невы и Мойки. Изможденные люди с трудом поднимались по обледенелым ступенькам набережной. Неполные ведра больно оттягивали плечи, и путь до дверей квартиры казался бесконечным. Подчас на этом трудном пути настигала воздушная тревога. Где-то вблизи рвались воющие немецкие фугаски, люди ложились на заснеженную мостовую и больше всего в такие минуты боялись расплескать хотя бы каплю влаги, добытую с таким мучительным трудом.

Летучий снег заносил сфинксы над Невой, как некогда заносил их знойный песок пустыни. В сводчатом полуподвальном помещении здания Академии Художеств устроили бомбоубежище. В нем, вместе с другими художниками, ютился Иван Яковлевич Билибин и другие знаменитые мастера. Иван Яковлевич — еще недавно бодрый и моложавый для своих лет — сидел за отдельным, сколоченным из досок, столиком и рисовал озябшей, непослушной рукой русских богатырей. Он наотрез отказался уехать из родного Ленинграда, сердито заявив:

— Из осажденного города не бегут, в нем обороняются.

Профессор Шилинговский, навещавший в бомбоубежище своего друга, академика Билибина, принес изданный им давно альбом гравюр на дереве. Шилинговский изобразил в этих гравюрах Петроград в годы гражданской войны. Академик с волнением прочел на титульном листе альбома название «Руины и Возрождение».

— Вот и мы с вами, а самое главное — наши ученики, — сказал Билибин, — именно наши ученики — они нас переживут — должны сохранить образ борющегося Ленинграда и возрождение каждой его руины. Помните стихи Тютчева: «Счастлив, кто посетил сей мир в его минуты роковые»...

Облик блокадного Ленинграда призывал к возмездию.

...В общежитие летчиков в деревне К. под вечер вернулся из Ленинграда истребитель Сорокин. Он пришел из города пешком, со щеками и подбородком, посиневшими от холода, с заиндевевшими ресницами. Сорокин сразу же лег, но долго не мог заснуть. Друзья соскучились по своему «корешку», шесть с лишним недель пробывшему в госпитале, и окружили его койку...

— Вышел я утром, — устало сказал Сорокин, — часов в семь. На улице еще было темно... Сестра меня провожала из нашего отделения, Ириной ее зовут, хорошая девушка... Дверь на подъезде мы с ней с трудом открыли: снегу намело за ночь. Долго стояли на подъезде: голова кружилась, от воздуха отвык. Потом отдышался, оглянулся, вижу—над городом зарево, над самым центром. Ирина мне объяснила:

— Гостиный двор горит. Четвертые сутки горит, и потушить никак не могут — с водой плохо...

— Простился с Ириной... «Как же — думаю — добраться до аэродрома? — Поезда по ветке не ходят второй день. Попутные машины очень редко попадаются... Что же делать? Разве пешком податься? Выхода другого не предвиделось — подался попехотному...»— Сорокин замолчал, утомившись.

Но летчики терпеливо ждали продолжения. Ребята редко вырывались со своего аэродрома в город, и Сорокин, почувствовав, как хотят его товарищи знать всё, что происходит в осажденном Ленинграде, заговорил снова.

В. Морозов *Гуашь*

Блокадная зима

Ленинград в декабре 1941 года

— Зашагал, значит. Часа через полтора до Невского добрался. Пока шел, всё время зарево было в небе, и столб дыма огромный. Вышел к Садовой, действительно — пожар, горит Гостиный, пламя с галлереи так и выбивается. Я постоял и двинулся к Александровскому саду. По середине Невского — высоченные снежные сугробы, будто в лесу. Пустыня на Невском полная... Броневик, белым покрашенный, показался — и пропал, и опять тишина... Гостиный за спиной полыхает. От пожара светло. Иду я по розовому снегу, черные тени мелькают, быстрые, быстрые... Иду, навстречу женщины попадаются. Лица у них заострившиеся. Глаза, как свечки. Тоски в глазах много и, знаете, упорства. Серые они, худые... И все за собой, вижу, тянут детские салазки. На салазках—покойники лежат зашитые. На каждых, буквально, салазках, на каждых — по покойнику...

Сорокин откинулся на подушку:

— ...Мрут от голода в Ленинграде. У Ирины, ну, сестры из нашего отделения, отец умер, тетка, двое братишек... Вот в городе какая картина — забыть невозможно... Я из госпиталя раньше срока выписался...

Сорокина знобило: тогда, чтобы теплее укрыть друга, ребята стянули одеяла со всех коек, притащили шинели...

Бесхитростный рассказ товарища подействовал на летчиков сильнее горячей речи оратора. Утром они уходили в боевые полеты. Образ Ленинграда, скованного кольцом блокады, не оставлял их ни на мгновение. Они летели в бой, чтобы мстить за муки ленинградцев.

Герой Советского Союза Сергей Поляков

А город всё же жил!

Сорокин успел заметить на стенах Невского проспекта новые цветные плакаты, созданные художниками и литографами в давно нетопленых мастерских.

За Ленинград! — призывали эти плакаты.

В городе стучали машины: люди шатались от слабости, но не отходили от станков.

За Ленинград!..

После поединка

Это был пароль! Пароль бойцов в окопах. Пароль работниц в цехах. Пароль защитников Ладоги.

У осажденного Ленинграда оставалась только одна коммуникация — ледяная трасса через Ладогу, последняя тонкая ниточка связи с Родиной, с «Большой землей», как называли тогда ленинградцы необозримое пространство отчизны, лежавшее за кольцом блокады. «Большая земля» была всем, была мечтой и надеждой, источником уверенности сражающегося в осаде Ленинграда.

И крылья самолетов с красными звездами надежно прикрыли эту последнюю коммуникацию города-фронта.

Через Ладожское озеро проложили ледовую дорогу. Грузы, необходимые городу, как кровь сердцу, потоком неслись по ней.

Немцы пытались всеми средствами помешать переброске продовольствия, боеприпасов, перевязочных материалов. Налеты на трассу учащались.

На льду установили зенитные орудия. Острый ветер Ладоги метался над застывшим озером, кружил снежную пыль, обжигал лица зенитчиков. Пурга слепила глаза. Но из-за полукруглых снежных брустверов, из-за валов били точным огнем пушки, стремительно поворачиваясь вокруг своей оси и вздрагивая тонкими длинными стволами. В концентрических кругах прицела счетверенных зенитных пулеметов, как в тенетах, бились немецкие хищные птицы.

Летчик-истребитель Е. Воронцов таранит фашистскую машину над Ладожским озером

3 декабря 1941 года над Ладогой разыгрался воздушный бой. В этом неравном бою летчик Евгений Воронцов сражался с группой «Мессершмиттов». Воронцов знал, что под ним, на льду, нескончаемым потоком движутся автомашины, везущие снаряды на батареи, бинты и марлю госпиталям, муку для голодающих детей. Воронцов знал, что за баранками рулей сидят бойцы-шоферы, не спавшие много суток, пробивающиеся к воротам Ленинграда со своим драгоценным грузом вопреки всему. Воронцов отвлек «мессеров» в сторону от проезжего пути и ловко зашел под брюхо одной из немецких машин. Летчик отчетливо увидел это брюхо, крашенное в желтый цвет.

Патроны были уже истрачены и снаряды тоже. Эх, если бы у него хоть что-нибудь было в запасе!.. Последнее средство — таран! Воронцов прибавил газу и ударил врага со всей силой... Смертельно поврежден «мессер», но и самолет Воронцова сильно задет: лопнули тяги, заклинились рули, смялся козырек, звездообразно треснуло стекло кабины. Воронцову пришлось садиться на вынужденную. Он опустился на снежное поле.

Летчик-истребитель Е. Воронцов через два часа после тарана над Ладожской трассой

Оставшиеся «Мессершмитты» обстреляли самолет русского летчика, одиноко черневший на ледовом панцыре озера. Вокруг носа самолета запрыгали столбушки снега. Пули прошили плоскости... Считая свое дело законченным, «Мессершмитты» улетели. Но Воронцов уцелел. Он вылез из кабины, отер пот с лица, отряхнул шлем, густо обсыпанный желтой пылью, — то была краска «Мессершмитта», отскочившая от удара, — и двинулся к аэродрому.

Транспортные самолеты доставляли боеприпасы и продовольствие осажденному Ленинграду

Так, рискуя своей жизнью, ленинградские летчики защищали ледяную дорогу, соединявшую город Ленина с «Большой землей».

Защищали Ладогу с воздуха не только летчики-истребители, трассу обороняли и летчики-штурмовики, громившие немцев на аэродромах, откуда поднимались фашистские машины, чтобы наносить удары по единственной отдушине города.

Холодное солнце освещало немецкие аэродромы. Багровый негреющий диск возникал над горизонтом на короткий срок, бросал зловещий отблеск на плоскости самолетов с белыми кругами и черными паучьими свастиками.

Лютая зима не стала помехой для штурмовиков Шалимова, настигавших фашистов на их базах. Укрытия, взорванные бомбами, погребали машины, предназначавшиеся для операций против Ладожской трассы. Немцы забирались от холода в немногие уцелевшие на переднем крае строения. Шалимовцы поднимали на воздух эти дома. Долго чадили головешки развалин, долго тлели клочья зеленоватых шинелей.

Три ордена украшали грудь Шалимова.

— Летчик штурмовой авиации должен быть человеком, презирающим смерть, напористым и смелым воином, — сказал своим офицерам Шалимов. — Только воспитав

Ледовая трасса

в себе эти качества, помножив их на умение, летчик-штурмовик выполнит свое назначение.

В марте еще стояли морозы. Тому, кто не пережил блокады Ленинграда, трудно представить, как ждали весны в городе-фронте в сорок втором году! Как бесконечно радовались ее приходу! Капель падала с крыш, жители, напрягая остаток сил, убирали город. Десятки тысяч ленинградцев скалывали лед с панелей, сваливали снег в Фонтанку и другие реки, освобождая дворы от снеговых завалов.

Снег заносил город

Весна окончательно вступала в свои права. Город оживал, становился попрежнему прекрасным. Пошел трамвай. На аэродромах темнели пятна талого снега.

Родина высоко оценила героизм летчиков, отстаивавших Ленинград осенью и лютой зимой сорок первого года.

Весной сорок второго года лучшим авиационным частям Ленинградского фронта были вручены гвардейские знамена. На лётных полях выстраивались шеренги людей в меховых комбинезонах и унтах. Дуновение вешнего ветра шевелило над ними складки пунцового шелка. Солнечные лучи играли на копьях древков.

Летчики опустились на одно колено: части принимали знамена Сталинской гвардии. Перед коленопреклоненным строем штурмовиков Владимир Шалимов поднял стяг.

Боевые дела, мужество, отвага и смелость привели штурмовиков к этой торжественной минуте!

А. Яр-Кравченко *Сангина*

Член Военного Совета Ленинградского фронта
Алексей Александрович
КУЗНЕЦОВ
вручает гвардейское знамя
командиру истребительной части полковнику Г. Голицыну

Штурмовой удар по вражескому аэродрому

Скупая слеза стекала по обветренной щеке летчика. С непередаваемым чувством поцеловал Владимир Шалимов край гвардейского знамени.

Знамя Сталинской гвардии вручал штурмовикам-гвардейцам член Военного Совета фронта А. А. Кузнецов. Генерал крепко сжал руку командиру части, вкладывая в это рукопожатие благодарность народа.

На боевых делах летчика-гвардейца Федора Павлюченко, одного из ближайших шалимовских сподвижников, лежит печать темперамента и размаха, свойственная действиям его командира.

По облику Федор Павлюченко до чрезвычайности напоминает Валерия Чкалова. Вот Павлюченко, отправляясь на задание, надевает парашют. Ему приходится предварительно повозиться с ремнями — пряжки с карабинами не сходились на его плотной фигуре. Богатырской силой веет от Павлюченко. В каждой черте широкого и открытого лица, в каждой складке синего камбинезона, облегающего массивное тело, ощущаются упрямая воля и упорство большого и своеобразного характера. Самолет Павлюченко в воздухе сразу отличают от самолетов остальных штурмовиков. Летчик обладает индивидуальной воздушной «походкой». Когда встречалась необходимость, тяжелая, бронированная штурмовая машина в руках Павлюченко начинала, как говорили летчики, «юлить, будто истребитель». Он выжимал из летающего танка, из самолета «Ильюшин-2» все возможности маневра, которые только дает эта машина.

С Владимиром Шалимовым Павлюченко впервые столкнулся еще задолго до дней Отечественной войны, при выполнении одного специального задания, и уже тогда полюбил и навсегда запомнил приветливую, одному Шалимову присущую, улыбку. Старая, давно начавшаяся дружба Шалимова и Павлюченко окрепла в сражениях на Ленинградском фронте. В одной штурмовой части свела летчиков военная судьба. Шалимова в Павлюченко привлекали храбрость, любовь к шутке.

— Каких превращений с летчиком только ни происходит! Меня, воспитанного в действиях над полями, лесами и болотами, раз-два — и сделали морским волком, — смеялся Павлюченко. И действительно, ленинградским летчикам-штурмовикам приходилось часто атаковывать не только сухопутные цели.

Над Финским заливом плыла белая ночь. В гавани морской крепости два фашистских эсминца дымили трубами. Качались пришвартованные к причалам баржи. Эсминцы спустили флаги. На баржи, принявшие десант, погрузили пушки. Вдоль палуб лежали и сидели солдаты с автоматами. Офицеры всю ночь провели в каютах над картами. Операция десанта должна была совершиться на рассвете.

Но в два часа двадцать семь минут пополуночи начался налет советской авиации. Самолеты поднялись с двух аэродромов — с прибрежного аэродрома летчиков-балтийцев и с более далекого поля — штурмовиков. Они шли на высоте двух тысяч метров. Показался финский порт. Эсминцы и транспортные баржи на фоне водного пространства, отливающего всеми оттенками перламутра, становились очень заметными.

Первыми ударили морские летчики. За ними — гвардейцы-штурмовики, ведомые Павлюченко. Балтийцы обрушились на корабли. Штурмовики, как требовал приказ, атаковали баржи-транспорты в восточной части гавани. С земли и судов поднялась навстречу самолетам стена зенитного огня.

— Силен был зенитный огонь проклятых немцев, — вспоминает Павлюченко, — а нам пришлось маневрировать над зенитками, неся усиленную бомбовую нагрузку...

Пламя взрывов охватило баржи. Тогда штурмовики Павлюченко вышли из атаки, отлетели вглубь, собрались над морем, вернулись и повторили атаку. Долго не затухал пожар над восточной частью порта. В волнах прибоя носились обугленные трупы немецких и финских солдат десанта, так и не ступившего на советскую

Здание, воздвигнутое Росси, было одной из мишеней немецких дальнобойных орудий

землю. Плыла, поблескивая серебряным галуном, фуражка капитана. Палубы десантных судов заливались кровью. Тщательно подготовленная немцами операция — провалилась.

Налеты на порты противника продолжались. Удары комбинировались. Морские летчики, гвардейцы-бомбардировщики действовали вместе с гвардейцами-штурмовиками и гвардейцами-истребителями Энского соединения.

Поздней осенью сорок второго года Павлюченко и Анисимов вели летчиков в сторону Ладожского озера. На Ладоге гуляла непогода. Перекатывались седые валы. Прижимались к валам буревые тучи. Двадцать второго октября произошло на Ладоге морское сражение. Немцы опять предприняли попытку высадить десант. Тридцать судов послали на эту операцию враги. В центре каравана шли самоходные баржи и шаланды; по бокам дымили корабли охранения. Впрочем, и баржи не были безоружными: на их палубах немцы поставили зенитки. Главную тяжесть удара штурмовики обрушили на центр каравана. Самоходные баржи пошли ко дну.

Летом сорок третьего года в операции под Синявином бок о бок со штурмовиками Николая Свитенко и Камбулатова сражались штурмовики-балтийцы.

Летчики, защищающие город Ленина с суши, и летчики Краснознаменной Балтики связаны крепкой боевой дружбой.

С особенным уважением Павлюченко называл имя человека, воплотившего лучшие черты героев балтийской авиации, имя летчика-бомбардировщика, гвардии полковника Преображенского.

Блокадной зимой

На карте Отечественной войны пролегают славные маршруты дальних полетов эскадрильи Преображенского: от аэродромов, расположенных под стенами Ленинграда, до черных фашистских логовищ Берлина!

Ритм борьбы на Ленинградском фронте не оставался неизменным. Напряженные бои сменялись периодами относительного затишья. «Спокойствие» было, понятно, обманчивым: враг готовился в такое время к новому броску. Павлюченко отлично учел это обстоятельство и использовал паузы для «свободного полета» или «охоты». Он говорил:

— В штурмовой авиации свободный полет или, как мы его теперь называем, «охоту» весьма полезно проводить, когда наблюдается на фронте затишье. По крайней мере, противника держишь в постоянной тревоге, изматываешь немца на переднем крае и не даешь ему совершать перевозок в ближних тылах.

«Охотники», следуя личному примеру Павлюченко, сковывали врага. Даже мелкие отряды, отдельные орудия или единичные грузовики, подвозящие к фронту снаряды, становились для наших «охотников» желанной «дичью».

Вначале «охота», свободные полеты производились от случая к случаю. Вскоре свободные полеты переросли в целое движение, принявшее на Ленин-

А. Яр-Кравченко *Карандаш*

Летчик-истребитель
Г. ИВАНЧЕНКО

Ночь на первое января 1942 года

градском фронте массовый характер. Движение летчиков-«охотников» сродни другому могучему движению, также зародившемуся в среде защитников Ленинграда — движению снайперов-истребителей.

Неиссякаема народная месть, ищущая новых путей! «Свободный полет», «охота», наводили панику, помогали истреблению фашистов. В них выражалась неукротимая, яростная активность летчиков, не хотевших мириться даже с короткой передышкой — наступательный порыв толкал защитников Родины на творческие поиски новых форм борьбы.

Движение летчиков-«охотников» пронизано духом смелой инициативы, истинно русским размахом — новое свидетельство неиссякаемых сил всенародного сопротивления врагу. Свободные полеты «охотников» лишний раз напоминали немцам, зарывшимся в землю под Ленинградом, о том, что фашисты здесь только временные, ненавистные «гости». Они не осмеливались теперь поднять головы, продвигались по дорогам лишь воровски, ночами.

Выдающимся «охотником» стал штурмовик Петр Голодняк.

Ночной старт

Как-то раз генерал Рыбальченко вызвал к себе капитана Голодняка. Маленький, подтянутый, жилистый человек стоял перед генералом. Во внешности Голодняка только сильно развитые крепкие скулы, обтянутые покрасневшей, точно слегка обожженной кожей, да несколько выдавшаяся упрямая нижняя челюсть свидетельствовали о железной воле. О таких солдатах Суворов говорил: «С виду мал — в бою смел».

Генерал открыл ящик стола, достал металлический плоский портсигар и протянул его летчику. На крышке портсигара был тонко выгравирован рисунок: руины древнего храма, плиты портала, колонны, крылатые ассирийские быки с человеческими головами.

— Раскройте!

Голодняк нажал кнопку. На внутренней стороне портсигара виднелась надпись: «Лучшему летчику Ленинградского фронта от Тефик Рафаэляна. Тегеран».

— Вы — один из тех, которые достойны и подарка и такой надписи от зарубежных друзей, — сказал генерал.

На одном и том же штурмовом самолете «Ильюшин-2» летали Герой Советского Союза Николай Свитенко и Петр Голодняк. Летали поочередно, так как один из них всегда должен был оставаться на командном пункте.

У Голодняка — украинский выговор. Детство и юность будущего пилота прошли под Каневом, где находится могила творца «Заповита» — Тараса Григорьевича Шевченко. Семьи Петра Голодняка и Николая Свитенко оставались на Украине во время оккупации ее немцами. Свитенко и Голодняк на Ленинградском фронте рассчитывались с врагом за страдания близких, за поруганные города, вырубленные вишневые сады, за сожженные поля украинской земли.

В начале Отечественной войны Голодняк, в то время разведчик, был ранен.

Тяжелое ранение надолго приковало его к скучной госпитальной койке. Голодняк спорил с врачами, стремился обратно на фронт, а раны летчика заживали, как на грех, медленно. Едва дав им зарубцеваться, Голодняк поспешил покинуть госпиталь. Офицера послали учиться новой авиационной специальности. Голодняк

У оружейников на аэродроме

стал летчиком-штурмовиком на Ленинградском фронте, но разведчик сидел в его натуре попрежнему крепко. Однажды Голодняк в паре с летчиком Мироновым вылетели на штурмовку. Они шли на небольшой высоте. Маршрут их проходил в окрестностях Петрокрепости (Шлиссельбурга) над лесом, наполовину скошенным артиллерией. Цель штурмовки приближалась.

Вдруг зоркий глаз пилота обнаружил в лесу десяток замаскированных танков. На командный пункт по радио немедленно понеслось сообщение. Он решил «попутно» с продолжением рейда штурмовать. Три танка были сразу же выведены из строя. Рейд продолжался: Голодняк и Миронов над заданной им целью появились минута в минуту в назначенный приказом срок.

Немцы, напуганные действиями русских штурмовиков, создали сложную, хитроумную контртактику зенитной обороны, — придумали систему трехярусного зенитного огня. На двести — триста метров били бронебойными пулями фашистские автоматы и пулеметы. Высота в четыреста — пятьсот метров была сферой действия мелкокалиберной зенитной артиллерии. На тысячу и выше метров вели огонь зенитные

Во фронтовой землянке

орудия. Такая завеса казалась фашистам непреодолимой. Но Голодняк — человек неукротимого темперамента и острой мысли — тотчас же предложил, в качестве противоядия, внезапную перемену скоростей и маршрутов: «меняйте чаще маршруты — советовал он — налетайте из глухих немецких тылов. Обходный маневр, появление с разных направлений спутает врага. Трехслойный зенитный огонь немцев обнаружит свою громоздкость, слабую подвижность».

Петр Голодняк в большинстве операций являлся ведущим. Роли ведущего летчик придавал огромное значение:

— Ведущий, — говорит он, — не первый номер боевого порядка, а полновластный командир.

А. Яр-Кравченко *Сангина, уголь*

Герой Советского Союза

Владимир

ШАЛИМОВ

В осажденном городе оберегали памятники прошлого

— Раз я назначен ведущим — на меня ложится ответственность за судьбу каждого экипажа, каждого самолета, за исход боя. В таком случае я требую полного и абсолютного подчинения ведущему и летчиков-штурмовиков, и летчиков-истребителей, прикрывающих нашу операцию. А то недавно, после успешного нашего налета, на обратном пути отстал от меня летчик Полагушин. Три «Фокке-Вульфа» не рискнули подойти к основной нашей группе. За одиноким летчиком они, понятно, увязались. Хорошо, что мы своевременно заметили опасность и выручили парня.

В одной части с Петром Голодняком сражается Григорий Мыльников. В минуты короткого боевого досуга Григория Мыльникова можно встретить на «Проспекте авиации» — шоссе, пересекающем деревню К. Юноша одет в синюю гимнастерку.

Он весело беседует с девушками, или мчится, как вихрь, из конца в конец села на велосипеде. Это — отдых, отдых после боя.

У Мыльникова светлые, прозрачные глаза; линии рта и весь овал лица мягкие, слегка расплывчатые. Рисунок губ и лепка головы юноши, на первый взгляд, ничем не свидетельствуют о бесстрашии и конденсированной воле, скрытых в этом облике русского отрока, будто сошедшего с полотен Нестерова. Художник, однажды рисовавший Мыльникова, заставил летчика надеть шлем, натянуть на плечи реглан, и лицо Мыльникова преобразилось: шлем казался чем-то неотделимым от человека; в зрачках вспыхнули колючие искры, линии лица приобрели строгость, гибкое тело стало напряженным, точно наэлектризованным.

Григорий Мыльников хорошо известен фашистским летчикам германской армии, осаждавшей Ленинград. Имена Мыльникова, Голодняка, Еремина наводили на них ужас.

Мыльников, подобно Павлюченко, любил свободный полет. Как-то раз звено самолетов «Ильюшин-2», ведомое Мыльниковым, отыскивало цели в немецких тылах. «Охота» предоставляла ведущему полную свободу выбора. Мыльников попеременно наносил удары: то по скоплениям немецких солдат, то по отдельным автомашинам, то по железнодорожным составам.

На шоссе Мыльников заметил большую автоколонну, ускорившую свой ход при появлении русских самолетов. Уйти немцам, однако, не удалось. Трехосные платформы остались на месте, разбитые, наполовину сожженные. Кругом валялись мертвые немецкие солдаты, были разбросаны ружья и свалены ящики со снаряжением.

Подобно Мыльникову, напористо дрались с врагом гвардейцы-штурмовики Еремин, Емельянов, Никишанов, Осадчий, Мароченко, прозванный «злым летчиком». У «злого летчика» была страсть — обязательно сфотографировать результат штурмовки, оставить документ мести. Однажды Мароченко, подбитый на обратном пути, с трудом дотянул до ближайшего аэродрома. Кровь струилась по рассеченному лбу.

— В самолете фотоаппарат... Я заснял взрыв на важном объекте. Скорее отправьте в мою часть... — сказал летчик и, назвав позывные, потерял сознание.

Мужали в боях люди: зрелость приходила к недавно еще неопытным летчикам. В штурмовой части вырос и стал заместителем командира эскадрильи Полагушин. Он — сын участника гражданской войны, способный ученик Героя Советского Союза Баринова. Полагушин, с незарубцевавшимися после операции швами, с повязкой, промокавшей от крови, скрывая от всех свое состояние, летал на штурмовку и сбил «Фокке-Вульф».

Полежав день, Полагушин снова, без разрешения врача, ушел в полет.

Сбитый в воздушном бою, он упал вместе со своим самолетом в глухом лесу. Верный товарищ — воздушный стрелок — умер у него на руках. Юноша-летчик остался в одиночестве. Нужно было пробираться домой. Летчик пустился в опасный путь.

Полагушин пробирался сквозь густой валежник к линии фронта. Передний край приближался с каждым шагом. Но внезапно ревущий ураган пронесся над деревьями. Свистели пули... Пулеметы «Мессершмиттов», пролетавших на бреющем, прочесывали лес, в котором скрывался раненый русский офицер. Полагушину

В зиму блокадного года тяжко доставалась ленинградцам вода

казалось, будто «Мессершмитты» гоняются именно за ним. Лишь на вторые сутки раненый летчик вышел в расположение наших частей.

Полагушин скромен, как все подлинные герои. Когда кто-нибудь из окружающих называет его боевые дела их истинным именем — подвигами, — летчик пожимает плечами и переводит разговор на другую тему, вскользь замечая:

— Мы не делаем Родине одолжения, мы только платим ей долг.

Вместе со своими подчиненными летал на воздушные операции Герой Советского Союза Николай Иванович Свитенко. В традициях Свитенко было воспитывать подчиненных на своем собственном примере. Свитенко, истребителю по роду авиационного оружия, тоже пришлось переучиваться — из истребителя становиться штурмовиком. Он им стал на некоторый период.

Первые штурмовые действия летчиков, летавших на самолетах истребительного типа, развернулись еще в начале Отечественной войны. Истребительная эскадрилья Свитенко тогда штурмовала врага на «Чайках» и помогла, вместе с другими

Летчик-штурмовик Н. Полагушин

авиационными частями, задержать под Ленинградом наступление немецких орд. Штурмовой авиации, как особого и нового типа, на Ленинградском фронте еще не было.

Осенью сорок первого года на нашем фронте появились штурмовые самолеты «Ильюшин-2». «Чайки» из эскадрильи Свитенко стали летать в качестве прикрытия штурмовиков. «Чайки» гасили зенитные установки врага. «Чайки» послужили для штурмовиков надежным воздушным щитом.

А. Яр-Кравченко *Акварель*

Главный Маршал авиации

Александр Александрович

НОВИКОВ

В стенах осажденного Ленинграда

Предварительное, так сказать, но близкое знакомство истребителя Свитенко с его будущими подчиненными-штурмовиками произошло в воздухе, в разрывах немецких зениток. Это знакомство сразу же сблизило их.

Потом роли переменились, и когда Свитенко со своими летчиками летал на штурмовку, его самого прикрывали истребители.

Рейд в тыл врага! Одна за другой подымаются машины «Ильюшин-2», описывают широкий круг над аэродромом и ложатся на боевой курс — на северо-запад...

Раннее утро.

Машины идут четким строем, дисциплинированно соблюдая интервалы. Линия фронта осталась позади. За нею показалась исклеванная снарядами полоса «ничьей» земли, дальше — передний край немцев.

Курс резко ломается. Это прием тактики, оберегающий наши машины от зенитных точек врага. Теперь курс пролегал над торфяниками и заболоченным лесом.

Полностью уберечься от зенитного огня, однако, не удалось: штурмовиков заметили.

Штурмовка немецкого транспорта

Тогда в дело вступил эскорт сопровождения. Истребители подавляли зенитные орудия немцев. На этот раз штурмовиков прикрывали истребители, летевшие на американских самолетах с остроугольным фюзеляжем, напоминающим тело акулы — «Китти-хаук».

«Спасибо, ребята!» — подумал Свитенко. Он вспомнил, как сам еще недавно сопровождал штурмовиков.

Вот и цель — аэродром врага, — черная язва, вросшая в тело нашей земли. Аэродром был отмечен на планшетах, впрочем, планшеты служили лишь для страховки, местоположение цели знали наизусть.

Свитенко вел машину рефлекторно. У летчика выработался полный автоматизм движений, организм сам, непроизвольно, отвечал на любое изменение положения самолета: тело летчика похоже на шарик ртути, реагирующий на каждое колебание сосуда.

Сознание занято другим. Самолет выходит на цель, цель поглощает всё внимание.

Последний беглый взгляд на прибор. Пике!

Глаза Свитенко напряжены: линия визирования через метку на боковом стекле и штырь совпадают с объектом удара. Стоящий на аэродроме «Мессершмитт» — на прицеле. Машина с черными крестами обречена!

Результатов своей штурмовки Свитенко сам полностью оценить не может, зато другой летчик на самолете, замыкающем атаку, автоматически фиксирует их.

Летчик-штурмовик Ф. Павлюченко

Пленка запечатлевает пламя взрыва, столб дыма и огня, окутавший машину врага. Справа и слева от нее вспыхивают два других костра...

Свитенко спокойно и уверенно выводит штурмовую машину из атаки. Пункт сбора назначен над соседним лесом. Сюда слетелись штурмовики — Свитенко и Голодняк, Павлюченко и Евгений Кунгурцев, и все остальные участники рейда. Построились... Пошли на второй заход...

Николай Иванович Свитенко рассказывает о себе неохотно. За каждым словом его скупых рассказов возникает волнующая картина необычайной военной судьбы. Он сознательно использует свои воспоминания как командир-воспитатель. Свитенко любит напомнить летчикам-штурмовикам об их прямых предшественниках — славных

Горит Гостиный двор

истребителях, воевавших на «Чайках». На Ленинградском фронте истребители — Герой Советского Союза Никита Ржавский, подполковник Голицын, комиссар эскадрильи Одинцов, таранивший врага, Алибек Слонов, Тимошенко, Шлыков, Бойко, Старков, Байцаев — своими штурмовыми налетами предваряли будущие операции на самолетах специально штурмового образца, впоследствии созданных Героем Социалистического Труда конструктором Ильюшиным.

В рассказах Николая Свитенко и его друга майора Сердюкова вяжется нить исторической преемственности: штурмовики принимают эстафету славы от летчиков, защищавших Ленинград на «Чайках», неизмеримо менее совершенных машинах, во многом уступающих могучим «ИЛам» и «ЯКам».

В словах Николая Свитенко во весь рост встает целое поколение лётного племени, людей соколиного мира, как называет их поэт.

С пристальным вниманием слушали слова командира офицеры штурмовой части.

А. Яр-Кравченко *Акварель*

Герой Советского Союза

Евгений

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Кольцо блокады сжималось

С первых же минут живого и увлекательного рассказа их охватывала атмосфера напряженной борьбы, разыгравшейся в военную осень сорок первого года.

Трудно повторить рассказ Николая Свитенко, проще — воспроизвести, хотя бы в общих чертах, один из эпизодов, связанных с боевым путем офицера-гвардейца.

Николай Свитенко никогда не расставался с фотографией летчика Алибека Слонова. Подвиг Алибека Назимовича Слонова достоин офицера, воспитанного в благородных традициях доблестной Красной Армии. Горячая кровь текла в жилах Алибека, сына воинственного и гордого осетинского народа, умеющего хранить верность и дружбу.

На густой, увядающей траве чернела тень самолета. Падали желтые листья; подхваченные ветром, они кружились и опускались на крылья стоявшей на аэродроме «Чайки».

Под одной из плоскостей отдыхали Николай Свитенко и пилот его эскадрильи Алибек Слонов.

Майор М. Бекаревич

Свитенко, лежа на спине, считал количество заплат на пробоинах от мелких осколков — следы боевого пути самолета. Их было немало.

— Люблю я свою машину, — подумал вслух Свитенко. — «Чайка» моя никогда не подведет. Вот, только, если подобьют...

Алибек Слонов потянулся на траве всем сухощавым, мускулистым телом горца и повернул голову в сторону командира. Выслушав, он вежливо промолчал. «Раз старший не обратился с вопросом непосредственно, — рассудил дисциплинированный Алибек, — будет тактичнее не навязывать ответа».

— Алибек, сколько было у нас вчера вылетов?

— Пять, товарищ командир.

— А потом ты танцовал в клубе?

— Всего три танца, товарищ командир. И, кроме того, показал, как нужно в лезгинке руки держать, потому что, когда танцуют кавказские танцы, — в руках главное, душа в руках.

Архитектурным ансамблям города угрожали снаряды

Командир взглянул на Алибека. В слегка выпуклых глазах Свитенко, глазах того цвета, который народ называет голубиным, заиграла улыбка. Недавний бой девяти «Чаек» с пятьюдесятью семью машинами врага прославил эскадрилью и сблизил участвовавших в нем храбрецов. После этого неравного боя Свитенко сильно привязался к Алибеку.

В этот прозрачный осенний день произошел случай, соединивший Николая Свитенко и Алибека Слонова более тесными узами. Случай обошел, в частности, всю американскую печать. Корреспондент заокеанского агентства назвал эпизод «небывалым, превосходящим всё, до сих пор нам известное в анналах мировой авиации».

Слонов и Свитенко долго лежали в тени «Чайки». Свитенко в конце концов даже заснул. Разбудил посыльный. Командира эскадрильи немедленно вызывали в штаб.

В штабе рядом с командиром части Голицыным, Свитенко увидел генерала А. А. Новикова — Командующего Воздушными силами фронта — и сразу понял, что речь пойдет об особо ответственной задаче. Предположение оправдалось.

Тонкая линия на карте обозначала шоссе. Шоссе делало поворот от села Губаницы к деревне Клопицы, подле которой, как отлично помнил Свитенко, находился один из наших аэродромов. Аэродром этот в ту пору был захвачен немцами...

По шоссе ожидалось усиленное продвижение значительных мотомеханизированных сил врага, направлявшихся к фронту. Для удара Свитенко располагал восемью «Чайками». Ясность полная...

— Желаю успеха! — сказал генерал.

Свитенко заметил сосредоточенный, пристальный его взгляд.

В назначенный приказом срок, секунда в секунду, «Чайки» появились в районе цели. Мелькнули развалины Губаниц, дальше просматривался поворот и часть

Месть Николая Свитенко!

дороги, ведущей к дымящимся пожарищам деревни Клопицы. Сразу за поворотом шла немецкая колонна. Шла на Ленинград!

Хвост колонны замыкали фургоны на гусеничном ходу. В центре громыхали танкетки с зенитными орудиями. В голове колонны двигались мотоциклисты-автоматчики... Казалось, что по дороге ползет огромное чудовище, царапающее железными перепонками землю.

Яростное волнение захлестнуло Свитенко, но он тотчас подавил его в себе и хладнокровно повел ведомых в атаку. Летчик только прошептал:

— Начали... начали, — повторил он еще тише, нажимая кнопки.

Ударили пулеметные струи. Со свистом понеслись снаряды.

Алибек Слонов летел вслед за ведущим, не выпуская из поля зрения хвоста командирской машины. Слонов бил из пулеметов. Пули Свитенко и Слонова ложились рядом.

А. Яр-Кравченко *Масло*

Герой Советского Союза
Николай
СВИТЕНКО

Алибек Слонов на вражеском аэродроме

Стреляли и с остальных шести самолетов. Атака была внезапна и коротка. «Чайки» сразу же полетели на повторный удар...

Свитенко отчетливо видел из самолета всё происходившее на шоссе: остановились фургоны, солдаты выскакивали из них, открывали беспорядочный винтовочный огонь, не приносивший «Чайкам» вреда... Немцы падали, бежали врассыпную. Огонь смолкал...

Вступила в бой зенитная артиллерия. Количество танкеток, вооруженных зенитными пушками, превзошло первоначальные расчеты. Стрельба немецких зениток оказалась особенно интенсивной. Тогда самолет ведущего вырвался на большой скорости вперед. Перед ведомыми возникла плотная стена огня. Разрывы отсекали ведущего от ведомых огневым барьером, через который проскочить было невозможно.

Алибек Слонов беспрерывно маневрировал, обманывал неожиданностью рывков немецких наводчиков, не успевавших поймать русскую машину на прицел.

Выполняя противозенитный маневр, Алибек на какую-то долю секунды выпустил из сектора наблюдения самолет командира... Теперь Свитенко был по ту сторону стены обстрела. Алибек Слонов обошел эту стену с востока, вернулся на место штурмовки и... не обнаружил более «Чайки» Свитенко. Алибека охватило беспокойство: как мог он, летевший вторым номером в боевом расчете, потерять из виду ведущего?

Что же, однако, происходило с ведущим?

При выходе из атаки самолет Свитенко тряхнуло: казалось, что от сотрясения машину разорвет на мелкие куски. Лицо летчика обдало жгучими брызгами. Машина

Николай Свитенко на плоскости «Чайки» Алибека Слонова

резко накренилась. Ее настиг снаряд, выпущенный из мелкокалиберного зенитного орудия. Сознание Свитенко заработало с лихорадочной быстротой. Катастрофу, происходившую с ним, он наблюдал будто со стороны, как посторонний свидетель. Вот повредило масляную систему, заклинило винт, перебило рули. Выхода не было, оставалось садиться на вынужденную, и Свитенко постарался уяснить себе местоположение самолета в момент катастрофы.

Под крыльями подбитой, падающей машины летчик заметил взлетную полосу, изрытую воронками. Открывалась обширная голая площадка. Только с одной стороны стояло несколько деревьев. Пейзаж показался Свитенко мучительно знакомым: «Клопицы, — решил он тотчас же. — Конечно, — аэродром в Клопицах, и на тех

Алибек Слонов, летчик-истребитель, спасший своего командира

вой соснах когда-то находился наблюдательный пункт... Клопицы!» Не ошибается Свитенко, столько раз прежде поднимавший свою машину с этого поля.

Приближалась земля. Свитенко с умыслом посадил машину на фюзеляж, не выпуская шасси, «сел на пузо», как говорят летчики. Садясь на территории, захваченной ненавистным врагом, Свитенко хотел, прежде всего, вывести самолет из строя. Машина врезалась в землю у самых деревьев. Оправившись от толчка, Свитенко огляделся.

— Сколько же всё это протянется? — подумал летчик. Он достал часы и засек время. Странное, горькое спокойствие не покидало его.

Медленно потянулись минуты. Прошла первая... «Что же прежде всего нужно сделать?» — спросил себя Свитенко: требовалось действовать, глядя по обстоятельствам, но сперва — сжечь самолет! Легко сказать «сжечь»! Человек срастается с самолетом. Для летчика машина — близкий друг!

Свитенко с трудом выбрался из кабины, предварительно вынув ракетный пистолет. Ракет оставалось три штуки. Первая, выпущенная прямо в кабину, не дала результатов. Не помогла и вторая. Осталась одна — последняя. Ракета попала на сидение. «Чайка» запылала. Свитенко не выдержал, отвернулся — не мог глядеть...

Встреча после боевого вылета на «Проспекте авиации»

Прошло четыре минуты. «Неужели только четыре?» Николаю Свитенко минуты показались сутками. «Время тащится, будто волы на мельницу, — подумал летчик, — поседеть можно!»

И пестрой лентой замелькали в глазах прожитые годы. Он вспомнил себя подростком на улицах харьковского предместья. Вспомнил цветущие по весне яблоневые и вишневые сады Украины, похожие на душистое белое облако. Возникли в памяти лица сыновей, жена — Зинаида Владимировна, — Зина, такая, какой он увидел ее в первую встречу... Возникли серые камни Финляндии. Нахлынули, ожили воспоминания воздушных сражений в дни войны с белофиннами. Вспомнились затем боевые друзья, дравшиеся бок о бок с ним в Отечественную войну, вспомнился кунак Алибек.

Наступила шестая минута одиночества. Летчик стоял спиной к знакомым деревьям. Каждое мгновение могли появиться немцы. Свитенко достал оружие. Прислушался. Ветер донес звуки продолжавшейся битвы. Казалось, что вешний гром гремит над полями подсолнухов, далеко, там — на Украине...

Восьмая минута.

А. Яр-Кравченко *Карандаш*

Летчик-штурмовик
П. ГОЛОДНЯК

Пруссаки били по Ленинграду зажигательными снарядами

— Прощайте, товарищи мои! — крикнул Свитенко в сторону, откуда доходил гул схватки. — Прощайте! «Вот я и один... И никто не видел, куда я сел», — подумал летчик и поглядел на часы...

На девятой минуте просвистела мина, зарылась в почву и не взорвалась. За нею последовала другая. Свитенко инстинктивно отскочил, припал к земле... Разрыв! Обдало грязью...

«Немцы заметили, обстреливают из миномета. Нужно держаться до последнего» — решил он. Самообладание не оставляло летчика.

Секундная стрелка замкнула девятый круг на циферблате. Развязка приближалась с неумолимой неизбежностью. Но совершенно неожиданно раздался знакомый звук, поразивший и обрадовавший Свитенко. Ухо летчика не обманывало: гудела «Чайка». «Чайка» была над головой. Он различал номер на фюзеляже: «Самолет Алибека!». Радость Свитенко тотчас сменилась тревогой: «Алибек, Алибек, друг... Захочет спасти, сядет сюда в пекло, к чорту на рога... Нет... Нельзя садиться Алибеку. Пропадать, так одному! Если Алибек искалечит машину, оба останемся в фашистском капкане. Зачем?!».

И Свитенко вышел, замахал руками. «Чайка» пролетела мимо. Самолет круто свернул, покачал в знак прощания крыльями, исчез... Исчез, точно испарился. Свитенко снова остался один. Последняя надежда мелькнула — и пропала. Теперь — конец!

Уже десять минут продолжалась трагедия на аэродроме Клопицы. Ставилась финальная точка.

Однако отдаленный гул мотора раздался снова. Алибек Слонов не отступил от смелого замысла спасти командира. Черточка росла в небе... Черточка была самолетом. «Чайка» возвращалась и шла на посадку. Самолет приземлился на краю гигантской воронки: проскочи машина еще несколько метров, — она бы разбилась.

Поблизости просвистела новая мина. Свитенко не обратил на нее никакого внимания. Он бежал, бежал, задыхаясь от волнения, к самолету друга... Только и мог сказать Свитенко Алибеку:

— Ну... знаешь... чортушка...

Немцы, все еще не решаясь приблизиться, открыли огонь. Пуля щелкнула около колеса «Чайки».

— Садись! — крикнул Алибек.

«Чайка» — одноместный самолет. Свитенко понял, что Алибек хочет уступить место своему командиру. Не согласился Свитенко, покачал головой. Он принял иное решение: лег грудью на плоскость, ухватился руками за стальные тросы расчалок. Только тут Свитенко пожалел о сгоревших вместе с самолетом перчатках — тросы больно впились в ладони.

Пули ударили по краю плоскости, но самолет уже поднялся в воздух, и встречный ветер движения прижимал Свитенко к крылу, словно твердая рука верного друга.

Начали стрелять немецкие зенитки. Облачка разрывов поплыли ниже самолета...

Слонов круто набирал высоту. Он высунул кулак из кабины, погрозил немцам. Счастьем блестели черные глаза Алибека, налегавшего на штурвал: командир был спасен!

Спасен? Нет, прежде нужно было долететь до родного аэродрома... Руки Свитенко немели, пальцы, посиневшие от напряжения, разжимались, боль мутила сознание. Тросы расчалок точно раскалились добела.

Алибек Слонов переменил маршрут. По пути к своему аэродрому требовалось пересечь залив: Алибек боялся, что Свитенко не выдержит. Он повернул самолет к аэродрому летчиков-балтийцев, расположенному гораздо ближе. Но там возникло новое, неожиданное препятствие; крест из полотнищ запрещал посадку! Пришлось давать круг. Свитенко держался напряжением последних сил. «Чайка» кружила над аэродромом балтийцев, и человек лежал на ее плоскости. Алибеку хотелось крикнуть: «Смотрите зорче, наблюдатели! Человек на крыле, человек на крыле!..».

Заметили человека балтийцы. Выложили Т — разрешение посадки. Приземлился Алибек. К самолету сбежались моряки. Загорелые ребята в робах и форменках подхватили Свитенко, начали качать Алибека... Высоко взлетал Алибек, шутя отбивался:

— Вы мне, ребята, мертвую петлю сделаете!

Свитенко подошел к Алибеку. Поднял затекшие руки, обнял его, поцеловал в губы.

История подвига гвардии капитана Алибека Назимовича Слонова давно приобрела известность среди летчиков Ленинградского фронта. История эта передается из уст в уста.

Ленинград в январе 1942 года

Молодые летчики-штурмовики, слышавшие ее от самого Героя Советского Союза Николая Свитенко, навсегда запоминали рыцарский пример выполнения долга офицером. Молодежь училась у ветеранов. Жадно вбирали молодые штурмовики боевой опыт старших товарищей. Причем возраст, как всегда в авиации, мерился не прожитыми годами, а числом боевых вылетов. По старой офицерской традиции время на войне имеет свою цену: месяц в дни первой обороны Севастополя потом приравняли к году службы. Чему же мог равняться час каждого боевого полета Свитенко, Шалимова, Голодняка?

В тылу в славной лётной школе, названной именем маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова, познакомились и свели крепкую дружбу двое юношей: Артамонов и Чибисов. Павла Артамонова и Чибисова можно было всегда видеть вместе на

Летчик-штурмовик С. Абдулаев

занятиях (с ними в школе работал один инструктор). Вместе они проходили лётную практику; вместе летели из тыла в Ленинград, попали в одну часть, вместе дрались под командою Мыльникова, а затем Голодняка, били врага при прорыве блокады. Оба одновременно стали младшими лейтенантами и боевым орденом Красной Звезды наградили в первый раз одновременно обоих, по одному приказу.

Артамонов — сын новгородского обувщика. Юность защитника Ленинграда проходила в полетах, организованных местным аэроклубом для своих воспитанников. Внизу мелькали купола Юрьевского монастыря, Софийского собора, старинные

Летчик-штурмовик А. Коршунов

здания русского города, седые стены Новгородского Кремля. У Артамонова рано появились задатки кропотливой настойчивости. Не по годам рано у Артамонова развилась пунктуальность в подготовке к полету. Юношеский задор сочетался с исключительной серьезностью отношения к делу. Он приобрел техническую культуру. Юноша никогда не расставался с картой, линейкой, чертежом, книгой. Но с первых же самостоятельных полетов жизнь оказалась не во всем схожей с учебой. Первый перелет состоялся в группе: молодежь, с волнением покинувшая стены школы,

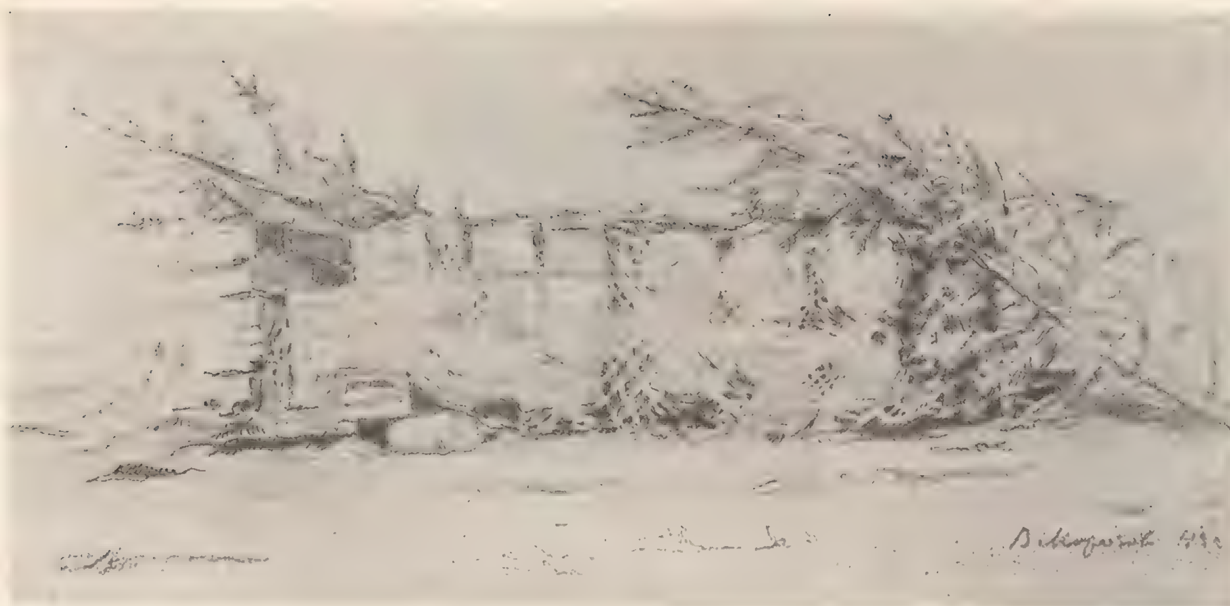

Летчик-штурмовик Е. Кунгурцев

была направлена на Ленинградский фронт. Все ориентиры по карте Артамонов рассчитал предварительно до секунды. Рассчитал и... и несколько раз грубо ошибался, принимая один город за другой.

На предпоследней посадке молодых летчиков встретили комиссар Трофимов и командир эскадрильи Голодняк, вылетевшие к ним навстречу. Сильно забились сердца прибывших, когда услышали они слова комиссара:

— Добро пожаловать к нам, в гвардейский...

Авиационные бомбы

Штурмовая часть приветствовала их на пороге их лётной жизни. Часть принимала молодых в свой достойный коллектив — когорту победителей. За этим порогом начинались воинский труд, и подвиг, и слава.

— Добро пожаловать! — говорила им Красная Армия.

Отдохнули после приезда недолго. Молодежь сразу же окунулась в боевую работу.

Разве можно забыть первый вылет?

Артамонов летел будто наощупь. Несколько раз напарывался он на зенитные точки: «лазил по всем зениткам»... Летели низко, метров на полтораста. Внезапно юноша заметил прямо под собой орудие. Немецкие зенитчики бешено крутили колеса, поворачивая ствол по направлению его самолета... Выручил инстинкт: летчик видел, как возле фашистской зенитки рвутся снаряды, и только потом сообразил, что снаряды выпустил он сам.

Ведущий Мыльников резко бросал свой самолет из стороны в сторону. Молодой летчик слепо, еще по-ученически, начал подражать ему, кидать машину то вправо, то влево, догадавшись, что это и есть противозенитный маневр, уводящий от разрывов... Помогло...

Артамонов устал. Пот катился градом. Сказалось страшное напряжение. Ломило ноги. А задача еще была впереди — штурмовать эшелон.

«Только бы не отстать от звена», — подумал Артамонов, и... тут же обнаружил, что он отстал. Определил цель по ориентиру. Увидел рельсы и семафор, но самого главного — железнодорожного эшелона — не нашел. «Промазал, значит!» — подумал с досадою юноша и, пролетев вдоль линии несколько десятков километров, нырнул в облака. Артамонов вынырнул из них над белым каменным зданием железнодорожной станции. Белое здание станции взлетело на воздух, самолет качнуло: летчик

сбросил бомбы. Вскоре на перегоне Артамонов заметил и отошедший от станции эшелон: цель, оказывается, переменила местоположение, и он преждевременно обвинил себя в ошибке. Два последних вагона загорелись.

После полета Артамонов узнал приятную весть: здание станции занимал штаб фашистского железнодорожного полка. Первый же вылет закончился победой.

С тех пор более сотни боевых вылетов сделал штурмовик Артамонов.

Был с ним и такой случай: подбитый самолет тянуло на Ленинград. Мотор работал, а рули отказали... На тротуарах прохожие заметили, что самолет может упасть на их головы, бежали с криком: «Куда тебя только, дьявола, несет?!». Огромным усилием командир корабля все же выпрямил машину и сел за чертой города.

Так закаляется сталь! В молодом летчике вырабатывалось умение не растеряться ни при каких обстоятельствах, росло мастерство универсала-штурмовика. Грудь его украсили два боевых ордена.

— Какие мы с Чибисовым теперь молодые? Мы по нашему опыту старики,— улыбается Артамонов.

На самом же деле худощавый, высокий юноша, с тонкими, одухотворенными чертами лица, конечно, молод той окрыленной молодостью, которая свойственна сталинскому поколению.

Война выковывала характер. Воспитала Отечественная война и другого молодого летчика, одного из первых военных летчиков горного племени аварцев — Абдул Сатара Абдулаева.

Подземный командный пункт эскадрильи украшен увеличенными фотопланшетами Абдулаева и Чибисова. Под ними подпись: «Штурмуйте и фотографируйте так, как Абдулаев и Чибисов».

— Наши семейные фотографии, — шутят летчики.

На фотографии Абдулаева рельефно видны горящие вагоны атакованного немецкого эшелона. Как же низко надо было пролетать над пораженной целью, чтоб добиться подобных результатов!

Друг Сатара Абдулаева Евгений Кунгурцев с детских лет был охвачен одной страстью, страстью к авиации! Окончив лётную школу, Кунгурцев полетел в числе других ее питомцев в Ленинград. Первый самостоятельный дальний полет Кунгурцева изобилует приключениями. Он, отбившись в дороге, прилетел один, прилетел уже обстрелянный, понюхавший в пути пороху. Прилетел с дырой в фюзеляже и поврежденными тросами руля поворота.

Штурмовик Кунгурцев крепко усвоил совет своего старшего друга — истребителя Иринея Беляева.

— Никогда не уходи на тяжелой машине от фашистского истребителя, не уйдешь все равно. Лучше дерись, у тебя всегда будет шанс.

Кунгурцев стал выдающимся летчиком. Отмечен Родиной. Стал мастером штурмовок.

Подобно всем остальным офицерам штурмовой части, Кунгурцев хорошо знал черноглазую Катю.

Катя до войны была студенткой одного из педагогических вузов. Быстрая, проворная девушка, всегда приветливая и спокойная, она пришла в армию, не желая

А. Яр-Кравченко *Сангина, уголь*

Летчик-штурмовик
Г. МЫЛЬНИКОВ

Гвардии инженер-капитан А. Меркелов

оставаться в стороне от борьбы. Ее послали на будничную работу — официанткой в лётную столовую.

Сюда после боевых вылетов забегают летчики, чтобы через пятнадцать минут снова спешить на аэродром. Катя всегда успевала накормить каждого, помнила вкусы, привычки, смешные порой капризы: один из воздушных стрелков не терпел, например, ни при каких обстоятельствах манной каши. Для каждого, входившего в столовую, находились у Кати — улыбка, теплое словцо, какое-нибудь маленькое свидетельство внимания. Искренней признательностью отвечали летчики Кате. Видимо, у всех

Радио-рубка на командном пункте авиаполка

этих обстрелянных, суровых людей, ежечасно рискующих жизнью, существует большая потребность в женском участии...

Бывали сутки напряженной боевой работы, когда приходилось доставлять пищу прямо на лётное поле. Катя тогда угощала своих друзей, сидевших в кабинах самолетов, бутербродами и горячим кофе.

Все были немножко влюблены в Катю, приносили ей с аэродрома летом целые снопы полевых цветов, а в день Восьмого марта обязательно вручали коллективный подарок. Катя долго, никому не отдавая предпочтения, со всеми была одинаково ровна и мила. Но молодость имеет свои права, и от друзей не укрылось то новое, что возникло в отношениях между Катей и Женей Кунгурцевым. Летчик полюбил Катю так, как любят в юности, просто и сильно. Друзья деликатно делали вид, что ничего не замечают, и всячески оберегали эти отношения, сами тактично отступая на второй план.

Герой Советского Союза Александр Еремин

Женя Кунгурцев, получив разрешение от командира части, женился на девушке. Они были очень счастливы... Война вскоре, правда, разлучила юную пару.

В январские дни решающих сражений под Ленинградом Кунгурцева ранило в глаз. Он сражался превосходно...

Кунгурцев, как и все остальные летчики, жил в общежитии при аэродроме. Утром ожидался вылет.

До рассвета оставалось недолго и давно бы пора спать, но молодежь никак не хотела угомониться. Один воздушный стрелок представлял — как собака ловит комаров. Все хохотали.

Гвардии майор А. Сердюков

Двое летчиков, сидя на койке, перелистывали альбом, оставшийся от их погибшего товарища — обычный альбом для фотографий с тисненым цветком на обложке. Мелькали голубоватые листки. Выцветшие карточки напоминали о родных местах, березах над рекой, прогулках школьников в лес. А вот портрет родителей, сидящих за столом подле бревенчатого домика. Еще одна карточка. Приятели сняты с ягдташами. Охотничья собака легла на спину, подняла лапы... Опять друзья — в майках и подпись: «Не поминай старых обид», след юношеского соперничества. Дальше на карточках шли молодые люди в военной форме, один из них с орденом. На листке альбома мелькнула наклеенная открытка с нотной строчкой и текстом популярной песенки:

В далекий край товарищ улетает,
Родные ветры вслед за ним летят...

Открытка эта — подарок от девушки Тани. И тут же она сама: типичные русские черты, темные, слегка вьющиеся волосы, насмешливый рот, живые, умные глаза.

Снова пейзаж — березки на берегу, рыбалка, котелок с ушицей.

Если вдуматься, за мелькающими листками альбома возникал образ, привлекательный и полный обаяния: штурмовики суровые воины Отечественной войны, грозные мстители, герои и вместе с тем хорошие, родные, полные человечности, обыкновенные наши люди, преданные Родине, верные своей семье...

Таким простым человеком и семьянином был и Владимир Шалимов.

Гвардеец Владимир Шалимов, Герой Советского Союза, отдал жизнь за Отчизну. Над могилой бесстрашного летчика прозвучали торжественные слова старших командиров: «Твоему личному военному мастерству, геройству и умению воспитывать и вести за собою воздушных бойцов штурмовая часть во многом обязана своим высоким званием гвардейской».

Можно ли больше и лучше сказать о русском офицере?

Судьба каждого летчика тесно связана с полем аэродрома; на этом поле переживает он самые торжественные минуты жизни. Здесь происходит вручение гвардейского знамени; здесь узнает он о гибели друзей, переживает минуты горькие, суровые, наполняющие сердце, будто порохом, новой злобой к врагу.

На аэродроме прочитал комиссар Трофимов летчикам-штурмовикам письмо вдовы Владимира Шалимова — Клавдии Леонидовны. С сердечным волнением обращалась Клавдия Шалимова к однополчанам мужа:

«Дорогие и родные мои!

Я не знаю ваших имен и никогда не видала вас, но я пишу вам потому, что тяжелый, слишком тяжелый камень лег мне на сердце...

Штурмовики-гвардейцы пишут ответное письмо вдове Героя Советского Союза Владимира Шалимова

...Мне тяжело, и вы меня поймете. У вас тоже есть семья, у вас тоже есть дети... Если бы только знали, как любили, ценили, жалели мы Володю...»

Подполковник Трофимов остановился — для того, чтобы читать дальше, он должен был сделать над собой усилие:

«...Я готова целовать землю, где похоронено его тело. Закончится кровопролитная война, и я пешком пойду к могиле. Будем жить там, где жил, сражался и смертью героя погиб мой муж, отец моих детей.

...Ночью перед самым отъездом муж сказал мне: «Если я погибну — воспитай наших детей трудолюбивыми, честными, до конца преданными своей Родине людьми...».

Трофимов повысил голос:

«...В честь светлой памяти Владимира Шалимова я должна это сделать. *Клавдия Шалимова*».

Наступила тишина. Разошлись молча.

Потом заревели мощные авиационные моторы. Из патрубков вырвалось фиолетовое пламя. Сдернули чехлы с орудийных стволов. Резкий ветер подул от винтов самолетов, уходящих в боевой полет. Трава погнулась, пошла волнами. Самолеты окутала взвихренная винтами пыль.

Темные низкие облака на горизонте предвещали ухудшение погоды. Поднялся ветер... Полет начался в неблагоприятных условиях.

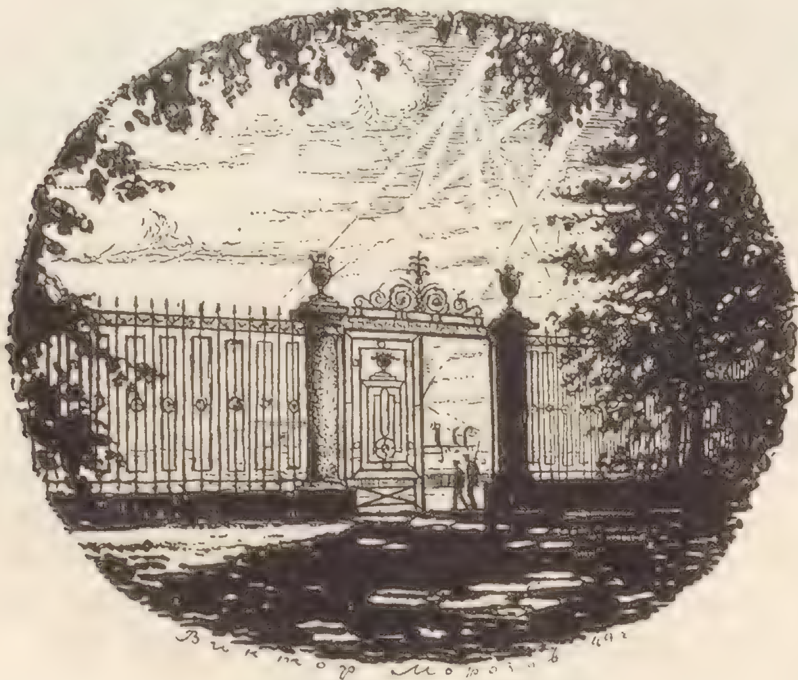
Аэродром почти мгновенно опустел и в дымке горизонта растаяли силуэты воздушных кораблей. Курс — на северо-запад...

Глаза техников и мотористов, провожавших отважных летчиков в рейд, долго не отрывались от неба, в котором скрылись грозные ИЛы.

Память о погибшем командире жгла сердца летчиков: образ Владимира Шалимова не покидал их в бою. Погиб Шалимов, но остались живы принципы неумолимой шалимовской тактики.

Письмо вдовы героя сказало о многом...

Ветер взмыл над аэродромом и понес далеко ввысь сердечные, печальные, до глубины души доходящие слова письма матери и жены. Чисты эти простые слова, как жемчуг. Согреты они воспоминанием о близком человеке и безграничной любовью к Отечеству.

ГЛАВА
ЧЕТВЕРТАЯ

Героические защитники Родины — летчики стали гордостью нашего народа. Особую притягательную силу приобретает благородная и романтическая профессия летчика в глазах советской детворы.

Летчиков-ленинградцев с подрастающим поколением соединяла крепкая дружба и проявлялась она во многом.

На один из командных пунктов пришла детская делегация, чтобы передать подарки, трогательно собранные пионерами.

В землянке стало тесно. Летчики в шлемах и комбинезонах обступили плотным кольцом голубоглазую девочку-подростка и бойкого мальчугана, держащих фанерный ящик, на крышке которого тщательно выведена надпись: «Дорогим Сталинским соколам — с пионерским приветом».

В ящике — кисеты-мешочки, сшитые из треугольных пионерских флажков. В мешочки ребята положили папиросы «Звездочка», гребешки, круглые зеркальца, почтовые открытки с картинками из пушкинских сказок и карамельки в бумажках. Летчики, улыбаясь, смотрели на Надю. Девочка раздала им гостинцы, а потом, смущаясь, застенчиво сказала:

«Проспект авиации»

— Это вам от ребят, от пионеров нашей школы за то, что вы нас крепко защищаете.

— Где же ребята достали карамель? — заинтересовались летчики.

— Мы их отложили, — опередил Надю мальчик. — Нам их в школе к завтраку дают, а мы решили... собрать и подарить летчикам.

— Надя мой старый друг, — заметил находившийся в землянке инженер-капитан Нерода, — я живу в домике ее матери. Не отставала от меня: «Проведи да проведи к летчикам подарки передать!»

Инженер-капитан обнял девочку, напоминавшую ему эвакуированную из Ленинграда дочь.

— Надя — бригадир: она со своими подругами работает на колхозном огороде и дома — матери помощница, — продолжал он. — У тебя, Надя, сколько трудодней, скажи-ка летчикам...

Но мальчик опять опередил свою спутницу:

— Она в нашей школе — лучшая колхозница.

Ребята рассказали летчикам о том, как пионеры учатся, как работают на огородах. Рассказали о своем однокласснике Диме.

Наденька Николаева — юная колхозница из деревни К.

— Знаете, у нашего Димы Пономарева во время бомбежки убило маму на улице, а ему оторвало руку. Его теперь тетка к себе взяла, — сказал мальчик. — Вы дайте немцам за нашего Диму, — попросил он серьезно, совсем по-взрослому.

Сколько таких трогательных встреч с летчиками происходило на ленинградских аэродромах... Новую струю гнева вливали бесхитростные слова детей в мужественные сердца пилотов.

Инженер-капитан Нерода проводил ребят в деревню и вместе с подполковником Назаровым вернулся на лётное поле. Готовились к полетам; у инженер-капитана Нерода оказалось сразу много забот: бензин, бомбы, смазочное.

Победа в воздухе требует подготовки на земле. Летчик и воздушный стрелок венчают этой победой целую цепь усилий людей, подвозящих горючее, ремонтирующих самолеты, набивающих пулеметные ленты.

В аэродромных частях обеспечивают снарядами — пушки, горючим — моторы, ремонтом — самолеты.

Подполковник Г. Назаров

Здесь можно встретить людей самых различных профессий: метеорологов, электриков, сварщиков, специалистов по автоматическому оружию, сборщиков моторов, портных и маляров, специалистов художников, строящих ложные маскировочные аэродромы.

Одна забота остается на долю летчика — его непосредственное занятие бить врага, испепелять, уничтожать технику. Обо всем же остальном должны подумать батальоны аэродромного обслуживания.

Готовят взлетно-посадочную полосу

И авиация — это не только яркие героические эпизоды и необычайные подвиги, удивляющие исключительным стечением обстоятельств, но и фронтовые будни, от которых очень многое зависит.

Вот, к примеру, взвод специального транспорта на аэродроме К. Бойцы-шоферы с первого дня Отечественной войны завоевали себе добрую славу. Осенью и зимой блокадного сорок первого года много машин вышло из строя. Люди недоедали, болели, но работа не останавливалась.

Зенитчики охраняют аэродром

— «Карусель»,— вспоминает командир взвода,— только и знали ездить взад и вперед: от склада горючего — к стоянке самолетов, от стоянки — к складу. Вылеты— один за другим, мы едва успевали поить самолеты бензином и маслом.

Родилась дружба знаменитых летчиков нашего фронта со скромными водителями специальных машин.

Часто, экономя горючее, водители таскали на собственных спинах тяжелые, окрашенные черной краской, баллоны. То были баллоны со сжатым воздухом. Вздрагивающие стрелки манометров показывали десятки атмосфер давления... Сжатым воздухом заводят моторы. В полете он нужен для стрельбы из автоматических пушек. Пневматически убираются шасси.

В дни прорыва блокады, в сутолоке напряженной боевой работы, шоферу Кириллову перебило правую руку. Сержант Кириллов отказался лечь в госпиталь. Страдая от боли, он полтора месяца водил трактор одной левой рукой.

Во время заправки самолетов бензином, иногда, начинался обстрел. Цистернам с горючим угрожали осколки. Людям — взрыв! Заправка, однако, всегда продолжалась и заканчивалась в срок.

Командный пункт штурмовой авиачасти

На аэродром однажды вернулся летчик. Задание он выполнил, но две двадцатипятикилограммовые бомбы сбросить не смог. При посадке бомбы взорвались, хвост самолета объяло пламенем. Летчик выскочил из кабины в горящем комбинезоне. Невыключенный мотор самолета продолжал реветь. На подножке автомобиля подъехал к самолету подполковник Солдатов — инженер авиачасти...

Сердце старого инженера сжалось: гибла на глазах чудесная красавица-машина, самолет «Ильюшин-2». Солдатов пробрался в кабину, отсоединил магнето, и мотор затих. Бойцы-пожарники сбили пламя пеногоном.

Много энергии требует уход за лётным полем, не прекращающийся ни ночью, ни днем. На прицепе у тракторов передвигаются грузные барабаны: катки своей могучей тяжестью утюжат снег.

На помощь аэродромным частям прибыли поздней осенью трудармейки — женщины Ленинграда. Среди них была коммунистка Шумская, которую женщины прозвали «наша мать».

Ленинградские женщины-трудармейки вышли на борьбу с зимними заносами и вешним половодьем. Летом они строили укрытия для машин...

Аэродромная страда! Скрежещет экскаватор, мелькают радугой пестрые платки, спорится в руках патриоток далеко не женская работа, как спорилась она всюду на оборонных стройках.

Летчики по достоинству оценили нелегкий труд патриоток, участниц трудового сражения на аэродромах.

Помощь женщин Ленинграда аэродромным частям была одной из тысячи нитей, скреплявших семью советских народов с Красной Армией, с воздушными защитниками Отчизны.

Кровная дружба соединяла летчика-штурмовика Абдулаева с воздушным стрелком Кузьмой Кубаем. Тяжело раненный воздушный стрелок часто получал в госпитале от своего летчика Сатара Абдулаева заботливые письма. Кузьма Кубай, увы, больше не сможет летать; с этим пришлось ему, как ни тяжело, примириться. Тогда родственники Сатара Абдулаева из города Махач-Кала пригласили воздушного стрелка поселиться у них навсегда. Под кровом семьи командира, на далеком Кавказе, украинца Кубая ждет теплое гостеприимство. Сатар поклялся — отныне Кубай, его воздушный стрелок, становится нареченным братом.

Воздушные стрелки — первые и самые близкие помощники летчиков. Расскажем об одном из них — Павле Бублик. Шлем придает лицу юноши, сидящего за пулеметом, суровость, а очки, поблескивающие на солнце, скрывают разрез глаз.

Однажды, летчик-штурмовик Перелыгин со своим воздушным стрелком Бубликом возвращался из удачного рейда по немецким тылам. Во время штурмовки на звено, которое вел Перелыгин, напали «Мессершмитты», напали — в затылок. Задача отражения атаки «Мессершмитта» легла на воздушных стрелков. Бронированный штурмовой самолет «Ильюшин-2» при нападении на него с фронта — неуязвим. Некоторые шансы на успех появляются у врага только при нападениях в спину. Летчик-штурмовик видит, сидя за штурвалом, в лучшем случае, половину неба и то только до перехода в пикирование. Потом перед ним остается в кругозоре лишь земля — цель, и тогда спину летчика оберегает воздушный стрелок. Он — полновластный хозяин той половины небосвода, которая недоступна командиру, ведущему корабль. В момент штурмовки воздушный стрелок напряженно следит за всем небом, пока летчик расправляется с врагом на земле. Пользуясь ларингофоном, прибором самолетно-переговорного устройства, прикрепленным к гортани, стрелок передает краткие выводы наблюдений летчику.

Так и было в случае, о котором идет речь. Перелыгин услышал тенорок Бублика, настойчиво предупреждающий об опасности.

Бублик в отражателе прицела увидел силуэт фашистского самолета, приближавшегося в ракурсе одной четверти. Самолет врага коснулся малого кольца. Павел Бублик открыл огонь. Вслед за ним открыли огонь и другие воздушные стрелки. Когда «Мессершмитт» попытался зайти в хвост самолету Перелыгина, на немецкой машине скрестились трассы, выпущенные Бубликом и его соседом справа. Немецкая машина клюнула и резко отвернула в сторону.

Дамасские клинки алмазной стали делаются из двух половинок, спаянных воедино. Точно так же летчик и его воздушный стрелок—это две половины обоюдоострого меча.

А. Яр-Кравченко *Карандаш*

В час отдыха

Воздушный стрелок Павел Бублик

Опытный воин Паша Бублик в быту не производил, однако, впечатления исключительной физической мощи. Скорее — напротив...

Стоило Бублику отойти от тяжелого пулемета, снять очки и шлем — и он преображался: под пилоткой смешно топорщились рыжие волосы, нос казался вздернутым, щеки покрывали тысячи веснушек, маленькие острые глазки сверлили буравчиком. Внешность, если по ней одной судить, давала неверное представление о характере этого юноши.

Бублик зарекомендовал себя в воздушных схватках. Но война полна неожиданностей, и воздушному стрелку довелось как-то раз выдержать серьезное испытание и на земле.

Бублик после штурмовки возвращался на аэродром вместе со своим командиром Перелыгиным. При переходе линии фронта самолет попал под жестокий огонь зениток. Снаряд разорвался у самого самолета.

— Прыгай! — услышал Бублик.

Приказ Перелыгина звучал, как всегда, категорично. Бублик прыгнул. И только в воздухе, заметив падающий рядом с ним горящий обломок стабилизатора, понял, что произошла катастрофа. Он дернул кольцо парашюта. Надулся шелковый купол...

Выступление художественной самодеятельности

Ветер относил воздушного стрелка в расположение врага. Бублик приземлился в заболоченном лесу. Ориентировавшись по мху, растущему всегда на северной стороне стволов, комсомолец решил во что бы то ни стало выбраться к своим...

Но сколько преград возникло на его пути! Он едва не погиб от пули немца-часового: юноша наскочил на замаскированную батарею! Беглеца потом нагнал охранный патруль, от которого он едва скрылся. На одной лесной тропинке под ноги комсомольца кинулся толстый эсэсовец. Упали оба... Эсэсовец вскочил, вытащил парабеллум. С трудом встал с земли и Бублик, больно разбивший колено. Он успел всё же нажать курок первым... Немец рухнул тушей, ломая ветви кустов.

Голодая, питаясь лишь морошкой, Бублик продолжал скитаться по лесу... Его ранили враги, а при приближении к переднему краю подстрелили наши бойцы, принявшие за чужака. Дело в том, что продрогший Бублик надел на себя зеленоватую шинель, снятую с убитого эсэсовца, и немецкую каску; шлем он потерял при приземлении...

Возвращение сильно похудевшего Бублика оказалось полной неожиданностью для боевых друзей стрелка, горячо обрадовавшихся его приходу...

— Ай да Бублик!—восклицали товарищи.—Мы бы тебя покачали, да нельзя: ты ведь ранен.

Редко шутивший командир эскадрильи Колдырманов и тот улыбнулся стрелку:

— Здорово, Бублик! Парень ты, видать, смелый, и фамилия, значит, у тебя недаром вкусная...

...Борьба продолжалась. Зима сорок третьего года принесла огромную перемену... Начался прорыв блокады. Пошли две волны наступления. На черневший воронками лед Невы сходили ленинградцы... Волховские полки рвались к ним навстречу.

В упорных атаках бойцы Ленинграда штурмовали высокий берег Невы. Они лезли на обледенелые камни, срывались, подсаживали на руках друг друга.

Со стороны Волхова ломились танки, пехота крушила немцев штыками, летели самолеты...

Летчики Ленинградского и Волховского фронтов первыми начали битву за прорыв блокады... Штурмовики прорубали просеки в немецких рядах, расчищали

В минуту досуга

дорогу бойцам генерала Симоняка, солдатам капитана Собакина — героям прорыва...

В дни кануна прорыва блокады мели снегопады, и погода, точно назло, мешала действиям авиации. Мешала, но, как всегда, не смогла помешать. Воля побеждала стихию, воля ломала упорство врага.

Снегопады затрудняли выход на цель; отыскать и поразить цель становилось еще труднее. Тем более тщательно готовился каждый вылет. Продумывались детали. Старались применять неожиданные приемы: штурмовики заходили то со стороны наших войск, то — гораздо чаще — со стороны немецких тылов.

Бывали вылеты, в которые штурмовые машины за несколько заходов подавляли огонь многих батарей, расстреливали автоколонны, взрывали блиндажи, сеяли смерть в немецких окопах.

— Мы в дни боев за прорыв блокады старались возможно дольше находиться над врагом, воздействуя на него не только огнем, но и страхом, — говорит Павлюченко.

— Повиснешь, бывало, над передним краем противника и бьешь по огонькам: огонек, значит — пушка стреляет. Пушки, даже уцелевшие, замолкали, немцы, боясь

После отбоя

себя обнаружить, молчали минут по двадцати. Это было величайшим облегчением для нашей наступавшей пехоты, — говорит Чибисов.

В память штурмовика Артамонова навсегда врезались дни прорыва:

— Мы узнали об этой грандиозной операции раньше всех, ударили первыми, расчищая дорогу пехоте, устилая поля трупами немцев.

Лагерь «Ислам», «Мустоловские овраги», роща «Ландыш» — обугленные, почерневшие пни, поселки — незабываемая картина! — говорит он.

Час казался недостаточным, чтобы проявить свою ненависть к врагу и поэтому, стремясь полнее использовать время полета, летчики просили техников быстрее готовить самолеты к вылету.

В двадцать пять — двадцать семь минут оружейники перезаряжали орудия и пулеметы и подвешивали новые бомбы. Самолеты уходили снова за Неву к рабочим поселкам. Тут кипели жаркие схватки.

Штурмовые самолеты помогли завоевать победу в тех краях, где некогда сверкали мечи воинов Александра Невского. Орден Александра Невского украсил грудь героев прорыва — Голодняка, Мыльникова и других летчиков-штурмовиков.

За игрой в домино (Герои Советского Союза Г. Жидов, А. Севастьянов, летчики Г. Лобов и Е. Воронцов, совершивший таран над Ладогой)

Прорыв блокады ознаменован новым огненным тараном. В день четырнадцатого января сорок третьего года штурмовики Пантелеев и Сологубов навеки прославили свои имена.

Пантелеев — сын белорусского народа.

... Немцы бешено сопротивлялись наступлению, хорошо понимая, какими катастрофическими последствиями был чреват начавшийся прорыв. Бездна, пропасть, куда история толкала орды 18-й германской армии, разверзлась перед ними... Немцы с судорожным напряжением гнали к переднему краю резервы. Восемь эшелонов забили перегон.

Использовались все виды транспорта. Параллельно полотну железной дороги, по шоссе, густо шли грузовики с прицепами. Зенитная артиллерия и истребители прикрывали эту массу войск и техники, которая должна была сдержать лавину русских.

Но на немецких путях, как всегда в решающую минуту, появилась неумолимая «черная смерть». Группа штурмовиков с отвесного пикирования сбросила бомбы на эшелоны. Вспыхнуло пламя. Заживо горели в вагонах немецкие солдаты. Захлебывались на платформах зенитки.

На аэродроме

Немецким зенитчикам удалось подбить один русский самолет, — тот, который вел Пантелеев.

Самолет загорелся. Вспыхнуло пламя. Огонь жадно лизал языком стекло кабины летчика. Что сказали друг другу герои? О чем условились они? Мелькнуло ли перед мысленным взором Пантелеева видение разоренной немцами родной белорусской деревни Ковалевичи?

Пантелеев и Сологубов на горевшей машине атаковали автоколонну. Расстреляли все снаряды и патроны. Только тогда, подобно падающей звезде, рухнул самолет в гущу немецких машин: десятки мертвецов остались на месте, груда автомобилей, лужи черной крови...

Наряду с летчиками-штурмовиками свою славу в дни прорыва блокады множили и знаменитые летчики-истребители нашего фронта: Василий Мациевич, Илья Шишкань, Георгий Жидов.

После долгих месяцев осады вырвался у ленинградцев первый вздох облегчения: блокада прорвана!

По инициативе великого Сталина Родина учредила награду храбрым — медаль «За оборону Ленинграда». На фоне увенчанного звездой Адмиралтейства встали фигуры красноармейца, балтийского моряка, рабочего, ленинградки, готовых дать отпор врагу. Идущая полукругом надпись осеняла героев.

Перед боевым вылетом

Готовят удар по врагу (Герой Советского Союза Н. Свитенко, гвардии майор А. Сердюков, гвардии инженер-капитан Г. Нерода)

Медаль из рук Председателя Городского Совета депутатов трудящихся П. С. Попкова принимали жители города-фронта — рабочие, врачи, бойцы местной противовоздушной обороны, пожарные, сиделки, школьники, перенесшие с поднятой головой все опасности и лишения блокады, самоотверженно помогавшие Красной Армии.

На фронте медаль вручали защитникам ленинградских рубежей — пехотинцам, танкистам, саперам, артиллеристам и летчикам, под стенами города Ленина отстоявшим честь, свободу и независимость Отчизны.

На лётном поле в К. построилась штурмовая часть. Предстояло вручение медалей «За оборону Ленинграда». Собравшиеся летчики и воздушные стрелки вспоминали

В. Морозов *Карандаш, гуашь*

Штурм правого берега Невы

Герой Советского Союза Сергей Литаврин

пройденный путь. Среди ветеранов зашел разговор о майоре Богачеве и подполковнике Трофимове. Их помянули хорошо с теплым и глубоким чувством. Предстал перед старейшинами части образ крепыша Богачева, требовательного и храброго начальника, сразу же внушившего к себе симпатию и доверие. Вспомнили связанный с ним случай.

В кабине воздушного стрелка

В городе В., готовясь к перелету на Ленинградский фронт, штурмовики отрабатывали, под критическим присмотром своего командира, технику пилотирования. На учебных занятиях молодой летчик Иванов оторвался от группы. Что тут поднялось!.. Майор Богачев жестоко отчитал летчика за эту ошибку:

— У вас нехватило терпения и наблюдательности, чтобы соблюсти дисциплину строя... Такие не нужны... В Ленинград не беру...

Не берет в Ленинград! Страшнее наказания Иванов не мог представить.

Летчик крепко взялся за работу над собой. Он добился у справедливого командира Богачева, чтобы его взяли. Иванов никогда не повторил былой погрешности, сражался за Ленинград достойно, храбро, мастерски.

— Становись! — прозвучала над полем команда.

Штурмовики построились. Знаменосец Павлюченко пронес развевающееся на древке алое полотнище Гвардейского Знамени с портретом Владимира Ильича Ленина.

Герой Советского Союза Василий Мацневич

Подполковник Пастушков вручил Герою Советского Союза командиру Николаю Свитенко медаль «За оборону Ленинграда». Бронзовый кружок блеснул на груди героя возле ордена Ленина и Золотой Звезды. Затем вручение медалей перешло к самому Свитенко. Одним из первых он назвал имя капитана Голодняка, хотя знал хорошо, что капитан на торжестве отсутствует: Голодняк выполнял в эту минуту специальное

задание командования... Свитенко отложил коробочку с медалью, принадлежащей капитану Голодняку, и хотел уже назвать следующее имя, но остановился... Раздался гул приближавшегося самолета. На поле приземлился «Ильюшин-2». Из него вышел летчик.

— Гвардии капитан Голодняк! — торжественно повторил командир.

Капитан подошел, вытянулся, отрапортовал:

— Товарищ гвардии подполковник, специальное задание выполнено!

— Хорошо! Поздравляю вас с правительственной наградой!

Свитенко посмотрел в твердые, упорные глаза своего боевого товарища, только что возвратившегося с полета и полного возбуждения. С чувством внутреннего удовлетворения он вложил награду в руку капитана, еще не остывшую от штурвала. Голодняк занял место в строю — на правом фланге.

Вскоре в том же гнезде штурмовиков — деревне К. — летчики, награжденные медалью «За оборону Ленинграда», встречали своих товарищей из других авиационных частей. Собрался боевой актив летчиков, слет штурмовиков и прикрывающих их истребителей. Куда ни кинешь взор — отважные, открытые лица, блестят ордена: люди, прославили свое имя подвигами. То было совещание известных стране храбрецов, подводивших итоги воздушной борьбы за город Ленина, совет воинов, учившихся в огне грандиозных сражений и собравшихся для того, чтобы поделиться знаниями, вынесенными из опыта боев.

Опыт штурмовиков суммировал в своем слове полковник Хатминский — человек с сухощавым, подвижным лицом.

Обращаясь к присутствующим на активе летчикам Камбулатову, Свитенко, Голодняку, Шиманскому, Еремину, Павлюченко, Емельянову и другим мастерам штурмового удара, полковник Хатминский сказал:

— Помните Героя Советского Союза Шалимова. Он говорил: штурмовик — летчик особенный. Многое уметь должен. Штурмовик — одновременно и штурман, и наблюдатель, и разведчик, и стрелок, и артиллерист. Продолжайте учиться, действуйте над полем сражения уверенно, дерзко, хитро, внезапно, ошеломляйте мощью огня.

— Вы очень сильно влияете на успех наземного боя, товарищи. Ваша задача — надежно поражать наземные цели, увеличивать радиус действий наземного оружия, обнаруживать и подавлять те цели, которые невидимы наземным войскам...

— В январском наступлении вы были передовиками прорыва блокады: мощными группами сокрушали коммуникации, нарушали связь, громили штабы, всячески деморализовали врага. Во многом успех наступления всего фронта обязан авиации, в частности штурмовикам. Но только не зазнавайтесь. Нельзя — опасно, самое трудное еще впереди... А Родина вас ценит!..

Летчики понимали со всей определенностью, что с прорывом блокады взят лишь первый барьер, пройден один этап борьбы и начата новая ее страница.

В предвидении грядущих боев они старались закрепить в сознании самое существенное из скупых и сдержанных выступлений авиационных офицеров.

Все реже и реже раздавались над Ленинградом унылые звуки сирен воздушной тревоги: ощущалось изменение обстановки.

А. Яр-Кравченко *Карандаш*

Герой Советского Союза

Илья

ШИШКАНЬ

Немецкий дот, разрушенный штурмовиками под городом Петрокрепость (Шлиссельбург)

Член Военного Совета Андрей Александрович Жданов крылатым, метким словом характеризовал самую сущность нашего успеха в воздухе и убийственную для фашистов перемену к худшему в их положении. Вручая Гвардейское Знамя Второму Ленинградскому Гвардейскому Истребительному Корпусу, он сказал:

— Воздушный враг, трусливо поджав хвост, уже не решается выходить на основные проезжие воздушные магистрали, а предпочитает ютиться на воздушных задворках.

Враг, прижатый к стене, переменил тактику, почти отказавшись от налетов, он перешел к обстрелам. В небе точно лопалась натянутая басовая струна, облачко шрапнельного разрыва повисало над крышей дома. Тяжелые снаряды ложились на людных перекрестках, трамвайных путях, площадях. Снаряд разорвался в подъезде кино в момент, когда публика расходилась после сеанса; другой проломил стену Эрмитажа, обезглавив в вестибюле несколько невывезенных статуй итальянского мрамора; третий угодил в детский сад, когда малыши обедали...

«...Район подвергается артиллерийскому обстрелу. Движение по улицам прекратить. Населению укрыться!..» — повторял диктор.

Снаряды ложились по всему Ленинграду. Разрывы в центре города, на мосту через Неву, чередовались с разрывами на Петроградской стороне... В скверах падали окровавленные дети. На клинкере мостовой лежала старушка... Напротив проспекта Максима Горького снаряд, пробив крышу, попал в комнату, в которой жила артистка, осколок разрубил пианино... Обстрел переносился в другой район:

Герой Советского Союза Георгий Жидов

сплющило трамвай маршрута № 12. Наступал перерыв, и обстрел снова возобновлялся. Огненные смерчи вырастали на панелях. Мчались автомобили Скорой помощи... Женщины уносили раненых из очагов поражения. В остановившемся трамвайном вагоне на скамейках стыли мертвые пассажиры...

Немцы подвезли под стены Ленинграда осадные дальнобойные орудия. Они были установлены во многих пунктах. Часть из них монтировалась на железнодорожных транспортерах. Транспортеры передвигались с места на место — их было трудно

В дни прорыва блокады волховчане встречают ленинградских летчиков

засекать. Орудия били из-под Урицка. Особенный урон приносили пушки, установленные вблизи Красного Села у Вороньей Горы. С вершины Вороньей Горы Ленинград виден, как на ладони...

В городе лилась кровь. Ленинградцы уходили на работу и, случалось, никогда больше не возвращались. Гибель подстерегала их на каждом шагу.

Перед нами список жертв одного обстрела: Петя Дьяконов — учащийся, Александра Арефина — работница Ленэнерго, Борис Шалютин... Знакомая фамилия: Шалютин — это же известный скульптор! — перо регистраторши в морге остановилось.

Шалютин вернулся в Ленинград из Сибири, после долгого отсутствия, весной сорок третьего года. Сибиряки обеспечили ленинградцу Шалютину и дом для семьи,

и мастерскую, и заказы... Но скульптор не мог ни жить, ни творить вне Ленинграда. Не мог!

Скупая сдержанность тонов неба над невской ширью, пропорции круглой площади перед Зимним дворцом, гладь каналов притягивали к себе с неумолимой силой. Скульптор должен был, по многолетней привычке, ежедневно впитывать образы города над Невой. Шалютин любил повторять чье-то чужое, понравившееся ему, сравнение ленинградской архитектуры с застывшей музыкой.

В час своего возвращения Шалютин не представлял картины происходящего в Ленинграде, спокойствие священных камней которого было резко нарушено. Он знал лишь понаслышке о рвущихся над зданиями тяжелых снарядах, посылаемых преступной рукой. Он сам еще не видел, как осколки фашистских бомб раскаленными занозами впиваются в разноцветный мрамор облицовки старинных дворцов.

Три дня скульптор ходил по городу, делая огромные концы, досадуя на милиционеров, заставлявших его уходить в укрытие во время обстрелов.

Скоро, очень скоро радость встречи с городом резко омрачилась.

Ленинград оставался гордым и непреклонным в своей решимости города-бойца, но лик его покрывали рубцы и раны, как покрывают они тело старого солдата. Шалютин ревниво считал поврежденные здания, разрушенные чугунные ограды садов и каналов, искалеченные детали великолепного архитектурного убранства, целые пострадавшие ансамбли...

Пирамида скрывала от взоров Шалютина летучие очертания Медного Всадника; сам фальконетовский памятник в футляре с песком показался ему драматическим символом.

Сердце скульптора, человека в обычное время незлобивого, поглощенного творчеством и даже несколько наивного, наполнилось гневом и болью... У Шалютина созрело решение начать новую работу. Тема еще смутно носилась в сознании мастера, но работать было необходимо, это был единственный выход из состояния, в котором он находился. Скульптор задумал героическую статую одного из тех людей, которые жестоко мстили за артиллерийские обстрелы и налеты, за кощунственные разрушения города над Невой.

Он поехал в авиационную штурмовую гвардейскую часть. В полку Шалютин стал лепить из пластелина метровую статую. Урывая часы от короткого времени, отведенного на отдых, ему согласился позировать Николай Свитенко — Герой Советского Союза.

Пластелин в руках Бориса Шалютина постепенно оживал. Все четче становились контуры замысла. Кажется, никогда с таким увлечением еще не лепил в своей жизни Шалютин, целиком поглощенный идеей создания статуи ленинградского летчика.

...Однажды, ночью, в одной из изб прифронтовой деревни можно было наблюдать необычайное зрелище. Майор Сердюков вертел ручку индикатора, дававшего искру, заменявшего тогда отсутствовавшие спички, и зажигал листы старых газет. В пламени газет скульптор держал свою статую, поворачивая во все стороны и обжигая ее.

В. Морозов *Гуашь*

Блокада прорвана!

Ростральные колонны — символ морского могущества России

Статую летчика работы Шалютина приняли на Выставку военных художников. Выставка открылась в день Первого мая!

Однако, Шалютин не смог присутствовать на открытии. Он не дошел до подъезда Дома Красной Армии, в просторных залах которого разместились картины и скульптуры, посвященные героям обороны Ленинграда.

На людном перекрестке Садовой улицы и Невского проспекта, около полудня Первого мая разорвался немецкий снаряд. Осколок подкосил Шалютина... Скульптор упал на панель подле здания Публичной Библиотеки. Брызнула кровь, запеклась на камнях. Шалютин умер на улице. Статуя летчика-штурмовика, созданная мастером с таким увлечением, оказалась его лебединой песней!

Артиллерийские обстрелы учащались. Враг злобствовал. На стенах зданий появились белые крупные буквы надписей, предупреждавшие прохожих о том, что

Летчикам вручают медали «За оборону Ленинграда»

данная сторона улицы в момент обстрела наиболее опасна... По сути — весь Ленинград находился на опасной стороне!

Ленинград выдержал неслыханный удар и не поддался панике! В железной стойкости и отваге горожан еще раз проявился несокрушимый дух ленинградцев. Следы поражений после обстрела — пятна крови, воронки в асфальте, битое стекло на мостовой исчезали, не проходило и часа...

В лётной столовой

Регулировщики при обстрелах надевали плоские каски, но не уходили с перекрестков, продолжая поддерживать порядок. Раненых подбирали мгновенно. Быстро подвешивали оборванные провода, и снова раздавались звонки трамвая. Воронки засыпались. Подтянутость сказывалась во всем. Снаряды еще продолжали ложиться на соседних улицах, а женщины-дворники уже подгребали в совки осколки стекла.

В этой воинской подтянутости был Ленинград. В этой неколебимости были ленинградцы — люди особой породы.

Ленинград боролся! Жестокий отпор получили немецкие и финские убийцы, терзавшие город дальнобойными пушками. В ответ били орудия с батарей на подступах к городу, били форты и корабли. Огонь наземной артиллерии корректировали с самолетов. В полной готовности дежурили летчики-корректировщики. Среди них штурман — старший лейтенант Кирилл Поломарчук, награжденный орденом Отечественной войны I степени, отвечал за наблюдение. Когда начинался обстрел, Поломарчук немедленно вылетал, по приказу штаба, в район вражеских батарей. Вылетал на бронированной штурмовой машине. Машина делала разворот, летела параллельно фронту. Поломарчук сообщал по радио с борта самолета координаты или просто номер давно изученной цели, а затем переходил на контроль.

Убитый немецкий солдат на ладожской льдине

О каждом малейшем отклонении наших разрывов Поломарчук спешил точно донести. Он делал повторные корректировки огня, затем улетал на аэродром, машина заправлялась и снова появлялась над целью.

Основная борьба с дальнобойными батареями немцев выпала на долю штурмовой авиации. Начало этой борьбы заложили штурмовики части Героя Советского Союза Николая Свитенко.

Однажды штурмовики летели над заливом. Группу вел летчик Анисимов. В числе ведомых шли Павлюченко и Мыльников. Хорошей школой была эта операция для принимавших в ней участие молодых летчиков. Ведущий заметил четыре языка пламени, протянувшихся к городу. Сомнений не оставалось: немцы обстреливали Ленинград. Группа зашла вдоль батареи, каждый штурмовик выбрал себе цель. Атаку с успехом начал Анисимов... Борьба с батареями требовала большого искусства. Слои бетона защищали орудия, скрытые хитрой маскировкой. Цель предварительно изучалась по фотографиям и картам. Налетам предшествовал точный штурманский расчет. Разрабатывался в деталях план. Удары по батареям врага сочетались: артиллерийские — с земли и штурмовые — с воздуха. Немцы, в свою очередь, стягивали для прикрытия батарей истребительную авиацию. Ее уничтожали налетами на аэродромы.

Замаскированные батареи противника уничтожались беспощадно. Рваная облачность не могла помешать Еремину рассчитаться с немецкой батареей, обнаружившей

После грохота обстрела наступало мгновение тишины

себя вспышками орудий. Летали на батареи врага Голодняк, Мыльников, Никишанов, Осадчий — специалисты по борьбе с этими целями. При выходе из крутых пике страшная тяжесть наваливалась на тело летчиков, кровь приливала к вискам, ломило нестерпимо грудь... Летчики продолжали заходы — образ окровавленных детей и женщин, убитых на улицах Ленинграда, не покидал гвардейцев-штурмовиков.

Одну немецкую батарею сравнительно долго не могли обнаружить. Фашисты укрыли ее в Стрельнинском приморском парке, неподалеку от дворца. Эту замаскированную батарею наши летчики стерли в порошок вместе с зенитными орудиями, ее прикрывавшими. Штурмовые части поставили перед собой, как основную, задачу — контрбатарейную борьбу, подавление немецких орудий, бьющих по Ленинграду.

Штурмовые части Камбулатова равнялись по своему командиру и его заместителю майору Бекаревичу — людям большого бесстрашия и опыта.

Сын камышинского грузчика Георгий Камбулатов начал трудовую жизнь лебедчиком на пароходах Новороссийского порта. Окончив школу летчиков в Сталин-

градe, он приобрел исключительную квалификацию. Он летал на самолетах: «Ч-2», «Р-1», «Р-5», «И-16», «И-153», «ЯК-7», «МИГ-3», «ИЛ-2». Необычайная смелость Камбулатова проявилась еще в бытность его летчиком-испытателем на ремонтной базе. Без тени раздумья пилот входил в кабину только что отремонтированной машины, от которой можно было легко ожидать любой неожиданности в воздухе. С аэродрома следили за Камбулатовым. Он бросал самолет из стороны в сторону, чтобы испробовать все его качества и передать затем фронтовому летчику машину, гарантировав надежность ремонта. Около трехсот самолетов прошли испытания через руки Камбулатова, полностью оправдав его оценку.

Зимняя канавка.

Камбулатов первым доказал возможность использовать тяжелый самолет «Ильюшин-2» для ночных рейдов и подготовил к этому делу экипажи. Командир учил своих штурмовиков настоящей дружбе с прикрывавшими их истребителями. Ближайшими боевыми друзьями штурмовика Камбулатова были истребители части Героя Советского Союза Шаронова, прикрывавшие наиболее рискованные рейды. Существовал между ними полный контакт.

Покрыла бессмертной славой свои имена семья штурмовиков: Иван Пантелеев, Петр Сологубов, Владимир Шиманский, Владимир Усков, Георгий Паршин.

Летчик Владимир Шиманский испробовал не мало профессий. Но только в авиации раскрылась его богатая натура.

Шиманский умел с увлечением, захватывая слушателей, рассказать о чужих подвигах, подвигах летчиков, своих боевых друзей... О себе Шиманский говорил нехотя, скупо.

Закадычные друзья — Шиманский и штурмовик Усков — попали в госпиталь. В госпитале они лежали рядом.

В госпитальной палате стояла тишина. Бесшумно двигались сестры. После рева моторов, стрельбы, разрывов, тишина казалась Шиманскому непривычной...

Шиманский послал из госпиталя письмо родителям Ускова, ему самому не знакомым.

«Мы о многом беседуем с вашим сыном, дорогие Евгения Михайловна и Иван Афанасьевич, — писал Шиманский. — Он сам не может писать, у него забинтованы руки. Скоро медицина смилостивится, повязки снимут, и боевой летчик возьмет тогда в руки и карандаш и штурвал самолета...»

В дни испытаний...

И дальше:

«...Хотя я никогда не видел вас, мне не трудно представить себе семью Ускова. Вы вырастили замечательного сына. Но в вашем представлении, Евгения Михайловна, Володя, наверное, все еще тот же шалун, маленький мальчик. А это уже не так. В холодный февральский день вместе с товарищами ваш сын, младший лейтенант Владимир Усков, вылетел штурмовать немецкие батареи под Ленинградом. Вам, Иван

Город-боец

Афанасьевич, в бытность солдатом, приходилось, конечно, видать виды. Но бои прошлой войны блекнут в сравнении с нынешними. Когда наши штурмовики появились над вражескими позициями, немцы открыли яростный огонь. Казалось, небо побурело от разрывов. Владимир собрался вести машину в пикирование. Два снаряда ударили в плоскости, то есть крылья. Машину тряхнуло. Самолет начал падать. Твердой рукой Володя вывел машину в нормальное положение и опять ринулся в пике. В этот момент ударил третий снаряд. Чем-то острым резануло Владимира по рукам, осколки стекла впились в лицо. Меховые рукавицы разбухли от крови, кровь застилала глаза.

А. Яр-Кравченко *Акварель*

Генерал-полковник

Андрей Александрович

ЖДАНОВ

вручает Знамя 2-му Ленинградскому Гвардейскому истребительному корпусу

Гвардейцы: Герой Советского Союза И. Грачев и летчики В. Плавский, Н. Кузнецов

Но сын ваш, держа штурвал израненными, окровавленными руками, продолжал бомбить и стрелять до тех пор, пока не осталось ни одной бомбы, ни одного патрона. Он говорил, что злость заглушила боль и придала ему уверенность...»

Владимир Шиманский родился в белорусской деревне Вороничи. Хорошие песни пели там девушки. Деревня хранила память о партизанах гражданской войны.

Из тех же мест вышел другой прославившийся летчик — легендарный капитан Гастелло.

Красная Армия выковала характер Шиманского. Человек с неровным, мятущимся нравом сформировался в безупречного офицера.

Летчики-истребители В. Кротов и С. Кузнецов

Летчик Шиманский летал над солончаками Голодной Степи, над снегами отрогов Тянь-Шаня, над знойной Ферганой Британские ассы Королевского воздушного флота восхищались техникой советского летчика, имя которого рано овеяла слава.

Первые шестнадцать боевых вылетов Шиманского в Отечественной войне стоили фашистам пятидесяти одного орудия и двенадцати железнодорожных вагонов. В дни прорыва блокады во время штурмовки разрыв зенитного снаряда повредил рули

Летчики-штурмовики уничтожали тяжелые немецкие орудия, обстреливающие Ленинград

глубины. Но летчик продолжал воевать и на подбитой машине. Он сбросил оставшийся бомбовой груз и только тогда, пробившись сквозь пургу над лесом, долетел до ближайшего аэродрома. Бомбы продолжали рваться в немецких окопах.

Радиостанция самолета Шиманского вышла из строя. Услышав в снежном вихре звуки мотора и определив, что самолет наш, балтийцы — хозяева аэродрома — пустили ракету. Зеленая комета взвилась, прочертила дугу и упала: штурмовику разрешили садиться. Балтийцы — сами бывалые люди — долго удивлялись количеству пробоин на фюзеляже машины Шиманского.

Шиманский был разносторонне одаренным человеком. Он хорошо играл на рояле. Играть летчику приходилось, конечно, редко, зато, попав после ранения в Дом отдыха,

Летчик-штурмовик В. Шиманский в Доме отдыха. Друг летчиков — врач Е. В. Пластинина

Владимир Александрович мог отвести за инструментом душу. Часами не отходил Шиманский от рояля: мечтательные вальсы сменялись бурными импровизациями собственного сочинения.

Незадолго до возвращения в часть летчик заговорил с врачом Марией Павловной Семеновой.

Дворец, в котором находился Дом отдыха летчиков, расположился среди густого парка, на взморье. В окно палаты был виден крупный завиток ионической капители и за ним клумба с одинокой мраморной статуей. Спиной к окну стоял Шиманский. Курчавились мягкие волосы, взор смотрел ясно, открыто:

Город-воин

— Знаете, Мария Павловна, — сказал Шиманский, — я почему-то думаю, что мы встречаемся с вами в последний раз.

Мария Павловна хотела возразить, но промолчала, остановленная нетерпеливым жестом летчика.

— В последний! — повторил твердо Шиманский. — Но помните одно: живым враги меня не возьмут, радости немцам не доставлю. Долг выполню достойно!

Он играл в тот день не переставая и закрыл крышку рояля только тогда, когда за ним пришла машина. Прощался с персоналом Дома отдыха веселый, полный оживления. Уехал, оставив теплую память.

Прошло несколько недель. Над синявинскими болотами Владимир Шиманский таранил своей горящей машиной врага, подобно тому как таранили врага однополчане Шиманского, пожертвовавшие собою, — Пантелеев и Сологубов.

Владимир Шиманский — любимец подрастающего поколения. Первым литературным откликом на его подвиг стали стихи ленинградской школьницы, четырнадцатилетней Тани Пластининой.

Очередной обстрел

Высокую требовательность к своему мастерству проявляли ленинградские штурмовики. Непрерывно учились они, оттачивая оружие.

Однажды в шатре собрались летчики. В квадратные оконца шатра заглядывали ветки ельника. Розовело закатное небо. На холщевых скатах висели карты и схемы с обозначенными на них целями. Схемы были разработаны с большой тщательностью. В них чувствовалась напряженная работа штаба. Чувствовался тот почерк военной культуры, который свойственен авиации Ленинградского фронта.

Номера целей — различны. Но под каждым таилась дальнобойная крупнокалиберная батарея немцев.

Майор Камбулатов, подняв, как лектор, указку, говорил о задачах предстоящей операции. Пунктиры бежали по схемам, делая абсолютно ясными маршруты захода на цели и выхода после штурмовок.

Отдельные чертежи показывали скрещивающиеся пути истребителей сопровождения. В схеме давался разрез огненного вала могучей артиллерии. То был график будущей победы.

В самый разгар разбора предстоящей операции приехал Командующий Ленинградским фронтом генерал армии Л. А. Говоров.

Командующий фронтом прошел под своды шатра, поздоровался с летчиками, занял место у походного столика, предложил продолжать занятие.

Отложив фуражку, он внимательно слушал речь командира. Потом, не вставая, начал настойчиво задавать вопросы офицерам, возвращаясь все время к основной мысли.

А. Яр-Кравченко *Акварель*

Командующий войсками Ленинградского фронта
генерал-армии
Леонид Александрович
ГОВОРОВ

По мирным кварталам города били немецкие орудия

— Я безусловно требую от каждого из вас, чтобы вы бомбили и обезвреживали самую цель, а не район цели, — сказал он. —Расскажите, товарищ майор, — обратился Командующий к майору Фефелову, — как вы, например, определитесь на цели?

Майор Фефелов подробно доложил...

— Тем, кто бьет по цели, — слава; те, кто бьют «вообще» по району, — нам не нужны! Командующий говорил о главном: — В чем заключается сама идея участия штурмовой авиации в начинающемся наступлении?

Глаза Командующего следили за взглядом каждого из присутствующих летчиков:

— Идея! — подчеркнул он. — Задачу ведь решают, в основном, наземные войска — пехота и артиллерия. Штурмовая авиация должна всячески им помогать. Подавляя артиллерию врага, штурмовая авиация тем самым уменьшает потери... А вы понимаете, что означает для нас сбережение жизни каждого советского

Обстрел Эрмитажа

война. Нужно наносить врагу сокрушительные удары, — закончил Командующий фронтом. — Нужно воздействовать на психику, непрерывно висеть над передним краем немцев. Враг часами не должен поднимать головы.

Приезд в штурмовую авиационную часть Командующего Ленинградским фронтом стал крупным событием в жизни летчиков, эпизодом в истории их боевого коллектива.

Часть была молодой, сформировавшейся и вступившей в строй позже других — летом сорок второго года. И летчики в ней собрались молодые, полные смелости, энергии и юношеского задора.

В годы блокады с Аничкова моста были сняты статуи клодтовских коней

Боевой опыт приходил одновременно ко всему коллективу и к каждому офицеру. Дух инициативы охватывал молодых воинов. Молодое поколение перенимало у старшего хватку, глазомер, мгновенную ориентировку на местности и все другие качества, необходимые «воздушной пехоте».

Подобно Мамыкину, штурмовики нового призыва закалялись в огне операций, приближались по мастерству к ветеранам.

Процесс возмужания поражал своей быстротой: часть в короткие сроки становилась обстрелянной. Война на том этапе, выдвигала как первоочередную проблему, борьбу с немецкими пушками, разрушавшими город Ленина, ежедневно посылавшими снаряды в его кварталы. Задача широкой контрбатарейной борьбы легла в известной степени и на молодых штурмовиков, отдавшихся с энтузиазмом её решению.

Контрбатарейная борьба по праву считалась ими трудным и благородным делом. Выиграв преимущество в воздушных схватках, наша авиация добивалась успехов на земле не только при уничтожении огневых точек немцев, но и в атаках непосредственно на живую силу.

С честью выполняли молодые летчики и другой вид заданий — поддержку своей пехоты. Немалое число боев провели они совместно.

Командующий фронтом в своём выступлении коснулся наиболее существенных сторон боевой жизни.

— Бить по цели, а не по району! — стало нормой, правилом, заповедью храбрецов.

При каждом разборе очередного вылета на штурмовку приводились потом слова генерала армии Л. А. Говорова. На них ссылались как на закон поведения.

Когда новичек отправлялся в первый свой вылет — ему заботливо объясняли значение и смысл требования — поражать только ненавистную цель, не тратя напрасно ни одной бомбы, ни одного снаряда или пулеметной очереди. У молодых штурмовиков воспитали чувство внутренней моральной ответственности за результат операций, от которых зависело существование героического населения Ленинграда.

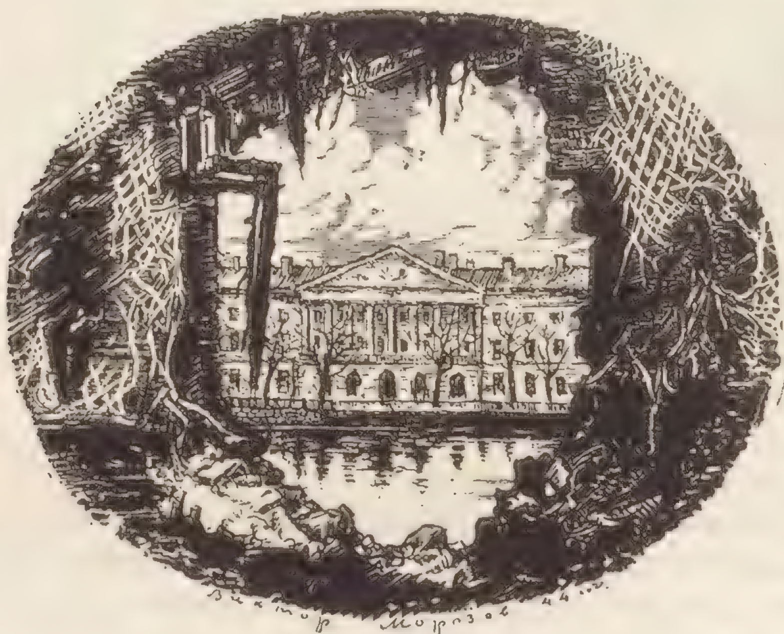
Еще один важный момент из выступления Командующего дошел с особой силой: генерал армии твердо и открыто сказал о предстоящих решающих испытаниях.

Весть о приезде Командующего к штурмовикам разнеслась по всей авиации фронта, посещение подчеркнуло успехи части, подняло её престиж.

Слова генерала армии мобилизовали каждого, будили мысль, повышали активность!

Борьба за Ленинград вступала в новую фазу. Артиллеристы и пехотинцы перемалывали врага под стенами города. Вместе с ними сражались летчики...

Решающие события надвигались...

ГЛАВА ПЯТАЯ

...Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный...
На звонко скачущем коне.

А. Пушкин

АЗГРОМ немцев под Ленинградом — великая победа советского оружия. Девятьсот суровых дней длилась осада. Воздушные налеты следовали один за другим, сменяясь варварскими артиллерийскими обстрелами. Потом немцы понесли в воздухе огромные потери и почти полностью прекратили попытки воздушных налетов, обходившихся им слишком дорого. Тогда враг усилил обстрелы мирных кварталов Ленинграда... Вводил новые батареи. Смерть угрожала школьникам, торопившимся утром на уроки, и работницам, возвращавшимся с заводов, врачам, навещавшим больных, стрелочницам на трамвайных путях, артистам, спешившим на концерты.

Снаряды врывались в квартиры, в помещения детских садов, в лаборатории. В число многих объектов бессмысленно жестокого обстрела попал ленинградский Ботанический сад. В Зоологическом саду убило сбереженного в месяцы осады красавца — уссурийского тигра.

Каждое появление на улицах города было сопряжено со смертельным риском.

...Воздушный стрелок старшина Василий Кузнецов сражался вместе со своим командиром — выдающимся летчиком-штурмовиком Мамыкиным. Шестьдесят семь

Летчик-корректировщик К. Поломарчук

раз летали они вместе на штурмовки, громили немцев и возвращались невредимыми. Шестьдесят семь раз!..

Получив по болезни кратковременный отпуск, воздушный стрелок поехал в Ленинград в Дом отдыха лётного состава. В один из первых же дней Кузнецов решил развлечься и посмотреть в кино веселый английский фильм «Джордж из Динки-джаза». Но людный перекресток Невского и Владимирского проспектов, где находился кинотеатр, был одной из излюбленных целей фашистов. Трамвайный

Разрывы снарядов ложились на площади Исаакиевского собора

вагон остановился невдалеке от пестрых рекламных щитов, украшавших подъезд «Титана». Кузнецов едва успел выйти с площадки, как разорвался немецкий снаряд... В числе сотни других пострадавших попал на операционный стол и воздушный стрелок. У него оказалась задетой печень.

Прошли недели. Кузнецов вернулся в строй. Страшное время обстрелов осталось позади, и немецкие пушки застыли беспомощными пленниками у здания Соляного городка — Выставки героической обороны Ленинграда. Но никогда не поблекнут, не сотрутся в летописях человечества двадцать девять месяцев борьбы великого города, терзаемого обстрелами.

Город ждал часа победы, жил надеждой и уверенностью в ее приходе. Уверенность в победе поддерживала упорство горожан и бойцов фронта. Зимой сорок четвертого

года, в самую годовщину штурма берега Невы, долгожданный час окончательного возмездия пришел! Он наступил в громе канонады; судорога панического отступления охватила 18-ю армию Гитлера после многомесячного отсиживания у самых стен города. Вслед позорно бегущим немцам глядели памятники русских полководцев, свято сбереженные в осажденном городе. Уходя на фронт, ленинградцы преклоняли колена на могиле Кутузова в Казанском соборе. Кутузов и Суворов были их живыми советниками. — По-суворовски тщательно, настойчиво и кропотливо готовилась развязка.

Боевые успехи ленинградских летчиков способны поразить своей значительностью и масштабами человеческое воображение. Но могут ли патриоты останавливаться на достигнутом?!

Родина, город Ленина звали к новому напряжению всех сил, требовали еще большей эффективности каждого вылета, еще более виртуозного мастерства пилотажа и сосредоточенности ударов.

Вдохновитель и организатор Ленинградской обороны Член Военного Совета Ленинградского фронта Андрей Александрович Жданов приехал на аэродром в Л. На лётном поле произошла встреча с лучшими из воздушных защитников города Ленина.

На аэродроме Л. были собраны все типы самолетов, действующих в небе Ленинграда. Происходил смотр готовности. Истребителям «ЯК», например, дали задание на трехминутный бой. Самолету «Ильюшин-2» следовало спикировать и выйти на бреющем. Маневр блестяще выполнил гвардии майор Петр Голодняк.

Андрей Александрович после полета подошел к летчику, приветливо поздоровался и вступил в разговор. А. А. Жданов желал знать в подробностях оценку качеств штурмовой машины. Петр Голодняк искренне похвалил творение Героя Социалистического Труда Ильюшина: в условиях тяжелых боев за Ленинград штурмовой самолет «Ильюшин-2» оправдал себя полностью. Голодняк предложил, на основании ленинградского опыта, внести ряд конструктивных доделок (многие из таких предложений летчиков впоследствии учитывались в новых выпусках машины).

Андрей Александрович поинтересовался и столь специальной стороной дела, как предел продолжительности боевого вылета.

В коротком этом разговоре Член Военного Совета проявил глубокое знание штурмовой авиации, ее тактики и материальной части, поразившее летчика-специалиста.

Встреча на поле в Л. — знаменательна. Она предвещала приближение решающих дней... Всё более настойчиво велась подготовка людей и боевой техники.

Когда-то, накануне штурма крепости Измаила Суворов создал под стенами турецкой твердыни точный слепок измаильских стен и рва.

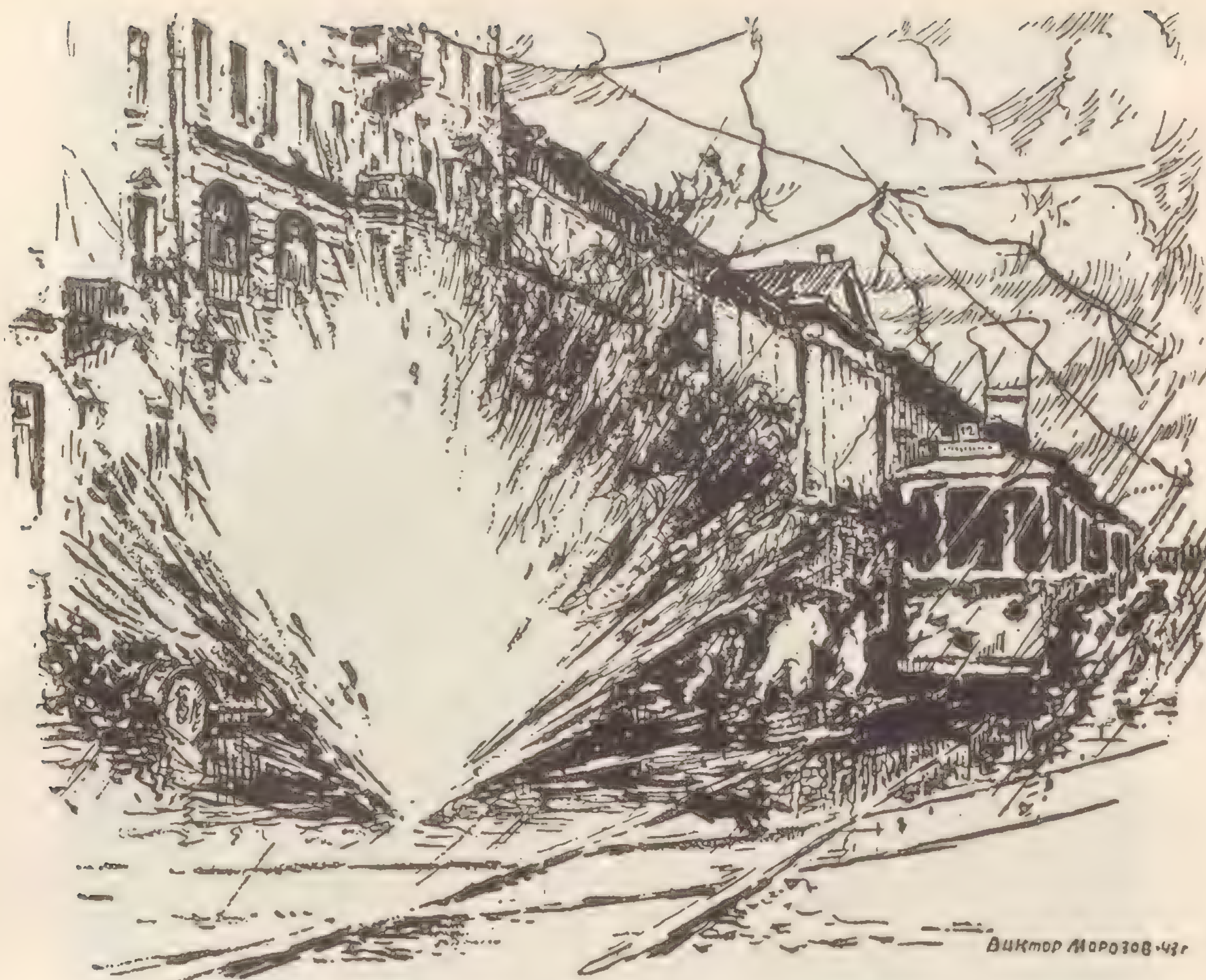
— Тяжело в учении, легко в бою, — говорил фельдмаршал своим солдатам и тренировал их неустанно в преодолении препятствий, учил заваливать рвы и забрасывать лестницы на крепостные зубцы.

Пехотинцы Ленинградского фронта, готовившиеся к решающим событиям, учились по-суворовски. Командиры наших полков воздвигали целые участки фортификационных сооружений, в точности повторяющие вид, размеры, характер укреплений пояса немецкой обороны под Ленинградом.

А. Яр-Кравченко *Карандаш*

Летчик-штурмовик
Г. КАМБУЛАТОВ

В городе рвутся снаряды

Бойцы учились взламывать узлы сопротивления. Впрочем, не только доблестная советская пехота, но и авиация воспользовалась суворовским опытом обучения воинов. В первую очередь это относится к штурмовикам.

В штурмовой части Камбулатова саперы построили точную копию ротного опорного пункта немцев, тщательно позаботившись о том, чтобы вид ее с воздуха полностью совпадал с действительностью. Перед штурмовиками возникла гигантская учебная мишень со всеми деталями укреплений, которые немцы считали неприступными.

Первым атаковал макет сам Камбулатов, пронесшийся над ним необычайно низко. Взлетели куски раздробленных бревен! Потом макет штурмовал Георгий Паршин. Вылезая из кабины после штурмовки и поправив вихры, выбившиеся из-под шлема, он сказал:

— Руки чешутся повторить на натуре!

Летчик-штурмовик П. Артамонов

Обстрел района продолжается

Передовиками тренировок были коммунисты. И так во всем: в подготовке аэродромов, в боевой учебе, в бою!

Страстным, убежденным словом и силой личного примера, действующего неотразимо, коммунисты вели за собой коллектив летчиков, воздушных стрелков, техников.

Дважды Герой Советского Союза Петр Покрышев, Герои Советского Союза Свитенко, Мациевич, Шалимов, Еремин — все они члены Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). За двадцать девять месяцев обороны Ленинграда ряды партии беспрерывно пополнялись лучшими из лучших людей авиации.

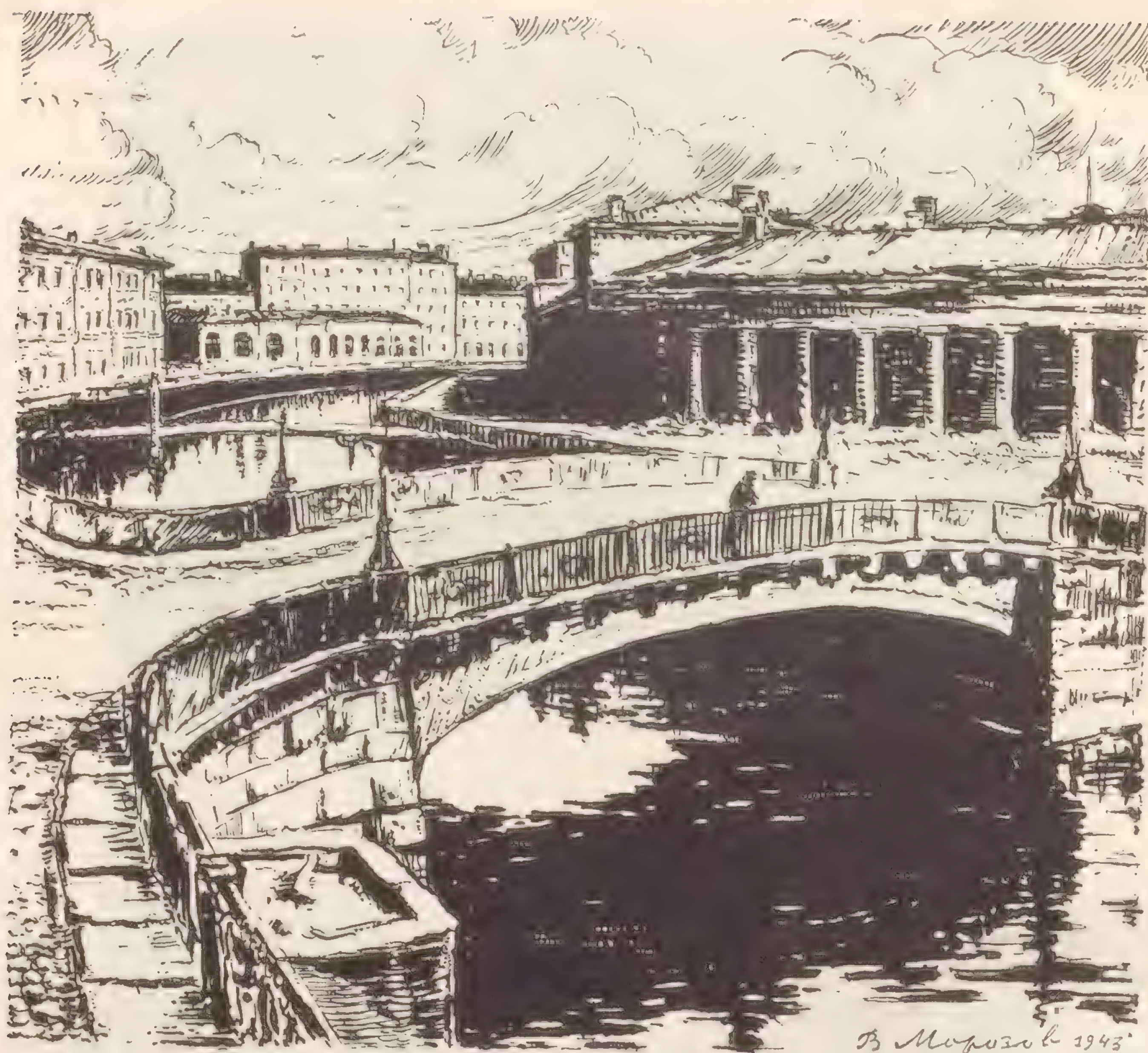
...Решение о приеме в партию штурмовика Гущина партийная комиссия вынесла возле боевого самолета. Гущин сидел в кабине, готовый к вылету.

Взволнованный Гущин мог только сказать:

— Улетая на боевое задание, клянусь истреблять немцев еще ожесточеннее...

И штурмовой самолет Гущина промчался над дорогами. На перекрестке запылали три немецких автомашины. Вскоре замолкла и немецкая батарея, получившая удар, нанесенный Шиманским и Гущиным, летчиками-коммунистами.

Лучшие летчики, дравшиеся в боях за снятие блокады Ленинграда, навсегда связали свою судьбу с партией: Анатолий Резвый, Кузин, Санкин... Санкин написал заявление в день сотого вылета. Резвый — подавив огонь сорока двух зениток.

Прозвучал сигнал предостережения

В небе Сталинграда прославил себя летчик-коммунист Василий Ильич Дужий. На Ленинградском фронте он стал командиром воздушных разведчиков. Дерзкие разведчики Дужего проложили дорогу нашим войскам.

— Помните, — говорили майор Дужий и подполковник Воронцов своим разведчикам, — залог подвигов нашей части в том, что 91 процент ее состава входит в партийно-комсомольскую организацию.

В части Дужего выросли воздушные следопыты.

Летчик-разведчик Касмынин участвовал в прорыве блокады. В период снятия блокады он доставил на своем самолете ценнейшие для наступающих сведения.

Герой Советского Союза Василий Гречишкин

Истинными «глазами и ушами» наступающих войск Ленинградского фронта была разведка Анатолий Манохин, в его напарник — Куколев — мастера своего дела. Правильность, точность данных разведки обеспечивает успех. Скромный Куколев советовал брать далеко не все из его донесений. Донесения Манохина и Куколева оправдывались полностью.

Ленинградец летчик Матвеев летал на разведку в паре с Матвеевым — москвичем. Дужий летал на разведку один. Обнаружив крупную немецкую колонну, панически отступающую на Запад, он прежде всего послал по радио донесение в штаб. Затем начал преследование. Полурота немцев легла под ударами сброшенных Дужим

Один из последних огневых налетов на Ленинград

бомб. На повторном заходе Дужего подбили. Он довел подбитую машину до своего аэродрома и сразу же послал со связным новое донесение, повторяющее радиограмму. Прежде всего разведка! Но за нею шли прямые действия: чувство мести не давало успокоиться на одной разведке, требовало непосредственного участия в истреблении немцев.

Летчики-разведчики были проводниками армии на крутом перевале победы. Велика роль бесстрашных рыцарей воздушной разведки. Особенно значительной она была в дни борьбы за полное освобождение Ленинграда. Воздушная разведка открывала путь наступлению.

А перевал был воистину крут. В дни многомесячного сидения под стенами Ленинграда у немцев хватило времени на создание внушительного пояса укреплений.

Фашисты вгрызались в землю. С немецким педантизмом они громоздили плиты бетона, сооружали толстые накаты, увеличивали количество долговременных огневых точек. Каждый участок укреплялся по многу раз с большим запасом прочности.

Изведав силу русских ударов, наученные горьким опытом, немцы воздвигли вокруг Ленинграда глубоко эшелонированную полосу обороны. За этой стеной враги, однако, не чувствовали себя спокойно. Стройка беспрерывно и лихорадочно продолжалась. Немцы подвозили тяжелые пушки, увеличивали количество пулеметных гнезд, доставляли на передний край десятиствольные минометы, рыли новые траншеи,

Летчик-бомбардировщик Н. Кузнецов

создавали засеки, строили расположенные в шахматном порядке ряды надолб, устанавливали колья проволочного заграждения, устраивали замаскированные противотанковые ловушки.

Обер- и унтер-«фюреры» всеми средствами вколачивали в головы солдат убежденность в неприступности барьера, сооружавшегося с такими усилиями, так долго и упорно.

Майор В. Дужий, командир воздушных разведчиков

Туманным январским утром рано проснувшийся город услышал канонаду. — «Уж не обстрел ли» — подумали ленинградцы, но тотчас отбросили это предположение. Горожане поняли, ощутили:

— Началось!

Огненный вал двинулся на фашистов!

Ливень снарядов дробил опорные пункты немцев, узлы укреплений, лабиринт извилистых траншей. Как описать этот огонь артиллерии всех калибров, корабельных пушек, зенитных орудий, повернувших жерла по наземным целям. Снаряды

Штурмовка немецкого эшелона

ломали, крушили, сметали чудовищной силой взрывов немецкие укрепления... Фонтаны земли, перемешанной со снегом, бревна в три обхвата, балки и рельсы взлетали на воздух.

Немцы заметались: «Хорошо, что погода помешает русским летчикам» — успокаивали они себя. Но над полем боя, над головами врагов уже гудели моторы самолетов. Появилась авиация разных видов.

Это была «уничтоженная» ядовитыми чернилами геббельсовских писак — беспощадная русская авиация: «Яковлевы», «Лавочкины», «Ильюшины», «Петляковы».

Град снарядов и бомб, свинцовые струи пулеметного огня обрушились с неба на врагов, не ожидавших подобного удара.

Наступал решающий момент

В воздухе появлялись все новые и новые группы машин.

Скоро всеобщий воздушный штурм достиг своей кульминационной точки. Поднялась и неумолимо двинулась пехота, прикрытая стеною танков.

Эпопея завершалась.

Ленинград наступал! Плечом к плечу двигались ленинградские рабочие и колхозники из Казахстана. Украинцы и смуглые сыны Кавказа. Сибирские стрелки, широкие в плечах, могучие, точно енисейские кедры, и белоруссы. Жители Улан-Удэ и москвичи. Дети знойных степей и потомки волжских бурлаков... Охотники с Колымы, попадающие белке в глаз, знаменитые снайперы нашего фронта. Вологодцы и устюжане...

Что могло противостоять этой всесокрушающей силе напора? Река народного гнева вырвалась на простор, разметав воздвигнутые на ее пути преграды.

Наступали земля, море и воздух. Над головами немцев рвались снаряды, выпущенные пушками «Петропавловска». Кронштадтцы, по старинному матросскому обычаю надев форму первого срока, заряжали орудия. Наступала гвардия: пехотинцы, летчики, балтийские моряки. Ветер победы развевал оранжево-черные ленточки бескозырок.

Летчик-штурмовик Ф. Павлюченко

Остались позади первая, вторая, наконец, третья и четвертая линии немецких окопов. Судьба 18-й фашистской армии отныне была решена. Могли спастись лишь ее остатки.

Все выше поднималась волна наступления войск Ленинградского фронта. Железный обруч осады раскололся под ударами ленинградцев во многих местах. Он лопнул под Урицком, под Ораниенбаумом, под Красным Селом. В великой

Танки, преследующие врага

битве вместе с наземными частями дралась авиация. Уничтожали немцев летчики-штурмовики, ветераны обороны: Мыльников, Павлюченко, Еремин... Сражались штурмовики частей Камбулатова, Фефелова, Горохова, Домушева...

В новой обстановке — при общем бегстве немецких войск и неблагоприятной погоде — высшее командование разрешило командирам авиа-частей производить для себя разведку и мелкими группами преследовать отступающего врага.

Штурмовики Кизима, Крохмаль, Васильев показали, что могут сделать трое истинных героев только за один вылет, ограниченный временем.

Штурмовики обнаружили с воздуха колонну фашистских солдат-смертников, давших подписку Гитлеру и носивших в знак этого на рукавах особую цветную повязку.

Колонна смертников направлялась для скрытого удара во фланг советским войскам. Радиограмма, посланная с самолета Кизима, сорвала замысел врага.

Кизима и его напарники сами посодействовали этому: пять костров запылало на шоссе, по которому продвигалась колонна.

Не удовлетворившись первым успехом, тройка свернула к немецкому аэродрому. Кизима разглядел стоявшие на старте транспортные самолеты — грузные «Юнкерс-52». Фашисты, видимо, пытались спасти остатки своей артиллерии: на самолеты

Летчик-бомбардировщик Д. Борисов

поднимали пушки... После того, как кончилась атака, на немецком аэродроме долго светился огненный след налета штурмовиков, догорали обломки плоскостей, крашенных в белый и желтый цвета, взрывались бочки с горючим.

Но это было еще не все. На обратном пути тройка обрушила удар на средние танки, уползавшие на запад.

Кизима и его ведомый через час повторили вылет. За два дня напряженных боев группа штурмовиков летчика Андрея Кизима вывела из строя тринадцать самолетов врага. Могучая инерция боя, владевшая Кизима, захватила целиком и штурмовика Еремина, по получасу висевшего над целью, наводившего ужас на бежавшую по дорогам немецкую пехоту.

Экипаж бомбардировщика «Пе2»: А. Кучеров, М. Андреев и А. Малин

Летчик Островершенко из молодой штурмовой части командира Горохова обнаружил во время разведки два железнодорожных эшелона. На Островершенко напали немецкие истребители. Штурмовик дрался один, без прикрытия. Дрался и вышел с честью из боя, выполнив свою основную задачу — подорвав в эшелонах паровозы.

У лейтенанта Островершенко было прозвище — «Цибуля», что значит по-украински лук. Островершенко — человек с юмором, любил свое прозвище. Когда с ним говорил один иностранный журналист, Островершенко настаивал на том, чтобы прозвище обязательно попало в корреспонденцию.

Воздушный стрелок Иван Голышев не разлучался со своим командиром. Островершенко и Голышев возле узловой железнодорожной станции громили составы. Голышев точным огнем отогнал «Мессера», пытавшегося им воспрепятствовать. Со штурмовки уходили на бреющем. Снаряд, посланный немцами вдогонку, повредил самолет. Хвост самолета загорелся. Стрелок услышал голос лейтенанта:

— Будем тянуть, Иван...

Но тянуть не пришлось. Мотор работал вхолостую. Машина агонизировала. Приходилось пойти на вынужденную посадку.

«Ювелирная работа» наших бомбардировщиков

Островершенко двинул ручку штурвала на себя до отказу. Самолет задел при падении вершину дерева. Раненый летчик от удара лишился сознания. Упали на болото, покрытое снегом и поросшее деревьями. Голышев выбрался из кабины. Кабина летчика не открывалась, ее заклинило. Голышев сквозь толстое стекло видел, что Островершенко лежит неподвижно, обливаясь кровью. Тогда стрелок отбил фонарь и вытащил летчика из горящей машины.

Поблизости пролегал лесной проселок. Послышался стук копыт, приближалась бричка. Человек в синем комбинезоне и унтах внезапно выскочил на дорогу и схватил лошадь под уздцы. Двое мужчин в овчинных полушубках, сидевшие в бричке, взялись за винтовки.

— Кто вы такие?

— А ты кто?

Пришлось показать друг другу документы. Бричка принадлежала штабу партизанского отряда. Партизаны помогли переправить Голышева и раненого Островершенко через линию фронта. Летчик поправился и вскоре в отместку сбил «Юнкерс-52».

Штурмовик Сорокин, подобно Островершенко, тоже имел прозвище, откликаясь по радио: «Моряк на приеме». Сорокин, Голышев, Глебов, Иванов, Гончаров, Денисенко и другие летчики и воздушные стрелки части Горохова воевали инициативно и напористо, отдавая всю силу и страсть разгрому врага под Ленинградом.

Немецкая пехота отходила то по дорогам, то напрямик, увязая в снегу. Трупы устилали пути отступления. Осадные, с длинными асфальтового цвета хоботами, немецкие пушки увязали в грязи и снегу, безжалостно сброшенные с полотна шоссе своими же солдатами. Мертвые пушки, чернея, отмечали погребальный путь дивизий, носивших такие пышные названия: «Викинг», «Райх» или «Адольф Гитлер». Воронки от бомб окаймляли маршруты отхода. Мертвецы лежали в воронках, сохранив выражение страха на окостеневших лицах...

Удары по бегущим войскам наносила не только одна специально предназначенная для подобных целей штурмовая авиация. Удары по земле, в силу изменившейся обстановки, обрушивали и истребители.

За время обороны Ленинграда было уничтожено более трех тысяч ста самолетов противника. Небо оказалось очищенным почти полностью. Еще более укрепилось всегда существовавшее моральное превосходство наших летчиков. Советская авиация приобрела и материальное превосходство.

Нелётная погода окончательно расстроила планы фашистских пилотов; активность германской авиации на последнем этапе ее операций под Ленинградом была ничтожной. Воздушный враг порой исчезал полностью: нашим истребителям приходилось искать противника уже не в небе, а на путях бегства немцев, на запруженных дорогах и забитых повозками мостах.

Истребители, всегда прикрывавшие братьев по оружию — штурмовиков, теперь действовали самостоятельно по наземным объектам.

Прижатые к земле низкими облаками, истребители били по немцам в упор, били с высоты не более ста метров, летая мелкими группами. Результаты были разительны. На одном из мостов, попав под обстрел с воздуха, обезумевшие фашисты в панике проломили барьеры. Немцы падали на лед. На льду выросла груда истерзанных в давке тел.

В один из наиболее напряженных моментов последних событий под Ленинградом истребитель Михаил Шаронов повел на отступавшую немецкую автоколонну своих боевых друзей Рязанова и Сазыкина. Колонну сильно потрепали. Кровь растекалась по снегу.

На выходе из атаки самолет Шаронова был поражен зенитным снарядом. Опытный и искусный летчик хладнокровно оценил положение: линия фронта не близко, садиться — значит попасть в руки врага... И Рязанов и Сазыкин увидели, как поступил их командир. Герой вернулся, трезво рассчитав смертельный удар последней атаки. Самолет накренился на 45 градусов. Шаронов выбрал центр, самую гущу уцелевших от прежних заходов машин, и пошел в последнее пике!

От пламени пожара зарозовели снега.

Все больше удалялась от города Ленина истребительная часть Гринченко. Истребители приближались к западной границе Ленинградской области, очищаемой от немцев.

А. Яр-Кравченко *Сепия, уголь*

Дважды Герой Советского Союза

Петр Афанасьевич

ПОКРЫШЕВ

На Неве

Изменилась погода. Поднялись и растаяли пухлые и низкие тучи. Похрустывал морозец. Небо стало нежноголубым, и снежный убор аэродрома заискрился. Солнце осветило кипение жизни на лётном поле. Остроносые, легкие самолеты взлетали в белой пене, в облаках серебристой пыли. Летчики в новых костюмах из желтой кожи, отороченных мехом, казались удивительно живописными. Гринченко проследил за отлетом:

— Армада! Армада полетела, — сказал он, приложив ладонь щитком.

Самолеты уходили по направлению к логову зверя — Восточной Пруссии.

Два события произошли в истребительной части: Президиум Верховного Совета присвоил старшему лейтенанту Михаилу Шаронову звание Героя Советского Союза; представитель Командования прибыл для вручения правительственных наград.

Награды Родины вручали тут же на лётном поле. Перед полковником стоял летчик-истребитель Михалин, только что вернувшийся с задания. Полковник протянул Михалину открытую коробочку с орденом. Солнечный луч заиграл на эмали.

В эскадрилье Героя Советского Союза Михаила Шаронова летчик Михалин был его заместителем; после гибели Героя он принял командование. Истребителя Михалина хорошо знают и любят в штурмовых частях. Про него говорят: «Михалин прикрывает на совесть».

...Ревели моторы. Михалину не оставалось времени даже на небольшое ответное слово: группа ждала командира. Михалин расстегнул застежку на кожаной куртке, украдкой взглянул на орден, спрятал его на груди, повернулся и отошел к своей машине:

Летчик-истребитель Н. Молтенинов

— От винта!

Поднятый пропеллером ветер вздыбил вихрь белой пыли, в мгновение ока она запудрила зеленый фюзеляж и плоскости. Сквозь пургу сверкнули стекла кабины, потом всё скрыла вьюга. Из снежного облака, как искра, выскочил самолет, пробежал немного по снегу, оторвался, поднялся в воздух. За Михалиным летели ведомые. Имя Героя Советского Союза, погибшего боевого командира Михаила Шаронова вело их вперед.

Разгром немецкой автоколонны

Так сражались истребители в дни полного освобождения Ленинграда от осады. Не отставали и другие виды авиации.

Задача разбомбить мост у летчиков-бомбардировщиков считается одной из самых сложных. О такой операции отзываются с почтительным уважением:

— Ну, знаете ли — ювелирная работа!..

В дни разгрома немецкой группировки под Ленинградом экипаж корабля в составе Самохвалова, Ильина и Броницкого разрушил мост в тылу противника. Бомбардировщики отрезали немцам один из немногих остававшихся путей отхода. Узкая цель, хорошо защищенная зенитками, представляла исключительные трудности для поражения. Бомбы легли точно. Пролет моста обрушился в реку.

После встречи с советскими истребителями

Но бомбардировщики не ограничивались решением задач подобного рода, вслед за истребителями и они стали летать на штурмовки. Бомбардировщики «Петляков-2» успешно боролись с артиллерийскими батареями немцев, пытавшимися задержать наступление советских войск.

Бомбардировщики атаковали колонны машин и повозок противника и добивались отличных результатов.

Во всеобщем преследовании отступающего врага летчики-ветераны участвовали наряду с новичками. Крыло в крыло с орлятами дрались и старые орлы.

В горячее время ветераны редко могли сойтись за дружеской беседой. Если бы встретились участники августовских боев 1941 года, и герои прорыва блокады, и храбрецы, покрывшие себя славой в дни синявинских операций, и все остальные — им было бы что вспомнить.

На первом этапе борьбы за Ленинград летчики-истребители, летавшие на «Чайках», выполняли роль будущих штурмовиков. Герои Советского Союза Никита Ржавский и Николай Свитенко, летчики частей Голицына, Старкова и Свитенко явились предшественниками штурмовой авиации.

Осенью 1941 года над немецкими окопами зашумела «черная смерть» — на Ленинградский фронт прибыли штурмовые в прямом смысле слова части, вооруженные «летающими танками», самолетами «Ильюшин-2».

Герой Советского Союза Виктор Зотов

Тогда истребители, в том числе действовавшие на «Чайках», перешли к сопровождению штурмовиков, вернувшись к основным, им свойственным по типу машины, задачам борьбы с воздушным противником.

В период финальных боев за освобождение Ленинграда, обстановка на фронте вновь потребовала перехода к штурмовым действиям, но уже всех видов авиации.

В генеральном воздушном штурме вражеских орд, бегущих от Ленинграда, слились усилия бомбардировщиков, истребителей и штурмовиков.

Это было неизбежным следствием пройденных этапов войны, важного исторического перелома в ее ходе. Грозный вывод подтвердился не словами, а губительным огнем пушек, ударами бомб, раскаленным свинцом пулеметных струй, обрушенными на отступающих в смятении немцев...

— На фоне славных дел во всем своем величии встает образ героя — ленинградского летчика, кующего нашу победу над заклятым врагом. Этот образ мы видим сквозь грохот разрывов и дым пожарищ, его суровые черты мы запомним на всю жизнь, как олицетворение беззаветной отваги, высокого боевого духа и решимости, несмотря ни на что, одолеть врага, — говорил генерал-майор авиации Иванов.

Образ ленинградского летчика! Он слагается из прекрасных черт народного характера, проявленных защитниками Ленинграда в жарких боях. Этот образ нашел свое воплощение в лице лучшего асса Ленинградского фронта, дважды Героя Советского Союза Петра Покрышева, совершившего за Отечественную войну более трехсот вылетов.

На вид Покрышев попрежнему почти юноша. Тонкие усики чернеют над сжатым ртом, слегка вьются черные блестящие волосы, открывающие большой, чистый лоб. Глаза светятся мыслью.

Покрышев внешностью напоминает Дениса Давыдова, лихого, страстного в набегах партизана, офицера и поэта. Вспоминается и портрет Лермонтова в офицерском мундире Тенгинского полка: та же сосредоточенность, острота взгляда, внутренний пламень.

У Покрышева свой неповторимый стиль боя. Вот дерется этот храбрец и трое его ведомых против шестнадцати машин врага, поджигает их, сминает и выходит победителем.

Петр Покрышев не забыл о том, как в начале Отечественной войны открывали счет молодые советские летчики: Лихолетов, Зотов, Горбачевский. Молодые, неопытные, но исполненные воли к борьбе, все они прошли славный боевой путь и в третий год войны вступили Героями Советского Союза, общепризнанными мастерами воздушного боя и воспитателями молодых бойцов: летчики, бывшие первые месяцы войны героями обороны, стали героями наступления.

Ученики дважды Героя Советского Союза Петра Афанасьевича Покрышева достойны своего учителя. В дни решающих боев за город Ленина произошло столкновение молодых истребителей части Покрышева со значительной группой «Фокке-Вульфов» и «Мессершмиттов». Покрышевцы образовали непреодолимый воздушный заслон, наши пикирующие бомбардировщики сбросили груз полностью. Мы не потеряли в этом бою ни одного самолета, немцы — семь. Двенадцатую личную победу одержал один из лучших покрышевских учеников — Владимир Серов.

Необыкновенное мужество истребителя Покрышева, бомбардировщика Кузменко, штурмовиков Паршина и Кизима, разведчика Дужего и многих других защитников Ленинграда является волнующим примером патриотизма ленинградских летчиков. Не забудутся окровавленный партийный билет летчика Еремина и израненные руки Владимира Ускова, который не выпустил штурвала и летящий на врага

А. Яр-Кравченко *Уголь. мелок*

Полковник

Михаил Иванович

СУЛИМОВ

Вгороде Пушкине после бегства немцев

самолет Сергея Потапова. На дважды задетом самолете с расщепленной плоскостью и поврежденным рулем глубины летчик вернулся на аэродром. Осмотрев машину, он спросил у воздушного стрелка:

— Можно дальше летать?

— Можно, товарищ командир,— ответил воздушный стрелок.— Нужно. Значит можно!

Перед нами — юноша-летчик, ленинградец Михаил Шпиленко. Вражеский снаряд разбил стеклянный купол кабины штурмовой машины. Шпиленко схитрил: имитируя падение, он ускользнул от прицепившихся к машине немецких истребителей. На юноше пылал комбинезон.

Шпиленко, не отпуская руля, срывал с себя куски горящей материи и вышвыривал их сквозь разбитое стекло... Горящие клочья плыли под самолетом Шпиленко, точно огненные птицы. Обожженный до полусмерти, летчик сел на своей территории.

Замечательный подвиг совершил Герой Советского Союза Георгий Паршин, долго не возвращавшийся после боевого вылета.

Три дня он отсутствовал в своей эскадрильи.

Немецкая артиллерия под ударом штурмовиков

Три дня товарищи не слышали веселых шуток этого вечно живого, подвижного человека. Сама собой приходила на память песенка, которую он постоянно мурлыкал:

Посмотри, изодранные в клочья
Облака за горизонт спешат,
И отвагой налитые очи
Тишь страны любимой сторожат.

Песню, по преданию, сложил Герой Советского Союза летчик-бомбардировщик Маркуца. Имя выдающегося летчика было известно всем: сбитый в тылу врага, Маркуца вышел и с боем вывел оттуда наш батальон.

Воздушные стрелки А. Тютрюмов и А. Тетерин

Три дня друзья не слышали метких советов Паршина, первоклассного мастера пилотажа и штурмовых ударов, искусного в огне и ориентировке.

Судьба сбитого немцами товарища стала темой разговоров, не прекращавшихся ни на аэродроме, ни в общежитии, ни в лётной столовой.

Георгия Паршина подбили при выходе из атаки. Раненный в голову, он нашел, однако, в себе силы не бросить штурвала. Самолет тяжело сел на лесной поляне в тылу фашистских войск — и зарылся в сугробы. Летчик и воздушный стрелок Бондаренко едва успели покинуть кабины, как грянул оглушительный взрыв.

Истребители преследуют отступающего врага

Итти по снегу было нелегко: унты набухли. Шли молча сосредоточенно.

Показалась лесная дорога. Вдоль проселка мчался штабной мотоцикл. Низко наклонился водитель-солдат. В прицепе сидел, вытянув в коляске ноги, плотный немецкий офицер. Два выстрела прервали быстрый ход мотоцикла. Лежа на снегу, вели огонь Паршин и воздушный стрелок. Машина опрокинулась. Из канавы, продолжая бешенно вращаться, торчало колесо. Хрипел, пытаясь приподняться, немец. Через плечо у офицера висел фотоаппарат в черном кожаном футляре. Паршин подполз к фашисту, добил его и, вырвав аппарат, поспешил укрыться за деревьями. Вслед удалявшимся летчику и воздушному стрелку посыпались пули. Немцы заметили смелое нападение русских, но углубиться в лес не решились.

Герой Советского Союза Владимир Серов

Возле самой линии фронта возвращавшийся Паршин обнаружил полуроту гитлеровцев, с натугой копавших замерзшую землю.

Летчик и стрелок двинулись в обход. Вскоре они натолкнулись на нашу разведку, бесстрашно проникшую в расположение врага. Храбрые сговариваются между собою быстро: планы переменились. Летчик потолковал с разведчиками-пехотинцами и принял над ними команду.

Немцы между тем продолжали, с тупым напряжением, орудовать шанцевыми лопатами: полусотня фашистов копала траншею в твердой, неподатливой, будто сопротивлявшейся им земле.

Паршин подвел разведчиков, незаметно, умело применяясь к местности. Молча, броском налетели на немецких солдат наши бойцы. Обезумевшие от полной неожиданности, фашисты кинулись в разные стороны. На снегу остались убитые.

Летчик сам захватил трех «языков». Немцы упирались, отказывались идти. Штурмовику пришлось тогда показать им достаточно выразительно на револьвер. Фашисты нехотя подчинились. Один из пленных на допросе смог объясниться даже без помощи переводчика, от каждого добыли ценные сведения.

Так вернулся летчик Паршин. Своим подвигом он продолжил традиции Героя Советского Союза Маркуца, бесстрашного офицера, лирического поэта, волнующие песни которого до сих пор живут в лётной среде.

Георгий Паршин думал лишь об истреблении фашистов. Раз остался на земле — действуй, ползи, стреляй, бери в плен врага! И наш пилот действовал как заправский пехотный командир, будто всю свою жизнь провоевавший в наземных частях.

С особенной рельефностью облик ленинградского летчика возникает в подвиге экипажа бомбардировщика Борисова в тот же период великой битвы за город Ленина.

При других командир и подчиненные обращались друг с другом, как положено по уставу. Но когда они оставались одни, официальное обращение заменялось товарищеским.

Командир корабля, старший лейтенант Дмитрий Дмитриевич Борисов, в юности работал на Тульском оружейном заводе и гордился тем, что где-то, поблизости от его станка, творят новое оружие знаменитые русские конструкторы — Токарев и Дегтярев, наследники лесковского «Левши».

Борисов работал на заводе и тренировался в аэроклубе. Из аэроклуба прямая дорога вела в авиационную школу. То был обычный путь для нашей молодежи, стремящейся в авиацию.

Боевую закалку летчик приобрел в небе Сталинграда. Он успешно командовал звеном, сражавшимся за волжскую твердыню.

Встреча с Логиновым произошла позже — на Ленинградском фронте. Борисов быстро сошелся с ним, сошелся накрепко, как сходятся только на войне. Штурман Логинов — вспыльчивый, беспокойный, неровный человек, — в воздухе будто преображался. К нему приходили в полете полное самообладание, ледяная невозмутимость, абсолютная уравновешенность. В эскадрилье о Логинове отзывались с уважением: «Наш лучший штурман!»

Третий член экипажа — Саша Малятин по своему душевному складу отличался от старших товарищей. Умелый стрелок-радист сержант Малятин в быту был очень мягким, уступчивым и покладистым юношей. От него никогда не слышали резкого слова. До вступления в ряды Красной Армии Малятин окончил Учительский институт и преподавал украинскую литературу. Даже на фронте юноша не расставался с томиками стихов Шевченко и Тычины.

А. Яр-Кравченко *Сангина, уголь*

Герой Советского Союза
Георгий
ПАРШИН

Генерал-полковник авиации Николай Сергеевич Шиманов благодарит командира штурмовиков за выполнение боевого задания

Время наступило горячее! Последняя схватка под Ленинградом становилась все более жаркой. Экипаж корабля не отлучался с аэродрома.

К самолету Борисова подвесили комплект бомб. Оружейник Казарин вставил взрыватели и закрепил их возможно тщательнее: то были взрыватели мгновенного действия! Бомбы должны были рваться в самый момент касания земли. Специальная инструкция разрешала сбрасывать бомбы с взрывателями подобного типа только при высотах полета не ниже 400 метров, иначе осколки и взрывная волна могли серьезно повредить самолет.

С утра пошел мокрый снег. Погода опять ухудшилась. Стелился густой туман, низко опустилась облачность.

Особенно плохой была погода на одном из участков фронта, где части нашей пехоты встретили сопротивление.

Немцы превратили захваченную, разоренную и сожженную ими до тла деревню Новую в опорный пункт. Вдоль крутого берега реки фашисты вкопали танки. Подтянули артиллерию.

На переднем крае

Темп наступления нашей пехоты замедлился. Нужна была быстрая активная поддержка авиации.

На аэродроме к Борисову подошел командир части.

— Погода сам видишь, какая...

— Неважная погода, товарищ подполковник!

— Взрыватели у вас поставлены мгновенного действия?

— Да... Других не положено при нормальных высотах, товарищ подполковник...

— Ты говоришь «при нормальных», а если нужно лететь сейчас и сбрасывать бомбы, вот эти самые, с взрывателями мгновенного действия; — ну, с высоты ста пятидесяти метров, что будет тогда?

Борисов быстро взглянул на стоявших подле него Логинова, Малятина и на других летчиков своего звена.

Майор И. Механиков перед вылетом на боевую разведку

— Тогда... Тогда, товарищ подполковник... есть присяга и еще есть такое слово: самопожертвование!

Вечерело. Самолеты звена летчика Борисова перелетели линию фронта. Бешено стреляли немецкие зенитки.

— До чего знакомая картина, Жора, — спокойно заметил Борисов, — просто похоже на Сталинград.

Герой Советского Союза летчик Г. Паршин штурмует немецкие танки

— Дима, я полагаю, в облачность лезть не стоит, можно врезаться при выходе...

— Ты прав, Жора. Действуем со ста метров.

Борисов окликнул воздушного стрелка-радиста, который уже несколько минут не давал о себе знать.

— Саша!.. Саша!..

Стрелок Малятин упорно молчал. Но выяснять, что с ним,—было некогда, приближалась цель.

А. Яр-Кравченко *Масло*

Генерал-лейтенант авиации
Степан Дмитриевич
РЫБАЛЬЧЕНКО

В парках Петродворца

Показался лесок, за ним — речка, заросшая осокой, и на крутом берегу — остатки деревни. Летели низко: Логинов и Борисов видели и вкопанные танки, и суетившихся подле них немцев, и повозки, и зенитные орудия, захлебывавшиеся огнем.

Борисов и Логинов понимали, что единственная возможность выполнить задачу и, может быть, спасти экипаж, заключалась в скорости — решали десятые или даже сотые доли секунды. Борисов верил в свой самолет, выжимая из машины всё, что она была способна дать. Самолет шел с невероятной быстротой, быстротой, нарастающей до предела. Логинов решил отказаться от электрического прибора — метать бомбы вручную. Он рванул на себя рычаг механического сбрасывателя. Восемь бомб полетели на головы немцев, сброшенные с высоты ста метров! Восемь бомб со взрывателями мгновенного действия!

Герой Советского Союза Василий Шаронов повторяет подвиг капитана Гастелло

Страшный удар воздушной волны закачал самолет. Взвились под ним столбы черного дыма... Борисов вышел из атаки. От разгромленного немецкого рубежа звено уже отделяло значительное расстояние, самолет и экипаж уцелели.

— Саша!.. Саша!..

— Не спрашивай Сашу,—ответил Логинов.—Видишь, молчит, значит — задело осколком. Ну, мы немцам, кажется, отомстили за нашего Сашу.

Герой Советского Союза Александр Мапохин

Борисов вел машину на бреющем. Он повернул к лесу и шел над самыми верхушками деревьев. У летчика была одна забота — сделать угол между самолетом и землей, возможно меньшим.

При обратном переходе линии фронта самолет напоролся на зенитную установку. С поляны бил трассирующими пулями тяжелый немецкий пулемет.

Логинов услышал запах гари, а Борисов почувствовал тепло в ногах: одна унта загорелась. Он начал тушить ее перчаткой, не выпуская штурвала из правой руки.

Летчик-штурмовик В. Емельянов

Пламя вскоре погасло, но ногу продолжало жечь. И вдруг ступня на педали стала слабеть. Закружилась голова.

— Я, кажется, ранен, Жора...

— Дима, держись! Нужно, пойми, нужно дотянуть...

Стемнело. Борисов вел самолет наощупь. Он собирался сделать посадку на ближайшем аэродроме, но Логинов настаивал на том, чтобы лететь домой.

— А если мне будет хуже? — спросил Борисов.

— Долетим, Дима, обязательно долетим!

Летчик-бомбардировщик А. Малин

И полет продолжался. Минуты казались часами. Темнота охватила самолет со всех сторон.

Всё же долетели. Самолет окружили товарищи. Из кабины никто не выходил: ни Саша, ни Жора, ни Дима.

Последними словами Борисова, когда его вынимали из машины, были:

— А Саша?.. Посмотрите, жив ли Саша?..

Отступающие немцы подожгли Гатчинский дворец

— Жив, жив! — отвечали ему друзья.

Борисов пришел в себя на госпитальной койке. Рядом с ним лежал перевязанный Логинов.

Прошло три дня. Летчики из эскадрильи зашли навестить раненых командира корабля и штурмана. Продолжать скрывать правду было нельзя: Сашу Малятина сегодня хоронили.

— Дайте карандаш, — заволновался Борисов.

— Не тревожьте себя, — успокаивала сестра.

Петродворец. Руины Большого каскада

— Нет, нет, обязательно дайте... —Я напишу, ну всего несколько строк, пусть их прочтут... пусть их обязательно прочтут над гробом Саши.

Рука у Борисова дрожала, но он набросал обращение к однополчанам. Простое и сильное, в нем слышалась боль за товарища, погибшего в бою, клятва!

Эскадрилья, в которую входило звено летчика Борисова, перелетела на другой аэродром.

Фронт находился в движении, шли по освобожденной советской земле.

Поток людей и машин бурлил на военных дорогах. По сторонам валялись подбитые немецкие танки. В снегу чернел втоптанный полукруглый, обшитый серебряным галуном, солдатский погон с цифрой «84»—номером одного из многих уничтоженных немецких полков.

С дорог снимали рогатки, преграждавшие путь. Это означало, что следующий участок разминирован и можно продолжать движение на Запад.

На перекрестках появились регулировщики — девушки в рыжих полушубках с черными меховыми воротниками. Они взмахивали флажками, и в образовавшийся проход устремлялись машины. Грузовики везли бойцов, на прицепе у машин были

минометы; тракторы тянули тяжелые орудия; шли танкетки; шагали колонны красноармейцев с лыжами на плечах.

Навстречу попадались тягачи, волочившие тупорылые немецкие мортиры; по краям дороги валялись трупы немцев, перевернутые кузова машин, чернели полустертые кресты на броне подбитых танков, торчали обугленные остатки вражеских самолетов.

Колонна автоматчиков остановилась на-перекурку. Струйками взвились прозрачные дымки папирос. Бойцы считали воронки от авиационных бомб, подступавшие к самому полотну. Много воронок. Рослый парень с серыми живыми глазами и шрамом на щеке заметил с явным одобрением:

— Летчики! Дорожку нам пробивали...

И летчики, в свою очередь, находили, за что благодарить пехоту. Среди даров победы был один — особенно дорогой для нашей авиации, — возвращались отбитые у врага аэродромы.

На аэродром Р. вернулись хозяева. Увязая в снегу, бродили минеры с собакой. Из домиков, в которых жили немцы, выметали гнилую солому, мусор, вонючие тряпки, растрепанные листы порнографических книжек. По горло в грязи жили господа оккупанты, не успевшие использовать лётное поле для боевых целей, но предусмотрительно ободравшие металлическую обшивку ангара.

Немцы цеплялись за этот аэродром: врага пришлось выбивать отсюда пехоте. Один из эпизодов борьбы запечатлелся на снегу... Летчики молча глядели на трупы юноши-красноармейца и девушки. Юноша первым ворвался на аэродром, лег, раскинув ноги, уперся прочно локтями и повел огонь из ручного пулемета. Юношу тяжело ранил осколок. Тогда к нему из цепи поползла бесстрашная девушка-санитарка. Смерть застигла ее с бинтом в руках...

Подполковник Ковалев нагнулся и поднял комсомольский билет. Защитника Ленинграда звали Кисляк. Он родился на Украине, далеко от этого, политого кровью, снежного поля. Имя девушки осталось неизвестным...

«Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!» — этими словами Сталинских приказов Родина прощалась со своими сынами, отдавшими чистую и прекрасную юность за этот кусок русской земли.

С освобожденных аэродромов взлетали самолеты. Поднимались и летели на Запад. Внизу мелькали стены сожженных немцами дворцов, разрушенные фонтаны. Пламя пожара бушевало над Гатчиной... В Пушкине немцы пытались тысячекилограммовыми бомбами взорвать Камеронову галлерею над озером сказочных лебедей.

В одной из зал Екатерининского дворца немцы нашли щит с нарисованным на холсте портретом Пушкина-лицеиста. Этот щит в свое время напоминал посетителям пушкинских парков о знаменитой картине Валентина Серова.

Немцы использовали портрет поэта, как ставень для окна единственного уцелевшего дворцового флигеля, где помещался их штаб. Убегая без оглядки из города Пушкина, немцы об этом изображении забыли. И поэт печальными и удивленными глазами смотрел со щита на вырубленную аллею, слышавшую песни лицеистов, на оскверненные парки Семирамиды.

В. Морозов *Акварель*

Салют в честь великой победы под Ленинградом

Полковник Ф. Хатминский, командир штурмовой части, которой присвоено наименование «Красносельской»

В городе Пушкине случайно уцелели чудесные Орловские ворота, которые ведут из предместья Софии в Екатерининский парк. Но и этого шедевра архитектуры не миновала рука гитлеровских вандалов: зловещая трещина от осколка змеилась по бесценному розовому мрамору. Зияли выбитые окна Лицея. Темнели грудами камней взорванные плотины канала. И тут же разрушителей настигло возмездие.

Мрачны немецкие военные кладбища, оставленные под Ленинградом. Низкие кресты повторяют форму Железного креста, они стоят сомкнутыми рядами, как

На дорогах войны

шеренги солдат под палками прусских фельдфебелей. В этих погребениях парад смерти!

Гневные строки Пушкина вспоминались советским воинам, вошедшим в город и озиравшим панораму тяжких его разрушений.

Война! Подъяты наконец,
Шумят знамена бранной чести,
Увижу кровь, увижу праздник мести...
Засвищет вкруг меня губительный свинец...

Да, настал праздник справедливой мести, предсказанный русским гением. Фашистские безумцы, поднявшие руки на бессмертное творенье Петра, бежали от Ленинграда. Бежали и будто слышали за собою тяжелозвонкое скаканье Медного Всадника. Оно звучало для них и в гуле кронштадтских орудий, и в грозном реве моторов русских самолетов, настигавших врага.

Полковник М. И. Сулимов поздравляет летчиков после вручения им боевых наград

Ленинградцы с замиранием сердца слушали всегда раскаты победных салютов, доходившие из Москвы. Сколько раз старались они воображением преодолеть пространство — представить себе Спасскую башню, Мавзолей, стены Кремля, над которыми в эту минуту расцветало московское небо, испещренное трассами снарядов и полетом ракет.

Двадцать первого января 1944 года Ленинград услышал приказ великого Маршала товарища Сталина, обращенный к войскам Ленинградского фронта, к частям генералов: Масленникова, Андреева, Федюнинского, Симоняка, Фадеева, Романенко, Михалкина, Чарнявского, Жукова. К летчикам маршала авиации Голованова, генерал-лейтенанта авиации Рыбальченко, генерал-лейтенанта авиации Самохина...

Подполковник Б. Пастушков

Москва салютовала в честь Ленинграда!

Радостное, праздничное настроение охватило ленинградцев с новой силой двадцать седьмого января. С утра еще ничего не было объявлено, но весть о том, что строй орудий появился на Марсовом поле, облетела город. К концу дня народ высыпал на улицы, заполнил набережные, собрался на площадях. Множество людей пришло к памятнику Суворова, стояло вдоль Летнего сада, толпилось подле Ростральных колонн. Раненые не хотели оставаться в палатах и выходили на подъезды госпиталей. Люди поднимались на крыши.

— Помнишь, — говорили они, — дежурства на крышах в начале войны?

Краснофлотцы стояли на палубах кораблей. Пионеры выносили на улицы знамена. Из Дома отдыха летчиков вышла на аллею Кировского острова группа офицеров, отдыхавших после ранений.

Блеском волнения горели глаза ленинградцев, всё переживших и дождавшихся дня славы, праздника на ленинградской улице. Недавнее тяжелое и грозное время борьбы за родной город вновь проходило перед ними. Ленинградцы вспоминали первую воздушную тревогу, навсегда врезавшуюся в их память, грохот обстрелов, потерю близких, тонкие, как лепестки, ломтики черно-серого хлеба, составлявшие дневной паек взрослого. Вновь прошли перед ними упорство и неутомимость ленинградских женщин, воздвигавших баррикады, мужество дивизий Народного ополчения, воздушные бои над городскими скверами в белые ночи, и петли в холодном небе — след самолетов, бивших врага на огромной высоте.

Стрелка на башенных часах Палаты мер и весов приближалась к восьми. Часы не останавливались на всем протяжении долгих месяцев блокады. Они когда-то отметили время первой воздушной победы ленинградцев.

Все были знакомы в этот вечер, милы и близки друг другу. Заговаривали, делились чувствами, не скрывали счастливых слез...

Но вот смолк веселый говор, шум, радостные восклицания. Воцарилась торжественная тишина.

В репродукторах послышались величавые слова:

«Войска Ленинградского фронта в итоге двенадцатидневных напряженных боев прорвали и преодолели на всем фронте под Ленинградом сильно укрепленную, глубоко эшелонированную, долговременную оборону немцев, штурмом овладели важнейшими узлами сопротивления...».

По следам отступления

Толпы народа слушали, затаив дыхание...

«В итоге боев решена задача исторической важности: город Ленинград полностью освобожден от вражеской блокады...».

Ленинград освобожден!

Полностью! Навсегда!.. Счастье переполнило душу. Счастьем, гордостью зажигались глаза мужественных сынов Ленинграда, героическим трудом и стальной своей выдержкой преодолевших мучения блокады, отдавших делу победы все свои силы...

«Слава войскам Ленинградского фронта!»

«Слава трудящимся города Ленина!»

Единым венком бессмертия венчала их Родина!

Прозвучало имя вдохновителя и организатора победоносной обороны Ленинграда — Андрея Александровича Жданова!

Загрохотали орудия на Марсовом поле и пушки кораблей на Неве. Громом откликнулись форты. Тысячи разноцветных ракет взвились в черное небо, сверкая, как драгоценные каменья. Взлетали золотисто-желтые, сапфировые, рубиновые, изумрудные, аметистовые звезды. Стало светло от лучей прожекторов. Казались

Балтика салютует

ажурными легкие контуры Адмиралтейства, линии зданий, окружающих Марсово поле, вазы на кровле Мраморного дворца. Легкими силуэтами высились над праздничным городом статуи Кутузова и Суворова, темнели ветви деревьев на аллеях островов, мачты кораблей, шпиль Петропавловского собора.

Гремел салют. Он звучал громом победы. Он гудел похоронным звоном над колоннами немцев, в смятении продолжавших свой позорный путь отступления. Он бил набатом для народов порабощенной Европы.

Женщина с усталыми глазами, известный ленинградский врач Екатерина Васильевна Пластинина, пережившая всю осаду с первого дня до последнего, подошла к одному из летчиков, стоявших на аллее, и обняла его:

— Спасибо вам за всё, защитники Ленинграда. Я знаю, завтра моя девочка Таня может спокойно, не боясь обстрела, итти в школу.

Зеленый и красный свет взлетавших ракет и жемчужно-розовое свечение прожекторов бросали отблеск на простые, знакомые каждому ленинградцу, дорогие черты. Это были обветренные лица героев воздушных сражений, спокойные, сильные русские лица крылатых защитников города Ленина.

Грохотали пушки, точно литавры Седьмой симфонии Шостаковича.

На боевых аэродромах, далеко от Ленинграда, летчики ловили по радио раскаты салюта. Ленинградскому салюту внимали: Москва, Украина, Грузия, Казахстан, Сибирь. Звуки салюта доносились до берегов Охотского и Черного морей. За Уралом, на выросших там новых заводах-гигантах, жадно слушали отзвуки ленинградских пушек.

Авиация прикрывает пехоту

Древний Джамбул старческой рукой тянулся к струнам домбры, чтобы вновь воспеть славу ленинградцев. В эфире становилось тесно. Говорили: Москва, Лондон, Алжир, Филадельфия, Лос-Анжелос, Вашингтон, Чунцин... Работали радиостанции всего земного шара, спешившие передать весть о полном освобождении Ленинграда.

Большие чувства переполняли сердца патриотов.

Точно на высокую гору подняла их история, открыв широкие светлые горизонты.

Защитники города Ленина, выигравшие битву, отныне уходили в новый поход. Знамена Ленинградских полков, овеянные славой дней обороны, будут реять над немецкими городами.

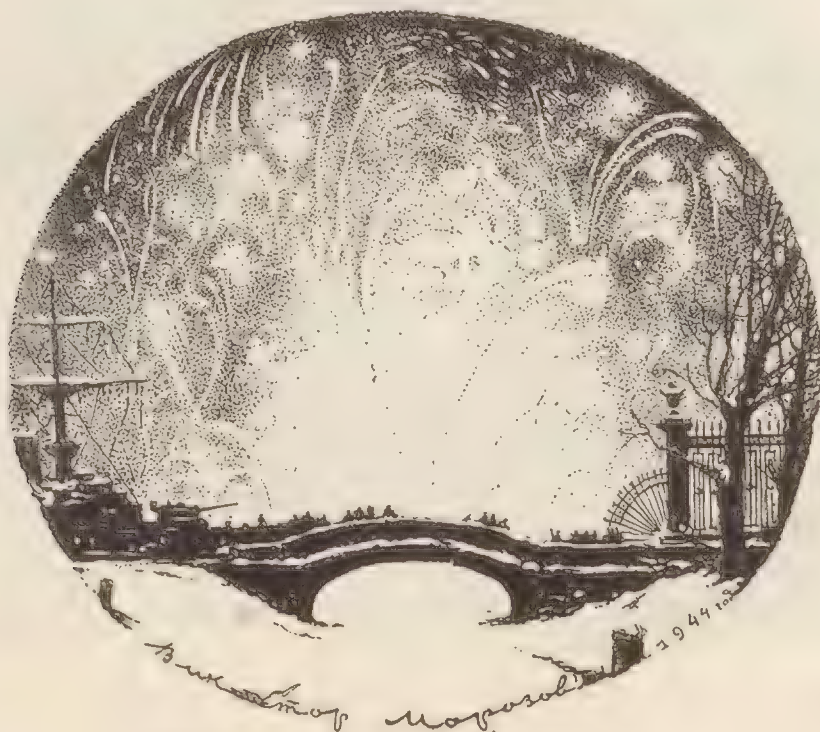
В радостный и незабываемый вечер салюта с особой силой ощущалось величие нашей Родины, выковавшей Красную Армию, вооружившей ее мощной военной техникой и вселившей в грудь воинов дух бесстрашия и героизма.

Чувством горячей благодарности Отчизне преисполнились Ленинградцы. Родина поддержала их в суровое время блокады.

Одно имя с ликованием произносилось в этот миг каждым патриотом на фронте и в тылу.

Имя вдохновителя наших побед звучало по всей необъятной стране.

Могучее имя, бесконечно родное и близкое — Сталин!

ПЕРЕЧЕНЬ РЕПРОДУКЦИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

В НАСТОЯЩЕМ ИЗДАНИИ
ВЫПУЩЕНО 100 ИМЕННЫХ ЭКЗЕМПЛЯРОВ

Ответственный редактор
З. Л. ДОКТОРОВ

Клише и печать выполнены
под наблюдением
И. И. СИВКОВА

Выпускающий
Г. С. КОР-ОГЛУЕВ

Ленинградское Отделение Издательства
„ИСКУССТВО“

Типография
имени ИВАНА ФЕДОРОВА
Ленинград

Г 11052. Печ. л. 29 + 32 цв. вкл. Авт. л. 21,8. Уч.-изд. л 23,1.
№ 2672. Печ. знак. в печ. л. 28704. Заказ № 63

30р.

15=
248050/
248049/ РКБ